

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Вазанков Максим Владимирович

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КУБАНИ И АДЫГЕЙ
В 20 – 30-е гг. XX в.**

5.6.1 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент З.Я. Емтыль

Краснодар – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Условия развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее.....	25
1.1. Истоки становления педагогического образования в XIX – начале XX вв.....	25
1.2. Формирование политики советской власти в отношении педагогических кадров.....	49
1.3. Организация профессионально ориентированных учебных заведений	75
Глава 2. Практика массового создания учителей-социалистов на Кубани и в Адыгее в 20-30-е гг. XX в.....	96
2.1. Пролетаризация педагогических кадров.....	96
2.2. Студенческие чистки как форма «позитивной дискриминации».....	124
2.3. Массовая подготовка национальных педагогических кадров в рамках политики коренизации.....	135
Заключение.....	155
Список использованных источников и литературы.....	160

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. На фоне нарастающей в последние десятилетия нехватки педагогических кадров в российской системе образования и падения престижа профессии учителя особую актуальность приобретает исследование и обобщение беспрецедентного опыта массовой подготовки педагогических кадров в Советской России в 20-30-е гг. XX в., обеспечившей успешное решение масштабных культурно-просветительских, социально-экономических и кадровых проблем, стоявших перед молодой советской властью.

В отечественной исторической науке накоплен достаточно обширный опыт изучения истории профессионального образования, в том числе отдельных групп специалистов. Однако непосредственно проблема развития педагогического образования в первые десятилетия существования советской власти, несмотря на свою общественную и научную значимость, только начала свое оформление в самостоятельную исследовательскую тему. В последние годы наметился рост научного интереса к вопросам становления педагогического образования в отдельных регионах России, предпринимаются попытки осмысления общих тенденций и региональных особенностей данного процесса. В этой связи обращение к истории развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее в 20-30-е гг. XX в. как к самостоятельной исследовательской проблеме позволит расширить границы и глубину научного осмысления процесса становления педагогического образования в Советской России, дополнить его новыми фактами и характеристиками из жизни российских регионов.

Актуальность научной разработки проблемы объясняется и ее исключительным местом в историографии, так как она концентрирует в себе важнейшие аспекты социокультурной жизни страны: от культурной революции и связанным с ней развитием народного образования до глубоких социокультурных преобразований в Советской России.

Историографическая значимость проблемы состоит и в возможности преодоления устоявшейся в региональной историографии традиции, согласно которой исследовательский интерес сосредоточен на изучении различных уровней педагогического образования и этапов их развития. Работа представляет собой первое комплексное исследование проблемы подготовки педагогических кадров на Кубани и в Адыгее в 20-30-е гг. XX в., во взаимодействии с политическими, социально-экономическими и культурными процессами в стране и регионе.

Практическая значимость исследования связана с происходящим на протяжении всего постсоветского периода реформированием российской системы образования. Длительное время этот процесс находился под влиянием европейского опыта. Однако в последние годы наметилась тенденция «возрождения национальной модели образования», основанной на обращении к опыту и традициям отечественного образования. Важнейшим фактором развития образования и его эффективности является подготовка педагогических кадров. В этой связи обращение к не имевшему аналогов по масштабам опыту развития системы педагогического образования в Советской России в 1920-1930-е гг. представляется научно обоснованным и перспективным.

Степень научной разработанности проблемы. В отечественной историографии сложился достаточно большой опыт исследований различных аспектов развития образования на Кубани и в Адыгее в 20-30-е гг. XX в. Однако непосредственно изучение становления и развития педагогического образования не нашло отражения в специальных работах и не получило оформления в рамках самостоятельной исследовательской темы. Несмотря на это, отдельные ее составляющие с разной степенью полноты представлены в целом комплексе обобщающих исследований по истории и культуре Кубани, Адыгеи и Северного Кавказа¹; исследованиях по истории развития народного

¹ Раенко Я.Н. Адыгея до и после Октября. Краснодар, 1927; Очерки истории Адыгеи. Т. 2. Майкоп, 1981; Ратушняк В.Н. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920. Краснодар, 1996; История Кубани XX век: очерки. Краснодар, 1998 и др.

образования²; высшего образования³; культурной революции⁴; отдельных образовательных учреждений⁵; формирования интеллигенции как в рассматриваемом регионе, так и на Северном Кавказе в целом⁶; коренизации

² Каймаразов Г.Ш. К истории народного образования и науки в национальных районах Северного Кавказа 1920-1940-е гг. // УЗ ИИЯЛ. Серия общественные науки. Т. 20. Махачкала, 1970; Вагина В.Ф. Народное образование на Северном Кавказе в период строительства социализма // Народное образование на Северном Кавказе: сб. статей. Ставрополь. 1974. С. 17-28; Лях В.И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы. Краснодар, 1997; Бозиев Р.С. Формирование системы образования на Северном Кавказе // Педагогика. 2000. № 2. С. 64-68; Гобети З.Б. Становление и развитие народного образования на Северном Кавказе в 30-е годы XX в. // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2006. № 4. С. 14-18; Мамсиров Х.Б. Проблемы создания системы образования на Северном Кавказе в период советской модернизации 20-х – начало 30-х гг. XX в. (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. Нальчик, 2006. Вып. 8. С. 8-13; Лиджеева К.Ф. Развитие системы образования в национальных районах юга России в конце XIX в. – 1941 г.: историко-сравнительный анализ. Элиста, 2012; Бузаров К.И. Развитие народного образования в Адыгее (II половина XVIII века - I половина XX века) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2012. № 1. С. 33-39; Трехбратова С.А. История народного образования на Кубани (конец XVIII – начало XX в.). Краснодар, 2015; Кагазежев Б.С., Кагазежев Р.Б. История развития народного образования в Адыгейской автономной области в 20-30-е годы XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. № 4. С. 30-34; Горожанина М. Ю. Развитие культуры и науки на Кубани во второй половине XIX - начале XX в.: в контексте взаимоотношения столицы и провинции // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 27 апреля 2018 года / Ответственный редактор В.В. Карпова. Том Выпуск 9. Санкт-Петербург, 2018. С. 99-103; Яхутль Ю.А. Формирование социалистической образовательной среды Адыгейской автономной области (1930-е гг.) // Современная научная мысль. 2023. № 1. С. 133-138 и др.

³ Алиев У. Октябрь и национальная культура на Северном Кавказе // Революция и горец. 1927. № 9. С. 18-21; Куценко И.Я. Первые шаги высшей школы в Екатеринодаре // Екатеринодару 200 лет. Тезисы краевой научно-практической конференции. Краснодар. 1993. С. 49-52; Наумова А.Г. Становление и развитие высшего образования на Кубани: исторический аспект (на примере вузов г. Краснодара (1918-1970 гг.)): диссертация кандидата исторических наук. Краснодар, 2005; Кононенко В.М. Развитие высшего образования на юге России (20-90-е годы XX века): диссертация доктора исторических наук. Ставрополь, 2006 и др.

⁴ Каймаразов Г.Ш., Эфендиев А. Успехи культурного строительства за годы советской власти // Ученые записки АН СССР. Т. 4. Махачкала, 1958. С. 120-157; Кубов Ч.Ч. Борьба партийной областной организации за осуществление культурной революции в Адыгее (1920-1937 годы) // Сборник статей по истории Адыгеи: советский период. Майкоп, 1967. С. 258-387; Куценко И.Я. Революция и культура: очерк истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918-1932 гг. Краснодар, 1973; Кагазежев Р.Б. Культурное строительство в Адыгее в предвоенный период // Новые технологии. 2006. № 1. С. 48-51.

⁵ Колотинский П.Н., Роговский П.А., Марков Н.П. 25 лет Краснодарского государственного педагогического института (1920-1945). Краснодар, 1946; Александрова С.Н., Ктиторов С.Н. Организация и становление Армавирского педагогического техникума // Очерки истории Армавирского государственного педагогического института. Армавир, 2003. С. 20-35; Ктиторов С.Н. Истоки // Очерки истории Армавирского государственного педагогического института. Армавир, 2003. С. 5-19 и др.

⁶ Бекижев М.М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917-1941). Черкесск, 1978; Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988; Мамсиров Б.Х. О месте северокавказской интеллигенции в культурно-модернизационных процессах 20-х гг. XX в. // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2005. № 3. С. 32-39; Гобети З.Б. К вопросу формирования национальной интеллигенции Северного Кавказа в период культурного строительства (20-30-е годы XX века) // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2009. № 10 (2). С. 75-80; Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике XIX – начала 30-х гг. XX в. Краснодар, 2010; Емтыль З.Я. Практика привлечения адыгской интеллигенции на сторону советской власти в 1920-е годы: трудности и противоречия // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 202-205 и др.

образования⁷; модернизации культуры народов Северного Кавказа⁸; создания национальной письменности народов Северного Кавказа⁹.

В целом историография проблемы может быть условно разделена на два хронологических периода: советский и постсоветский, отличающихся друг от друга как теоретико-методологическими основаниями, так и разнообразием подходов и охватом проблем.

Первые исследования, содержащие общие сведения о подготовке педагогических работников для выполнения задач культурной революции, появляются уже в конце 1920 гг.¹⁰. В них отражена взаимосвязь подготовки педагогических кадров с созданием советской трудовой школы; деятельность рабочих факультетов, подготовительных курсов и программ по ликвидации безграмотности. Однако эти работы фрагментарно отражают рассматриваемый процесс и не предоставляют статистических сведений о составе советского учительства в 1920-е гг. Их содержание в значительной степени носит публицистический характер, является идеологизированным и отражает однозначно позитивную высокую оценку результатов культурной

⁷ Алдакимова О.В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: диссертация кандидата педагогических наук. Сочи, 2004; Хлынина Т.П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар; Киев, 2006. Вып. 1. С. 39-49; Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани 1917-1932 годы. Краснодар, 2010; Гутиева М.А. Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе в 1920-1930-е гг. // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 2-7; Акопян В.З. Украинизация как способ преодоления казачьей сословности на Кубани в 20-30-е годы XX века // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 1. С. 271-275; Сивков С.М. К вопросу об украинизации Кубани в период с 1917 по 1922 г. Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития // Материалы международной научной конференции. Ростов н/Д., 2013. С. 246-251; Аверьянов А.В. Политика украинизации на Юге России в 1920-е – начале 1930-х годов: некоторые сравнительные аспекты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 2. С. 13-21; Кравцова Ю.Н. Формирование и развитие национальной системы образования на Кубани в 1920-1930-х гг. На примере украинских и адыгейских школ // Интерактивная наука, 2020. № 2. С. 25-29 и др.

⁸ Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик, 2004; Гобети З.Б. Основные направления модернизации в области культуры (на примере республик Северного Кавказа) // Материалы региональной научной конференции «Национальная и федеративная политика Российской Федерации и проблемы национально-государственного строительства на Кавказе». Владикавказ, 2009. С. 112-115; Боров А.Х. «Волны» российских модернизаций XIX – XX веков и социально-культурная эволюция народов Северного Кавказа // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 6. С. 45-49.

⁹ Зекох У. Из истории адыгской письменности // Гъуаз. Майкоп. 1990. № 7. С. 3-12; Крыжановский Г.Я. Адыгейская национальная письменность // Советская Адыгея. 1925. Вып. 1. С. 68-79; Магидов Ш.Г. Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе. Махачкала, 1979.

¹⁰ Алиев У. Октябрь и национальная культура на Северном Кавказе // Революция и горец. 1927. № 1-11. С. 22-31; Раенко Я.Н. Адыгея до и после Октября. Ростов н/Д. Краснодар, 1927; К десятилетнему юбилею рабфаков. Научно-методический сборник / Под общ. ред. М. Лола. Краснодар, 1929.

революции. Все трудности, связанные с реализацией задач культурной революции среди населения Кубано-Черноморской области и в особенности Адыгеи, объясняются как «проблемы роста».

В последующие годы сохранилась тенденция рассмотрения проблемы развития педагогического образования в контексте истории развития народного образования и культурной революции. В целом, проблема развития педагогического образования как в СССР, так и в его субъектах стояла за пределами устойчивого исследовательского интереса и не находила отражения в специальных исследованиях.

Первые изменения в историографии развития педагогического образования в СССР стали происходить во второй половине 1960-1970-е гг. Они были связаны с появлением специальных исследований, определивших общие подходы к разработке темы¹¹. Казалось бы, они могли стать некой отправной точкой начала углубленного научного осмысления проблемы. Однако вплоть до конца XX в. попыток изучения проблемы в региональном разрезе не предпринималось, и она продолжала рассматриваться в соответствии с идеологическими установками советской власти как составная часть истории культурной революции, развития народного образования и формирования советской интеллигенции.

Определенные сдвиги в разработке истории педагогического образования на Кубани и в Адыгее были связаны с возрастанием интереса со стороны региональных исследователей к истории культурной революции и появлением работ Ч.Ч. Кубова¹² и И.Я. Куценко¹³. Успехи культурной революции в области подготовки педагогических кадров они связывали с усилиями центральных и местных советских партийных и исполнительных органов власти. В качестве важного условия развития образования

¹¹ Васильев К.И. Очерки истории педагогического образования в РСФСР (1918-1932). Воронеж, 1966; Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в СССР. Важнейшие этапы истории и современное состояние. М., 1975.

¹² Кубов Ч.Ч. Борьба партийной областной организации за осуществление культурной революции в Адыгее (1920-1937 годы) // Сб. статей по истории Адыгеи: советский период. Майкоп, 1967. С. 258-387.

¹³ Куценко И.Я. Революция и культура: очерк истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918-1932 гг. Краснодар, 1973.

отмечается рост ассигнований на его нужды, происходивший на всем протяжении 1920-1930-х гг. по мере восстановления народного хозяйства¹⁴. Наряду с фактами, отражающими создание профессионально ориентированных учебных заведений, организацию курсовой подготовки и переподготовки учителей, авторы работ этого периода особое внимание уделили практике создания подготовительных курсов для рабоче-крестьянской молодежи и системы рабфаков в вузах северокавказского региона, являвшихся важным условием численного роста пролетарских кадров.

Значительные успехи в осмыслении форм подготовки педагогических кадров, изучении динамики их роста в годы культурной революции произошли в связи с появлением ряда специальных исследований М.М. Бекижева и Г.Ш. Каймаразова, посвященных истории формирования северокавказской интеллигенции¹⁵. В них, наряду с общими вопросами формирования национальной интеллигенции у народов Северного Кавказа, был предпринят анализ процесса складывания отдельных профессиональных групп интеллигенции, в том числе учительской. Комплексностью, объемом приведенного фактического материала, используемых данных статистики и глубиной анализа вопросов, связанных с развитием педагогического образования на Северном Кавказе, отличается исследование Г.Ш. Каймаразова. Процесс подготовки педагогических кадров рассмотрен им во взаимосвязи с изменением характера решаемых народнохозяйственных задач, развитием советского законодательства в области народного образования, а также общим изменением социально-экономической и культурной среды северокавказского общества. Большое внимание автор уделил созданию и анализу динамики роста численности профессионально ориентированных педагогических учебных заведений разного уровня; внедрению специальных

¹⁴ Кубов Ч.Ч. Указ. соч. С. 368.

¹⁵ Бекижев М.М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917-1941). Черкесск, 1978; Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе: По материалам Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР. М., 1988.

форм подготовки рабоче-крестьянской молодежи к обучению в вузах и техникумах; усилению плановых начал в процессе подготовки педагогических кадров; их численному росту и изменениям социального состава. В тоже время попыток анализа уровня профессиональной квалификации нового советского учительства и дискриминационного характера профессионального образования по отношению к непролетарским слоям населения не предпринималось.

Значительный качественный рост исследовательского внимания к истории развития педагогического образования произошел в постсоветский период. Отказ от идеологического диктата способствовал изменению историографической парадигмы. «Расконсервация» исторических источников позволила исследователям выйти на новый уровень изучения проблемы и с позиций нового научного знания оценивать содержание, характер и последствия усилий советского государства по массовой подготовке педагогических кадров в период культурной революции.

Объектом широкого научного интереса стала история педагогического образования различных регионов страны¹⁶. Исследователи включают в круг

¹⁶ Войтеховская М.П. Томский учительский институт: возвращенная история 1902-1920 годы. Томск, 2002; Голуб Ю.Г., Поздняков А.Н. Большевики и педагогическая общественность в первые месяцы советской власти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2005. № 1-2. С. 29-36; Гудиева Л.Х.-У., Мартазанов А.М. Подготовка учителей для школ Ингушетии в 1920-1930-х гг. // Педагогика. 2007. № 5. С. 89-93; Веселов В.Р., Журавлев А.М. Опыт партийно-государственной политики по формированию учительских кадров Верхнего Поволжья в 1920-1930-е годы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. № 4. С. 234-243; Ялозина Е.А. Подготовка кадров советских учителей в 1920-130-х годах: организационно-методические поиски и проблемы // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 66-69; Сабанчиева В.С. Становление советской системы подготовки учителей в Кабардино-Балкарии // Педагогика. 2009. № 6. С. 103-109; Лиджеева К.Ф. К вопросу о подготовке педагогических кадров на Юге России (на материалах Кабардино-Балкарии) // Вестник калмыцкого университета. 2011. № 11. С. 23-25; Федоров В. А. Профессионально-педагогическое образование в России: историко-логическая периодизация // Образование и наука. Том 19. 2017. № 3. С. 93-119; Петровичева Е.М., Курасова С.А. История становления высшего педагогического образования во Владимире: к 100-летию института. Владимир, 2019; Войтеховская М.П., Кочурина С.А. Формирование сети педагогических учебных заведений в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях модернизации образования и введения всеобщего обучения в 1917-начале 1930-х гг. // Научно-педагогическое обозрение. 2022. Вып. 6 (46). С. 131-148; Вазанков М. В. Становление светского образования на территории Кубани и Адыгее в 60-е гг. XIX - начале 20-х гг. XX века // Наука и инновации - векторы развития: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов. Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации. Краснодар, 2023. С. 615-621; Колокольникова З.У. Государственная политика по переподготовке учительских кадров старой формации (1921-1925 гг.) // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-2. С. 154-157; Литовка В.В. Особенности подготовки педагогических кадров в 20-30-е годы XX столетия в системе высшего заочного педагогического образования // Наука и школа. 2023. № 2. С. 89-95; Вазанков М. В. Деятельность учительских курсов на территории Кубани в 20-е гг. XX в. //

рассматриваемых вопросов различные аспекты институционального строительства педагогических учебных заведений, особенности формирования педагогических коллективов, организацию учебной и вне учебной работы, развитие системы заочного образования, политические репрессии в отношении преподавателей и студентов. Таким образом, произошло значительное расширение проблемного поля исследования истории развития педагогического образования. Позитивной оценки заслуживает стремление современных авторов работ осмыслить региональные особенности складывания системы педагогического образования.

Отказ отечественной исторической науки от идеологических клише позволил воссоздать более объективную картину создания, кадрового и финансового обеспечения деятельности, организации учебной и идеологической работы отдельных педагогических учебных заведений в рассматриваемом регионе¹⁷. Ранее известная история вузов стала дополняться событиями и фактами, более полно отражающими организацию работы пединститутов, особенности формирования их преподавательского состава, сложности организации учебного процесса, проведение «классовых чисток» преподавательского и студенческого состава, а также организацию подготовки кадров для национальных школ Кубани и Адыгеи в рамках политики коренизации.

Со стороны исследователей обнаружилось стремление и к более объективной оценке усилий советской власти по пролетаризации профессиональных кадров специалистов и педагогических, в частности. Политика пролетаризации кадров, проводимая советской властью в годы культурной революции стала расцениваться некоторыми исследователями как

Диалог гуманитарных наук: сборник материалов I Международной научно-практической конференции (12 мая 2026 г., г. Краснодар). Краснодар, 2026. С.37-41.

¹⁷ Александрова С.Н., Ктиторов С.Н. Организация и становление Армавирского педагогического техникума // Очерки истории Армавирского государственного педагогического института. Сб. научных статей. Армавир, 2003. С. 20-35; Ктиторов С.Н. Истоки // Очерки истории Армавирского государственного педагогического института. Сб. научных статей. Армавир, 2003. С. 5-19; Кубанский государственный университет: 100 лет в истории образования и науки России / под ред. М.Б. Астапова и др. Ростов-на-Дону, 2021; Матвеев О.В. Малоизвестные страницы кубановедения. Краснодар, 2022.

форма «дискриминации по классовому принципу», которая позволяла властям успешно решать актуальные задачи по социалистическому переустройству общества, однако оказывала негативное влияние на изменение «качественных» характеристик «новых» специалистов¹⁸.

В последние десятилетия со стороны исследователей обнаруживается рост внимания к вопросам подготовки национальных педагогических кадров в рамках коренизации образования и создания национальных школ на Кубани и в Адыгее¹⁹. В работах З.Я. Емтыль, Б.С. Кагазежева, Р.Б. Кагазежева, Ю.Н. Кравцовой прослеживается связь данной политики с решением национального вопроса и культурно-просветительских задач среди национальностей нерусского языка; на широком фактическом материале реконструируется процесс организации подготовки национальных кадров и его результаты.

Учитывая этнический состав населения Кубани, особый интерес представляют исследования, отражающие массовую подготовку учительских кадров для украинских национальных школ в рамках осуществления на Кубани политики украинизации, которая на протяжении длительного времени находилась под негласным запретом²⁰. В современной историографии практика массовой подготовки педагогов для украинских национальных школ Кубани, как и сама политика украинизации получили неоднозначную оценку и носят дискуссионный характер.

¹⁸ Чашарина О.М. Вопросы формирования национально-технической интеллигенции на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С. 164-172.

¹⁹ Емтыль З. Я. Адыгская интеллигенция: история становления и общественная деятельность (конец XIX - начало XX вв.). Краснодар, 2004; Кагазежев Б.С., Кагазежев Р.Б. История развития народного образования в Адыгейской автономной области в 20-30-е годы XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. № 4. С. 30-34; Кравцова Ю.Н. Формирование и развитие национальной системы образования на Кубани в 1920-1930-х гг. На примере украинских и адыгейских школ // Интерактивная наука. 2020. № 2. С. 25-29.

²⁰ Алдакимова О.В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: диссертация кандидата педагогических наук. Сочи, 2004; Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани 1917-1932 годы. Краснодар, 2010; Сивков С.М. К вопросу об украинизации Кубани в период с 1917 по 1922 г. Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития // Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2013. С. 246-251; Аверьянов А.В. Политика украинизации на Юге России в 1920-е – начале 1930-х годов: некоторые сравнительные аспекты. С. 713-719 и др.

Проведенный историографический анализ показывает, что в отечественной исторической науке накоплен обширный опыт изучения различных аспектов подготовки учительских кадров в 1920-1930-х гг., в том числе и в отдельных регионах России. Однако проблема становления и развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее, несмотря на свою научную, историографическую и практическую значимость, не стала темой специального изучения. Сведения о создании и функционировании педагогических учебных заведений продолжают носить фрагментарный, разрозненный характер; не дана оценка непоследовательным, противоречивым действиям центральных и региональных властей по развитию педагогического образования; остаются преданными забвению имена многих педагогов и общественных деятелей, стоявших у истоков развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее; не отражена связь политических репрессий с политикой пролетаризации педагогических кадров и реализуемым большевистской властью проектом социокультурной модернизации советского общества. Достигнутый фрагментарный уровень разработки проблемы выдвигает задачу осуществления комплексного исследования по истории становления и развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее.

Цель работы – анализ процесса становления и развития системы подготовки педагогических кадров на территории Кубани и Адыгеи в 20- 30-е гг. XX в. во взаимосвязи с общественно-политическими, экономическими и социокультурными процессами в стране и рассматриваемом регионе.

В соответствии с поставленной целью в диссертации были сформулированы следующие исследовательские **задачи**:

- выявить истоки становления педагогического образования на Кубани и в Адыгее;
- рассмотреть формирование политики советской власти в отношении педагогических кадров;

- проанализировать процесс организации профессионально ориентированных образовательных заведений;
- проследить процесс пролетаризации учительских кадров на Кубани и в Адыгее в 20-30-е гг. XX в.;
- исследовать процесс «классовых чисток» студенческого состава, как инструмент пролетаризации учительских кадров;
- определить цели, сущность, механизмы осуществления и результаты коренизации педагогических кадров на Кубани и в Адыгее.

Объект исследования – сфера советского образования во взаимодействии с социокультурными, экономическими и общественно-политическими процессами, происходившими в 1920-1930-е гг.

Предмет исследования – процесс становления и развития системы педагогического образования на Кубани и в Адыгее в 20-30-е гг. XX в.

Хронологические рамки исследования определяются 20-30 гг. XX в. Нижняя граница исследования связана с разгромом Добровольческой армии под руководством Деникина, знаменовавшим завершение Гражданской войны в регионе и окончательное установление Советской власти в марте 1920 г. С этого времени новая власть предпринимала планомерные и систематические усилия по формированию и развитию педагогического образования на Кубани и в Адыгее в рамках культурной революции.

К концу 1930-х гг. процесс складывания советской системы педагогического образования в рассматриваемом регионе был в основном завершен, что определило нижнюю границу диссертационного исследования. Данные хронологические рамки совпадают с периодом культурной революции в СССР, одной из целей и результатов которой являлось создание «новой» рабоче-крестьянской интеллигенции (в том числе учительской). Обозначенные хронологические рамки позволяют проследить эволюцию педагогического образования на Кубани и в Адыгее и выявить как общие черты, свойственные этому процессу на общенациональном уровне, так и его региональные особенности.

Проведение исследования в отдельных случаях обнаружило необходимость выхода за обозначенные хронологические рамки для выявления и анализа основ формирования педагогического образования на Кубани и в Адыгее.

Территориальные рамки исследования определяются границами современной территории Краснодарского края и Республики Адыгея, которые в дореволюционный период были объединены в рамках Кубанской области.

После установления Советской власти вся территория Кубанской области и Черноморской губернии вошли в единую Кубано-Черноморскую область. В ее составе 27 июля 1922 г. была образована Адыгейская (Черкесская) автономная область с административным центром в г. Краснодаре (до 1935 г.). С 1924 г. Кубано-Черноморская область вместе с Адыгейской автономной областью вошли в Северо-Кавказский край с административным центром в г. Ростове-на-Дону²¹. В 1934 г. в результате очередного административно-территориального преобразования, они вошли в состав Азово-Черноморского края, однако уже в 1937 г. были выделены из его состава и образовали Краснодарский край²². Таким образом, Кубань и Адыгея на протяжении 20-30-х гг. XX в. находились в общем административно-территориальном пространстве, что дает основания рассматривать развитие педагогического образования в данных субъектах в рамках единого регионального процесса.

Источники исследования. В ходе исследования были выявлены и использованы источники различной видовой принадлежности. Значительный пласт источников, позволяющих проанализировать политику советской власти в отношении развития педагогического образования, разнообразные

²¹ Северо-Кавказский край состоял из 10 округов: Армавирского, Донецкого, Донского, Кубанского, Майкопского, Морозовского, Сальского, Ставропольского, Терского и Черноморского. В 1934 г. Северо-кавказский край был разделен на самостоятельные Азово-Черноморский край с административным центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский с центром в Пятигорске. В состав Азово-Черноморского края вошли современные территории Краснодарского края и Ростовской области, Адыгейская автономная область и Северная область. (Сивков С.М. Государственно-территориальное строительство на Кубани в 1917-1937 гг. к 78-летию образования Краснодарского края // Научный вестник Южного института менеджмента. 2015. № 3. С. 80).

²² Адыгейская автономная область входила в состав Краснодарского края до 1990 г.

аспекты ее реализации на региональном уровне, был обнаружен в Российском государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)²³; Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)²⁴; Государственном архиве Ростовской области (ГАРО)²⁵, Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК)²⁶; Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК)²⁷; Национальном архиве Республики Адыгея (НАРА)²⁸.

²³ Фонды: А-296 – Отдел по просвещению национальных меньшинств Наркомата просвещения РСФСР; Комитет по просвещению национальных меньшинств (Комнац) Наркомата просвещения РСФСР, 1918-1934 гг.; Р-1235 – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК), 1917-1938 гг.; Р-1318 – Наркомат по делам национальностей РСФСР, представительство Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомнаце РСФСР; А-1565 – Главное управление профессионального образования (Главпрофобр) Наркомата просвещения РСФСР, 1920-1930 гг.; А-1575 – Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос) Наркомата просвещения РСФСР, 1921-1930 гг.; Р-2314 – Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности; А-2306 – Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР). г. Москва, 1917-1988 гг.; 5462 – Центральные комитеты Профессиональных союзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений за 1919 г.

²⁴ Фонды: 17 – Центральный комитет КПСС (1898, 1903-1991 гг.); 65 – Юго-Восточное бюро ЦК РКП (б), 1921-1924 гг.; 733 – Департамент народного просвещения; 1268 – Кавказский комитет.

²⁵ Фонды: Ф. Р-64 – Северо-Кавказский краевой отдел народного образования; Ф. Р-65 – Азово-Черноморская краевая комиссия по улучшению быта учащихся; Ф. 131 – Инспектор народных училищ Ростовского и Таганрогского округов области войска Донского, г. Ростов-на-Дону. 1867-1917 гг.; Ф. Р-1818 – Донской областной отдел народного образования. 1920-1924 г.

²⁶ Фонды: Р-226 – Кубанская окружная рабоче-крестьянская инспекция исполнительного комитета кубанского окружного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов за 1920-1930 гг.; Р-346 – Краснодарский педагогический рабочий факультет кубанского государственного педагогического института, 1920-1938 гг.; Р-365 – Кубано-Черноморский областной отдел народного образования исполнительного комитета кубано-черноморского областного совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов за 1920-1924 гг.; Р-847 – Краснодарский педагогический техникум Кубанского окружного отдела народного образования за 1922-1929 гг.; Р-890 – Кубанский окружной отдел народного образования исполнительного комитета Кубанского окружного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов за 1923-1930 гг.

²⁷ Фонды: Р-226 – Кубанская окружная рабоче-крестьянская инспекция исполнительного комитета кубанского окружного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов за 1920-1930 гг.; Р-346 – Краснодарский педагогический рабочий факультет кубанского государственного педагогического института, 1920-1938 гг.; Р-365 – Кубано-Черноморский областной отдел народного образования исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов за 1920-1924 гг.; Р-847 – Краснодарский педагогический техникум Кубанского окружного отдела народного образования за 1922-1929 гг.; Р-890 – Кубанский окружной отдел народного образования исполнительного комитета Кубанского окружного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов за 1923-1930 гг.

²⁸ Фонды: Р-1 – Адыгейский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет 1922-1992 гг.; Р-5 – Адыгейская областная плановая комиссия, 1922-1992 гг.; Р-6 – Управление народно-хозяйственного учета Адыгейской автономной области; Р-8 Адыгейский областной административный отдел, 1922-1930 гг.; Р-21 – Адыгейский областной отдел народного образования, 1924-1992 гг.; Р-281 – Адыгейский областной отдел по изучению Октябрьской революции и коммунистической партии; Р-328 – Горский окружной совет рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов и его исполнительный комитет; Р-730 – Адыгейское областное экономическое совещание, 1922-1924 гг.

Обширный корпус источников был извлечен из сборников документов²⁹. Наибольшую значимость среди них, учитывая характер исследуемой проблемы, имели тематические сборники документов по истории культурного строительства³⁰ и развития народного образования³¹, содержащие собрания документов и материалов, уже находящихся в научном обороте.

Совокупность привлеченных источников возможно разделить на несколько видов. Значительный пласт составили официальные документы, исходящие от органов власти государственного и регионального уровня. К ним относятся Декреты, Постановления СНК РСФСР; Народного комиссариата просвещения РСФСР и отдела по просвещению национальных меньшинств Наркомата просвещения РСФСР; главного управления профессионального образования наркомата просвещения РСФСР; Кубано-Черноморского областного отдела управления; Кубано-Черноморского и Адыгейского областных отделов образования и др. Они сформировали обширную базу для исследования политики советской власти в области развития педагогического образования, ее связи с решением общественно-политических и культурно-просветительских задач.

Важную роль в разработке темы диссертационного исследования имели документы текущего делопроизводства: переписка государственных органов и учреждений (распоряжения, рапорты, отчеты, ходатайства и т.п.); протоколы заседаний исполнительных органов власти, в которых

²⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943; Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1956; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986, 1917-1922). Т. 2. М., 1983; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1984; Яхутль Ю.А. Национально-государственное строительство Адыгеи. 1920-1930-е гг. Документы и материалы (к столетию образования Адыгейской (Черкесской) автономной области). Краснодар, 2022.

³⁰ Культурное строительство в Адыгее 1922-1937 гг.: сборник документов и материалов. Майкоп, 1958; Культурное строительство на Кубани 1918 г. Краснодар, 1978; Культурное строительство в РСФСР 1917-1927 гг. Документы и материалы. Т. 1. Ч. 1. М., 1983; Культурное строительство в РСФСР. 1917-1927 гг. Документы и материалы. Т. 1. Ч. 2. М., 1984; Культурное строительство в РСФСР. 1928-1941 гг. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. М., 1985; Культурное строительство в СССР 1917-1927 гг. Документы и материалы. М., 1989.

³¹ Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / Под ред. И. Д. Давыдова. Москва; Ленинград, 1931; Народное образование в СССР: общеобразовательная школа. Сб. документов 1917-1973 гг. М., 1974.

рассматривались различные аспекты осуществления культурной революции, развития советской трудовой школы, массовой подготовки педагогических кадров и политики коренизации; протоколы заседаний партийных организаций педагогических вузов и техникумов, а также многочисленных учительских съездов и конференций. Данная группа источников позволила во взаимосвязи с развитием текущей общественно-политической, экономической и социокультурной ситуации проследить подходы, практику и результаты реализации политики советской власти по массовой подготовке «учителей-социалистов».

Большую исследовательскую ценность имели статистические источники, в том числе представленные в статистических сборниках³². Именно они позволяют сформировать представление о соотношении планируемых целей государства в области развития педагогического образования и массового создания учительских кадров с количественными, а в отдельных случаях качественными результатами. Вместе с тем следует отметить некоторые проблемы использования статистических данных: их фрагментарность, бессистемность, преобладание общенациональных статистических данных, не позволяющих воссоздать цифры статистики по отдельным регионам.

Учитывая тот факт, что характер и содержание процесса развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее, как и в целом по стране, определялся видением и личным отношением к данной проблеме лидеров большевиков, особую группу источников составили сочинения политических деятелей 20-30-х гг. XX в.³³

³² Просвещение на Северном Кавказе в цифрах. Ростов-на-Дону, 1929; Народное образование, наука и культура в СССР: статистический сборник. М., 1971; Советская Адыгея к 50-летию образования СССР: статистический сб. Майкоп, 1973; Краснодарская краевая организация КПСС в цифрах, 1917-1978 гг. Краснодар, 1978; Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках: этнотатистическое исследование. СПб., 1996.

³³ Луначарский А.В. Какая школа нужна пролетарскому государству? // Вестник просвещения. 1922. № 10. С. 22-24; Зиновьев Г.Е. Новый студент и новый учитель // Правда. 1923. 25 мая; Бухарин Н.И. Народный учитель // Народный учитель. 1924. № 1. С. 6-7; Луначарский А.В. Какой педагог нам нужен // Народное просвещение. 1924. № 3. С. 3-4; Ходоровский И.И. К проверке состава студенчества. Правда. 1924. 30 апреля; Бухарин Н.И. Учительство и комсомол. Доклад на Всероссийском съезде учителей. М., 1925. С. 12-14; Зиновьев Г.Е. Пролетарская революция и учительство. Речь на Первом всесоюзном учительском съезде //

В связи с тем, что комплекс вопросов, связанных с культурной революцией в Советской России, с созданием трудовой школы и связанного с ними развития педагогического образования являлся темой активного публичного обсуждения, большое значение имело привлечение материалов периодики. Особую роль при разработке темы исследования имела центральная и региональная периодика по вопросам просвещения и культуры³⁴. Ее использование позволило восстановить ход событий, связанных с процессом развития педагогического образования в хронологическом порядке и «погрузиться в атмосферу» рассматриваемого исторического времени. Особенно ценным материалом являются публикации 1920-1930 гг. в связи с растущим интересом со стороны специализированных изданий того времени по вопросам подготовки «новых» учительских кадров. Данный вид источников потребовал критического анализа, так как пресса в СССР была политически ангажирована и находилась под жестким партийным контролем.

Совокупность привлеченных источников создала необходимую нарративную основу исследования, обеспечившую обоснованность основных выводов и положений диссертационного исследования.

Методология и методы исследования. Диссертационная работа основана на сочетании различных научных подходов и методов.

Известия. 1925. 24 января; Рыков А.И. Очередные задачи советского строительства. Доклад на Первом всесоюзном учительском съезде // Известия. 1925. 24 января; Ходоровский И.И. Вопросы реформирования высшей школы // Красная молодежь. 1925. № 5. С. 3-7; Луначарский А.В. Просвещение и революция. М., 1926; Ходоровский И.И. Итоги приема в вузы и на рабфаки РСФСР в 1926 г. // Красное студенчество. 1927. № 4 С. 19-25; Вышинский А. Роль рабфаков в пролетаризации высшей школы // Красное студенчество. 1928/1929. № 11. С. 5-18; Ленин В.И. Странички из дневника // Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 45. С. 343-400; Доклад наркома просвещения А.И. Луначарского на заседании культурно-просветительской секции III съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о задачах советской власти в области культурной политики 16 (29) января 1918 г. // Культурное строительство в СССР 1917-1927. 1989. С. 28-29 и др.

³⁴ Листок войны. – Екатеринодар, 1916; Газета рабочего и крестьянского правительства. – Петроград, 1918; Красное знамя. – Краснодар, 1921-1925, 1937; Правда. – М., 1921-1939; Вестник просвещения. – М., 1922-1929; Вестник воспитания. – М., 1924-1926; Бюллетень Северо-Кавказского краевого отдела народного образования. – Ростов-на-Дону, 1926-1930; Вопросы просвещения на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 1926-1930; Еженедельник Народного комиссариата просвещения РСФСР. – М., 1928; Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1928-1933; Народный учитель. – М., 1928-1929; Просвещение национальностей. – М., 1929-1935; Колхозный путь. – Шовгеновск, 1937; Комсомолец. – Краснодар, 1937-1939; Большевик. – Краснодар, 1938.

Ключевую роль в проведении исследования имело следование принципу *научности*, что было обеспечено посредством формирования обширной и разнообразной источниковой основы, комплексно отражающей историю развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее в 20-30-е гг. XX в. и являющейся фундаментом для осуществления обобщений и выводов.

Стремление к получению объективных научных знаний определило применение принципа *объективности*. Он был реализован через организацию диссертационного исследования на основе всестороннего охвата фактов, событий, процессов, связанных со становлением и развитием педагогического образования на Кубани, в Адыгее.

Основополагающее значение при проведении исследования имела опора на принцип *историзма*, что позволило рассмотреть историю педагогического образования в генезисе.

Большое значение в изучении таких сложных и многоуровневых процессов, которым является развитие педагогического образования, играет применение *системного подхода*. Он позволил осуществить комплексный анализ проблемы во взаимосвязи с общественно-политическими, экономическими и социокультурными процессами в стране и регионе.

Важное значение в организации структуры диссертационного исследования и построении логики изложения материала имела опора на *проблемно-хронологический* метод. Он позволил выделить внутри исследуемой темы основные блоки проблем и проанализировать их в обозначенных хронологических границах.

Фундаментальную основу исследования процесса становления и развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее как исторического составило широкое применение *историко-генетического* метода. Он предоставил возможность выявить причинно-следственные связи и выйти на уровень аналитического обобщения совокупности включенных в

научный анализ событий и явлений, связанных с различными аспектами развития педагогического образования.

Рассмотрение процесса развития педагогического образования как регионального, проистекавшего в рамках более масштабного общегосударственного, создало широкие возможности для применения *историко-сравнительного* метода, который позволил выявить его общие и специфические черты.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии проведено специальное комплексное исследование процесса формирования советской системы подготовки педагогических работников на Кубани и Адыгее в 1920-1930-х гг.

В работе рассмотрена эволюция системы подготовки педагогических кадров на Кубани и в Адыгее в контексте общественно-политических, экономических и социальных процессов, происходивших в первые десятилетия существования советского государства.

Впервые был предпринят комплексный анализ студенческих чисток в учебных заведениях Кубани и Адыгеи как средства обеспечения пролетаризации педагогических кадров.

Осуществлен комплексный анализ подготовки национальных педагогических кадров в рамках политики коренизации на Кубани и в Адыгее.

В ходе исследования были выявлены и проанализированы ранее не обнаруженные архивные материалы, что позволило выделить региональные особенности развития системы педагогического образования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Несмотря на обнаружившуюся в начале XX в. тенденцию численного роста педагогических учебных заведений различных форм и образовательного уровня в Кубанской области, организация профессионально ориентированных учебных заведений происходила в отрыве от развития системы начального образования и не была способна удовлетворить ее

растущие потребности. Основными проблемами, сдерживающими развитие педагогического образования, являлись отсутствие системы и плановых начал в его организации; подчиненность различным правительственным и общественным учреждениям; недостаток финансирования со стороны государства.

2. Политика советской власти в отношении подготовки педагогических кадров находилась в тесной связи с постановкой и реализацией задачи создания единой трудовой школы и претерпевала на протяжении 1917-1920-х гг. серьезные изменения, происходившие под влиянием менявшихся социально-политических, экономических обстоятельств, а также изменений кадровой ситуации в сфере образования и общим ростом образовательного уровня населения.

3. Выдвинутая советским руководством задача создания нового советского учительства, способного стать надежным проводником социалистических идеалов в обществе, предопределила необходимость кардинального изменения всей системы педагогического образования. Концепция реформы педагогического образования находилась в динамическом развитии и видоизменялась на всем протяжении конца 1910-х – 1920-х гг. Несмотря на отсутствие последовательности в действиях и смену подходов советской власти к принципам организации педагогического образования, к концу 20-х гг. XX в. в СССР произошло оформление единой системы педагогического образования, включавшего высшую, среднюю ступени, очное и заочное обучение, предварительную довузовскую подготовку через рабфаки и подготовительные курсы, а также переподготовку учительских кадров.

4. Проводившаяся на Кубани и в Адыгее пролетаризация педагогических кадров определялась как общегосударственной политикой и практикой пролетаризации советского учительства, так и местными социокультурными, финансовыми и организационными условиями и возможностями. Среди них следует выделить крайне низкий уровень

грамотности населения, его многонациональный и поликонфессиональный состав, абсолютное преобладание сельского населения и малочисленность пролетариата, недостаточно серьезное отношение низовых партийных и советских органов власти к отбору кандидатур, направляемых на обучение.

5. Политика пролетаризации педагогических кадров происходила одновременно по нескольким направлениям: организация отбора учащихся по классовому принципу; снижение академических требований к абитуриентам; проведение классовых чисток; организация заочного обучения; создание классово ориентированных структур для подготовки трудящейся молодежи к поступлению в педагогические учебные заведения, такие как рабфаки и подготовительные отделения, в том числе национальные. Они оказали ключевое влияние на рост масштабов и качество подготовки «учителей-социалистов».

6. Важным средством обеспечения «классовой чистоты» нового учительства стали студенческие чистки 1920-х гг. Изначально в них не было заложено четкого разграничения между классовым и академическим подходом, что превратило их в форму политической борьбы против социально чуждых советской власти элементов. Их систематическое выявление способствовало развитию в студенческой среде нездоровой атмосферы страха и доносительства.

7. Важным аспектом развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее стала массовая подготовка национальных педагогических кадров, осуществлявшаяся в рамках политики коренизации и учитывавшая как особенности социокультурного, экономического развития национальностей нерусского языка, так и социально-политические, идеологические установки советской власти. Несмотря на свою политическую ангажированность, противоречивость и незавершенность, политика коренизации педагогических кадров на Кубани и в Адыгее стала важным условием социокультурного развития народов нерусского языка, содействовала росту образовательного уровня населения, созданию национальной письменности и интеграции

региона в единое советское государственно-политическое и социокультурное пространство.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно осуществлено в соответствии с концептуальными установками современной исторической науки. Его результаты могут быть использованы в рамках исследования базовых проблем развития профессионального и общего образования не только на Кубани и в Адыгее, но и в других регионах России.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертационной работы могут быть использованы при проведении исследований и написании монографий по истории и культуре Кубани и Адыгеи.

Отдельные части работы могут быть востребованы в образовательном процессе при подготовке специалистов по отечественной истории, педагогике и культурологии.

Соответствие темы диссертационного исследования требованиям паспорта специальностей ВАК РФ. Соответствует паспорту специальности ВАК РФ 5.6.1 – Отечественная история: п. 10 Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений; п. 12 История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов; п. 15 Исторический опыт российских реформ; п. 24 История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждены на кафедре истории ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», а также обнародованы в научных статьях и докладах на научных конференциях различного уровня.

По теме работы опубликовано 4 научные статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК и 4 статьи в

сборник международных научных конференций. Всего по теме диссертации опубликовано 8 работ общим объемом 3,2 печатных листа.

Структура исследования обусловлена его целью и задачами. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА КУБАНИ И В АДЫГЕЕ

1.1. Истоки становления педагогического образования в XIX – начале XX вв.

Начало становления педагогического образования на Кубани было тесно связано с мероприятиями российских властей по интеграции региона в единое российское политическое и социокультурное пространство³⁵. Первоначально они были связаны с потребностями развития начального образования, недавно образованного Черноморского казачьего войска, а впоследствии Кубанского казачьего войска, обосновавшегося в правобережной части Кубани и развитием начального образования.

Формирование педагогических кадров вплотную было связано с условиями развития в регионе начального образования. По сложившейся к началу XIX в. традиции обучение юношей в казачьей среде не носило системного характера и ограничивалось обучением азам грамоты – чтению и письму. Говорить о существовании специальных учебных заведений для подготовки учительских кадров на Северном Кавказе не приходилось. К преподаванию привлекались сельские писари, бывшие солдаты, священнослужители или просто грамотные односельчане. Как правило, одновременно обучалось несколько детей, что создавало некое подобие школы. В качестве учебных пособий использовались «азбука, часослов, псалтырь»³⁶. Такие школы элементарной грамотности в период с 1812 г. по 1819 г. возникли в ряде населенных пунктов: в селениях Гривенское, Брюховецкое, Тамань, Щербиновское, Темрюкское, Куцевское, Роговское, Медведовское, Пластуновское и Леушковское. Общее количество учащихся в

³⁵ Развитие педагогического образования в Российской империи было тесно связано со складыванием единой образовательной среды в эпоху правления Александра I, обусловившей значительный рост потребности государства в педагогических кадрах.

В первой четверти XIX века к решению вопросов образования впервые был применен системный, всеобъемлющий подход. До образовательной реформы Александра I, принимавшиеся меры не носили признаков системности и были ответом на потребности, сложившиеся в конкретных исторических условиях.

³⁶ История педагогики / под. ред. М.Ф. Шабасовой. М., 1981. С. 119.

них на 1820 г. равнялось 300³⁷.

Помимо школ грамотности на территории Кубани открывались церковно-приходские школы, которые делились на одноклассные (срок обучения 3 года) и двухклассные (срок обучения 5 лет). Образовательные программы и проводимые на их основе экзамены в приходских и церковных школах были одинаковы.

Потребность развития образования, численно увеличивавшегося русского населения Кубани, обусловила спрос на профессиональные педагогические кадры. Однако никаких специальных учебных заведений, осуществлявших их подготовку во всем Северо-Кавказском регионе, не существовало. На протяжении всей первой половины и середины XIX в. подготовка педагогических кадров для учебных заведений Кубани осуществлялась за ее пределами.

Первые учительские кадры формировались в основном из числа выпускников церковно-приходских школ. Чтобы получить право преподавать в начальных школах, они должны были сдать специальный экзамен³⁸.

Возможности преподавания открывались и для окончивших курсы при Александровском учительском институте в г. Тифлис. По окончании обучения выпускник курсов «подвергался испытанию», в ходе которого проверялись его познания по ряду предметов: закон божий, педагогика, русский язык, математика, естественная история, физика, история, география, пение, черчение и рисование (как единый предмет). Оценка выставлялась по пятибалльной системе. Наряду с профессиональными знаниями устанавливался общекультурный уровень будущего педагога. Кроме проверки теоретических знаний, претендент давал пробные уроки, в ходе которых устанавливались его педагогические навыки. Благополучно выдержавшие испытания получали Свидетельство на право преподавать в городском училище за подписью директора института, членов совета из 3-х человек и

³⁷ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 347, Л. 38, 39.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 27 (1802-1803). СПб., 1830. С. 629.

ученого секретаря³⁹.

Педагогические кадры высшей квалификации формировались за счет выпускников университетов соседних округов. Особое значение для жителей Кубани имело открытие в 1805 г. Императорского Харьковского университета, в составе которого с 1811 г. открылся педагогический институт. На первом этапе слушателями института были лица, уже имеющие высшее образование. На занятиях они знакомились с педагогикой, дидактикой, учились проводить занятия и т. п. Кроме учителей, институт занимался подготовкой руководителей учебных заведений.

В силу неразвитости на Кубани начальных учебных заведений достаточно широкое распространение имело домашнее образование. Его осуществляла такая категория учителей, как домашние учителя. Согласно «Уставу учебных заведений ...» для получения статуса - домашний учитель необходимо было представить в губернский университет, а если его не было, то в гимназию, полученные при отставке со службы аттестаты и сдать экзамен. Экзаменуемый должен был подготовить сочинение по преподаваемому предмету. Работа могла быть написана на русском языке или современном (новейшем) иностранном. Кроме сочинения необходимо было выступить с публичной лекцией по избранной отрасли науки. Успешно прошедшим все испытания кандидатам вручался документ, подтверждающий присвоение им звания домашнего учителя⁴⁰. Уровень знаний у домашних учителей различался. В этом качестве мог выступать как выпускник университета, так и писарь местной канцелярии.

Домашнее образование было доступно узкому кругу людей, способных оплачивать подобную услугу. Как правило, домашние учителя нанимались для воспитания и обучения всех детей в семье. При этом установленных программ обучения, критериев оценки результата и четкого плана работы не существовало. Вместе с тем несомненным достоинством такого образования

³⁹ ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 484 а. Л. 65.

⁴⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802-1825. СПб., 1864. С. 316.

являлась возможность подстроить обучение под индивидуальные особенности учащегося, его способности и предпочтения.

Возможности привлечения педагогов или их подготовки за пределами региона в первой половине XIX в. были чрезвычайно ограниченными. Одним из первых видов учебных заведений, участвовавших в подготовке педагогических кадров на территории Кубани, были духовные училища. Первое духовное приходское училище на Кубани появилось в Екатеринодаре в 1818 г.⁴¹. Училище занималось исключительно обучением детей священнослужителей. Первый набор составил 15 учеников. Инициатором открытия приходского училища и его первым смотрителем был К. Россинский. Воспитанники, показавшие хорошую успеваемость, переводились в Екатеринославскую духовную семинарию. Не успевающих учеников могли оставить заниматься дополнительный год или перенаправить в ведомство епархии. В 1820 г. училище было закрыто, а его воспитанники переведены в г. Ростов-на-Дону⁴².

На базе закрытого приходского училища в 1823 г. в Екатеринодаре открылось уездное духовное училище. Финансирование училища осуществлялось 100 % духовным ведомством. Период обучения составлял 6 лет, начиная с 1866 г. он был сокращен до 4 лет с подготовительным классом⁴³. Однако с уходом с должности смотрителя К. Россинского уездное училище пришло в упадок и в его составе осталось только 2 слушателя. Последующий рост количества слушателей происходил медленными темпами: за 14 лет было выпущено всего 140 человек⁴⁴. В результате обобщения имеющихся данных о трудоустройстве выпускников уездного училища за период с 1818 по 1858 гг., Ф.А. Щербина отмечает, что учителями

⁴¹ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913. С. 40.

⁴² Там же. С 40-42.

⁴³ Козлов М. Духовное образование в России XVII-XX вв. // Православная энциклопедия. Вводный том. М., 2000. С. 413.

⁴⁴ Штурба В. А. Развитие образования на Кубани в 1793 - 1863 гг. и влияние на него культурных традиций Запорожской Сечи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 1-2. С. 95.

стали всего 6 человек из 446 учащихся⁴⁵.

В целом, епархиальные училища в первой четверти XIX в. оказали положительное влияние на формирование педагогических кадров на территории Кубани. Часть выпускников и выпускниц данных учебных заведений стали преподавателями светских учебных заведений. Вместе с тем, не следует забывать о тех выпускниках, которые выбрали религиозную карьеру и впоследствии так же стали преподавателями - наставниками в православных учебных заведениях.

Как уже было отмечено, важным звеном в подготовке педагогических кадров, в особенности для сельских школ, являлись гимназии. Именно гимназии на данном этапе развития российской системы образования стали теми учебными заведениями, в стенах которых происходила подготовка значительной части педагогических кадров. Согласно Устава гимназий, по окончании обучения выпускники могли получить специальное свидетельство на право преподавания в начальных и церковно-приходских училищах. Чтобы получить право на преподавание выпускникам гимназий, требовалось пройти специальный экзамен и заручиться поддержкой руководителя гимназии и ее учителей⁴⁶. Со временем эта система эволюционировала: в гимназиях появились специализированные педагогические классы для подготовки гимназистов к работе в сфере образования.

Говоря о гимназиях как типе учебного заведения, сыгравшего важную роль в подготовке педагогических кадров в рассматриваемом регионе, следует отдельно отметить Екатериндарскую мужскую гимназию. Ее основание так же было связано с деятельностью общественного деятеля и просветителя К.В. Россинского. Им был организован сбор средств на открытие гимназии. В результате удалось собрать 14 000 руб.⁴⁷. Открытие первой на Кубани гимназии состоялось в 1820 г. Она была рассчитана на семь

⁴⁵ При этом следует отметить, что о 131 выпускнике сведений не оказалось и они вполне могли поступить на службу учителями (Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 27).

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 27. (1802-1803). СПб., 1830. С. 629.

⁴⁷ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 354. Л. 108, 130, 139, 140.

классов. Помимо, общеобразовательных наук ученики изучали Закон божий, два иностранных языка, латынь и черчение. К концу 1820-х гг. гимназия пришла в упадок из-за недостатка средств на ее содержание. В 1827 г. количество ее слушателей составляло менее 10 человек. В результате в 1829 г. гимназия была закрыта и Кубань на два десятилетия осталась без гимназического образования. Родители, желавшие обучать своих детей в гимназии, были вынуждены отправлять их в соседние регионы.

Только в 1850 г. войсковое училище получило статус Кубанской войсковой мужской гимназии,⁴⁸ которая просуществовала до 1887 г.⁴⁹ В отличие от предыдущей гимназии, она получала финансирование из городской казны, а также платы за обучение, добровольных пожертвований общественных фондов и частных дарителей. План обучения в гимназии учитывал региональные особенности и быт казачьей молодежи⁵⁰.

Помимо общеобразовательных дисциплин в гимназии преподавались верховая езда, фехтование, стрелковая подготовка. Период обучения составлял восемь лет, включая подготовительный класс. Преподавательский коллектив первоначально состоял из 20 человек, с увеличением числа учащихся численность была доведена до 37 человек в 1916 г.⁵¹ Всего в период с 1891 по 1909 гг. диплом об окончании получили 439 человек⁵².

Выявленные архивные и историографические источники не дают возможности определить точное количество выпускников Кубанской войсковой мужской гимназии, избравших карьеру преподавателей и сдавших по ее окончании экзамен на право преподавания. Тем не менее, косвенные свидетельства позволяют судить о ее значительном вкладе в формирование учительских кадров. В частности, урядник казачьего войска Мигусоцкий в 1865 г. написал письмо в войсковую канцелярию о состоянии школьного образования, в котором он отмечал, что во многих школах в качестве

⁴⁸ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. 35 (1860). СПб., С. 644.

⁴⁹ ГАКК. Ф. 469. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

⁵⁰ Заработная плата директора составляла 2000 рублей в год, инспектора 1500 рублей, а оклад преподавателей 200-250 рублей (ГАКК. Ф. 671. Д. 14. Л. 28-29.).

⁵¹ ГАКК. Ф. 496. Оп. 1. Д. 9. Л. 8-11; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, С. 191.

⁵² ГАКК. Ф. 496. Оп. 1. Д. 198. Л. 5.

учителей преподают бывшие юнкера (подавляющее число юнкеров были выпускниками гимназий)⁵³. Сам урядник также работал учителем в течение шести лет. Двумя годами позже генерал – лейтенант Бабыч подготовил доклад о смотре бригадных войск. В докладе отмечался вклад бригадных командиров в развитие народного образования. В качестве примера приводился поручик Валуйский, выпускник войсковой гимназии, преподававший в местной школе и не бравший за это жалования⁵⁴.

Вторая половина XIX века ознаменовалась значительным прогрессом в подготовке учителей Кубани, что было обусловлено ростом женского образования. 30 мая 1858 г. Министерство народного просвещения утвердило «Положение о женских училищах», которое предусматривало создание двух типов женских учебных заведений. В основу женских училищ первого разряда была положена шестилетняя программа обучения, в то время как в основу обучения училищ второго разряда была положена трехлетняя программа обучения⁵⁵. Училища первого разряда предлагали более широкий спектр учебных дисциплин. Помимо базовых предметов, таких как русский язык, грамматика, арифметика, история России, география и Закон божий, учащиеся могли изучать естественные науки (геометрию, физику), всемирную историю. По индивидуальному выбору им также открывались возможности для освоения иностранных языков, рисования, танцев и музыки⁵⁶.

Возникновение женских училищ на Кубани произошло с некоторым запозданием, по сравнению с центральными губерниями Российской империи, в связи продолжением военных действий на Кавказе. Следует отметить, что на территории Кубани воплощение в жизнь данной инициативы стало возможно только после окончания Кавказской войны.

До появления «казенных» учебных заведений для девочек их воспитание

⁵³ Трехбратова С.А. История народного образования на Кубани (конец XVIII - начало XX в.)... С. 22-23.

⁵⁴ Там же. С. 24-25.

⁵⁵ Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1856-1880). СПб., 1899. С. 62.

⁵⁶ Евстратова А.И., Никонов И.И. Развитие высшего женского образования в России в XIX веке // Женщины в отечественной науке и образовании. Сб. научных работ. Иваново, 1997. С. 33-35.

проходило в частных пансионатах или дома в зависимости от финансового и социального положения родителей. Исключения оставляли дочери высших офицеров, которые имели возможность получать образование при губернских институтах, располагавшихся в Киеве, Харькове, Одессе и др. городах.

Возможности получения образования женщинами изменились с открытием в 1863 г. Кубанского Мариинского женского училища в Екатеринодаре⁵⁷. В новое учебное заведение в основном принимались девушки, у которых отцы проходили службу в Кубанском казачьем войске. Наряду с ними принимались и девушки, происходившие из других сословий. Для дочерей офицеров, попадавших в категорию неимущих и сирот, при училище был открыт пансионат на 30 воспитанниц, где они находились на 100 % или 50 % обеспечении Кубанского казачьего войска⁵⁸. Для руководства и патронажа был создан Попечительский совет, во главе которого выступил наказной атаман Кубанского казачьего войска Ф.Н. Сумароков-Эльстон⁵⁹.

Училище принимало девочек в возрасте от восьми до тринадцати лет, начиная с подготовительного класса и заканчивая вторым. Для зачисления требовалось сдать экзамен, который проверял знание основных молитв, счета, а также навыков чтения и письма на русском языке⁶⁰. Оценивались знания по шкале от 1 до 12 баллов. Преподавателями в училище были выпускники престижных учебных заведений: Московского, Киевского и Харьковского университетов, что обеспечивало воспитанницам достаточно высокий уровень образования.

Помимо изучения общеобразовательных дисциплин ученицы поддерживали порядок в классных комнатах, столовой и т.д. При училище была библиотека, которая постоянно пополнялась учебной и художественной литературой. Старшекурсницы трудились на приусадебном участке и даже на небольшой пчелиной пасеке. Трудовая нагрузка должна была формировать в

⁵⁷ Кубанские войсковые ведомости. 1863. 5 октября.

⁵⁸ ГАКК. Ф. 469. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁵⁹ Там же. Л. 8.

⁶⁰ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 35 (1860). СПб., 1861. С. 345.

будущих хозяйках дома и наставницах в школе трудолюбие, рачительность и практические навыки.

В рамках подготовки к профессии учителя воспитанницы изучали педагогические дисциплины. По окончании обучения они могли быть командированы в Ладожскую женскую учительскую семинарию, при которой функционировали педагогические курсы для начинающих учителей⁶¹. Выпускницам учительской семинарии присваивалось звание домашних учительниц. Популярность учебного заведения постоянно росла. Если в первый год работы семинарии в нее было принято всего 84 воспитанницы, то в 1875 г. число принятых возросло до 309⁶². Начиная с 1900 г. при училище работала начальная школа, где воспитанницы педагогических классов получали первые практические педагогические навыки⁶³.

Несмотря на предпринимавшиеся попытки подготовки кадров на территории Кубани, основная их часть, как и прежде, проходила подготовку за ее пределами. Достаточно большую популярность в середине XIX в. приобрела такая форма подготовки учителей как педагогические курсы, созданные при Харьковском и Киевском университетах. Двухлетний курс обучения на курсах завершался экзаменом, после сдачи которого выпускнику присваивалась квалификация учителя начальной школы. Для успешного прохождения испытания слушатель должен был написать 2 сочинения, одно по научной проблематике, другое по педагогической; подготовить диссертацию и прочитать научную лекцию⁶⁴. В зависимости от результата выпускники получали право преподавать в учебных учреждениях разного уровня. Так, получившие итоговую оценку «5» - получали право преподавать

⁶¹ Рыбко С.Н. Воспитание девиц казачьего происхождения в Мариинском женском институте // Пятые дикаревские чтения. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 г.: Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 1999. С. 163.

⁶² ГАКК. Ф. 469. Оп. 1. Д. 17. Л. 42-44.

⁶³ Подосинникова И.В. Использование педагогического потенциала теории и практики общеобразовательных учреждений Кубани XIX - начала XX в. в современной школе: диссертация кандидата педагогических наук. Краснодар, 1998. С. 47.

⁶⁴ Окушова Г.А. Подготовка учительских кадров в дореволюционной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 11 (101). С. 80-85.

в высших учебных заведениях, «4» - в средних и сдавшие испытания на «3» становились учителями уездных училищ⁶⁵.

Существенные изменения в организации образования на Кубани и в Адыгее были связаны с завершением присоединения Северного Кавказа к Российской империи. Распространение российского образования на новых территориях рассматривалось властями как важнейшее условие органичного «вписания» региона в российское политическое и социокультурное пространство. В Циркуляре попечителя Кавказского округа отмечалось: «Школа должна воспитывать и развивать в детях сознание внутренней и органичной связи всех частей Кавказского края с государством...»⁶⁶. Усилия властей в этом направлении совпали с проведением либерально-демократических реформ в период правления Александра II, важное место среди которых заняли реформы в области образования.

Политические задачи, связанные с развитием образования в Кубанской области, пришлось и на важные изменения в хозяйственной жизни региона. Включение Северо-Западного Кавказа в экономическую систему Российского государства, «капитализация его социально-экономической жизни выдвигали задачу подготовки квалифицированных кадров в различных отраслях производственной и административной деятельности...»⁶⁷. Важнейшим условием решения этой задачи стало развитие начального образования. В свою очередь, необходимость развития начального образования обусловила рост потребности в педагогических кадрах и способствовала становлению педагогического образования в области.

Наказной атаман казачьего войска Ф.Н. Сумароков-Эльстон в своем приказе от 14 августа 1867 г. отметил, «что дело народного образования выступило наконец из заколдованного круга невежества и упорства, в котором оно держалось...», а также предписывалось открыть народные

⁶⁵ Архипова Т.Г. Государственная итоговая аттестация в вузах России в XVIII - начале XXI века: исторический анализ // Преподаватель XXI век. 2020. № 1-1. С. 23.

⁶⁶ Очерки истории Адыгеи / А. Ш. Бузаров, Б. М. Джимов, Г. П. Иванов. Т. 1. Майкоп, 1981. С. 449.

⁶⁷ Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: история становления и общественная деятельность (конец XIX - начало XX вв.). Краснодар, 2004. С. 64.

школы к новому учебному году во всех станицах⁶⁸. В результате за 4 года было открыто 100 школ и к 1870 г. на территории Кубани количество начальных учебных заведений достигло 179. В связи с этим была введена должность Инспектора станичных училищ.

Развитие школьного дела выявило глубину кадровых проблем в сфере образования. Ревизия работы 49 начальных учебных заведений Кубанской области, произведенная в 1871 г. инспектором начальных училищ обнаружила, что только 4 преподавателя имели профильное педагогическое образование⁶⁹. Зачастую в станичных школах в роли учителей выступали солдаты, «писари», т.е. «люди в педагогическом отношении никуда не годные и подчас вредные в воспитательном отношении». После посещения в течение 5-6 лет такой школы дети «не выучивались сносно читать и писать»⁷⁰. Итоги ревизии наглядно продемонстрировали местным властям необходимость открытия профессионально ориентированных учебных заведений.

Растущая потребность в учительских кадрах способствовала поиску новых форм и способов подготовки учительских кадров. Его результатом стало возникновение учительских семинарий, как специального типа профессионального учебного заведения, осуществлявшего подготовку учителей начальных школ. Принципы организации учительской семинарии были разработаны на государственном уровне в начале 1850-х гг. специально созданной комиссией под руководством выдающегося отечественного педагога К.С. Ушинского⁷¹. На основе его «Проекта учительской семинарии» в 1860-х гг. получили развитие земские учительские семинарии. В 1870 г. было утверждено «Положение о Молодечнянской семинарии»⁷². Оно предполагало создание правительственных учительских семинарий, принципы деятельности которых были уточнены в 1875 г. в «Инструкции для

⁶⁸ Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В. Н. Ратушняк. – Краснодар, 1996. С. 556.

⁶⁹ Зажаев П. Прошлое и настоящее Кубанской начальной школы. Екатеринодар, 1907. С. 5.

⁷⁰ Кубанские областные ведомости. 1878. № 49. С. 2.

⁷¹ Первые учительские семинарии появились в Германии еще в XVII в., а в России в конце 70-х гг. XVIII в. при Московском, а затем в Санкт-Петербургском университетах.

⁷² Высочайше утвержденное Положение Молодечнянской учительской семинарии, 25 июня 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. 39. отделение 1., СПб, 1867. С. 545–549.

учительских семинарий министерства народного просвещения»⁷³.

В учительские семинарии принимались юноши православного вероисповедания с шестнадцати лет, предоставившие характеристику «о благонадежном поведении». Кандидаты также должны были успешно сдать вступительные экзамены, соответствующие программе двухлетнего начального училища Министерством народного просвещения.

Хотя нормативная база деятельности учительских семинарий в Российской империи сформировалась на протяжении 1870-х гг., идея создания учительской семинарии на Кубани возникла значительно раньше. Проект открытия учительской семинарии в Кубанской области основанный на передовых для того времени принципах был составлен в 1861 г. директором училищ области при непосредственном участии наказного атамана Ф.Н. Сумарокова-Эльстона. Согласно разработанному проекту, местом открытия должна была стать станица Старокорсунская (позднее заменена на Полтавскую). Предполагался набор 40 воспитанников, из которых 20 должны были содержаться за счет войсковой казны⁷⁴. Проект был утвержден Военным советом в 1869 г. В результате в 1871 г. открылась первая учительская семинария на территории Кубани⁷⁵. Первоначально семинария располагалась в станице Полтавской. В последующем она была перенесена в станицу Ладожскую.

По рекомендации известного российского педагога К. Ушинского директором семинарии был назначен Д.Д. Семенов, который сумел привлечь к работе в ней опытных учителей⁷⁶. Преподавательский состав семинарии формировался за счет выпускников университетов и духовных семинарий. На обучение в семинарию зачислялись юноши, достигшие 16-ти летнего возраста и выдержавшие вступительные экзамены на поступление в первый

⁷³ Кузьмина О. В. О государственной политике в отношении учительских семинарий в России во второй половине XIX в. (по материалам ревизии самарской учительской семинарии) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 4. 2013. № 4. С. 39.

⁷⁴ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 11. Ч. 2. Спб., 1912. С. 2460.

⁷⁵ Энциклопедический словарь по истории Кубани: С древнейших времен до окт. 1917 г. / Администрация Краснодар. края; Под. ред. Трехбрата Б. А. Краснодар, 1997. С. 489.

⁷⁶ Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. С. 582.

класс: Закон божий, математику, русский язык. В силу отсутствия подготовленного контингента с необходимым образовательным уровнем второй класс в гимназии первоначально не был открыт⁷⁷. Уже на следующий год после открытия семинарии при ней были созданы женские педагогические курсы, готовившие учительниц для школ грамотности. Большое внимание основатели семинарии уделяли социальным условиям учащихся. В 1873 г. при семинарии было создано больничное отделение, в которое могло быть госпитализировано 10 воспитанников и 5 воспитанниц⁷⁸.

Обучение в Ладужской учительской семинарии было в основном платным. Однако для семинаристов, не имеющих финансовой возможности оплачивать свое обучение и содержание, полковая казна Кубанского казачьего войска выделяла специальные стипендии. Их число по отношению к общей численности обучающихся было существенным. В 1876 г. из 120 учащихся семинарии 40 обучались за счет войсковой стипендии⁷⁹.

Уровень подготовки учащихся в семинарии для своего исторического времени был достаточно высоким. Программа обучения в Ладужской учительской семинарии включала изучение Закона божьего, церковно-славянского языка, воспитания и педагогики, русского и национальных языков, всеобщей и отечественной истории, пения и других предметов. Большое внимание уделялось эстетическому, физическому и трудовому воспитанию учащихся⁸⁰. В последующем в программу обучения вносились коррективы.

Учитывая профессиональную направленность учебного заведения, его основатели серьезное внимание уделяли организации для учащихся педагогической практики. С этой целью уже в 1872 г. при учительской семинарии была основана школа на 25 воспитанников⁸¹.

Первая в области учительская семинария содержалась на средства

⁷⁷ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 11. Ч. 2. Спб., 1912. С. 2484.

⁷⁸ Штурба В. А. Развитие казачьего народного образования в Кубанской области во второй половине XIX в // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5. С. 60.

⁷⁹ Памятная книжка Кубанской области на 1880 год. Екатеринодар, 1880. С. 76.

⁸⁰ Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. С. 561.

⁸¹ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 11. Ч. 2. Спб., 1912. С. 2492.

Кубанского казачьего войска. Средние значения ежегодных отчислений войска выглядели в следующих пропорциях: 13000 рублей на содержание семинарии и школы при ней; 200 рублей на финансирование женских педагогических курсов; 20000 рублей на ремонт и строительство зданий, аренду и строительство жилья для работников; приобретение мебели, инвентаря и т.п.⁸²

Выпускники семинарии, завершившие обучение с отличными результатами, могли преподавать в двухклассном училище. Остальные выпускники получали право преподавать в одноклассном училище. По итогам 5 выпусков семинарии и 3 выпусков женских курсов Ладожская учительская семинария подготовила для школ Кубани 114 учителей и 39 учительниц⁸³. Однако эти цифры далеко не покрывали потребности школ Кубанской области в учительских кадрах. Тем не менее, основание и деятельность семинарии способствовали приобретению необходимого опыта организации педагогических учебных заведений.

Ладожская семинария имела двойную миссию: подготовку новых учителей и повышение квалификации опытных педагогов. С начала 70-х гг. XIX в. ее стены стали местом проведения регулярных учительских курсов. Эти мероприятия давали учителям возможность обмениваться опытом, изучить современные методики обучения и воспитания, а также узнать о эффективных способах организации школьной жизни. Участники съездов получали не просто теоретические знания, но и возможность применить их на практике. По окончании курсов слушателям выдавались свидетельства. Начиная с 1872 г. в течение трех лет курсовая подготовка учителей при ладожской учительской семинарии проводилась ежегодно.

С увеличением числа учебных заведений возникла необходимость в открытии новых семинарий для подготовки учителей. В результате 1909 г.

⁸² Полное собрание законов Российской Империи. Т. 11. Ч. 2. Спб., 1912. С. 2497.

⁸³ ГАКК Ф. 252. Оп. 2. Д. 1860. Л. 12, 18; Ф. 470. Оп. 2. Д. 1093. Л. 21-23;

появилась Полтавская учительская семинария, а в 1912 г. Бесскорбненская⁸⁴.

Острая нехватка педагогических кадров обусловила и расширение круга учебных заведений, вовлеченных в подготовку учительских кадров. В их число, помимо уже упомянутых педагогических классов гимназий и учительской семинарии, входили земские школы и епархиальные училища. Однако существенным недостатком подобной формы подготовки педагогических кадров стала «тупиковость». Окончившие обучение в них лица не имели права поступать в университеты и сдавать экзамен на звание учителя гимназии.

Рост внимания со стороны властей к вопросу организации подготовки педагогических кадров произошел в начале XX в. Он был связан с постановкой в России в плоскость публичного обсуждения вопроса о введении «всеобщего образования». В соответствии с планом реформирования, предложенным председателем совета министров Петром Аркадьевичем Столыпиным, переход к всеобщему начальному образованию планировался в 1914 г. В рамках реализации данного проекта было увеличено финансирование образовательных программ. Следствием проводимой политики стало увеличение численности учебных заведений и обучающегося в них населения. В 1914 г. на Кубани функционировало 1873 школы с 3 и 4 годичным сроком обучения и 450 церковно-приходских школы с общим количеством учеников 201134 человек. При этом уровень грамотности составлял 160 грамотных на каждую 1000 жителей⁸⁵. Следует отметить, что перечисленные учебные заведения комплектовались преподавательскими кадрами из числа выпускников местных педагогических образовательных учреждений.

Особую остроту проблема нехватки учительских кадров приобрела в начале двадцатого столетия в связи со значительным ростом числа начальных

⁸⁴ Вазанков М.В. Становление педагогического образования в Кубанской области в 60-е гг. XIX - начале XX вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2024. № 2 (339). С. 31.

⁸⁵ Рудольф Н.Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа 1908-1912 год. Тифлис, 1914. С. 7.

учебных заведений Кубанской области. Существование данной проблемы было связано не только с неразвитостью в области сети педагогических учебных заведений. Серьезным препятствием в деле популяризации педагогического образования являлись тяжелые материальные и социально-бытовые условия жизни учителей. Учителя, в особенности сельские, получали нищенское жалование, «которого едва хватало одиночкам, семейные владели полуголодное существование и долго на одном месте не задерживались»⁸⁶. Государство не брало на себя расходы по оплате труда учителей и возлагало их на сельские общества. Те, в свою очередь, часто выделяли мизерные суммы на оплату труда учителей.

Серьезным препятствием в развитии педагогического образования в начале XX в. являлось нарушение принципа централизации образования. Учебные заведения относились к разным правительственным и общественным учреждениям. Так, различные учебные заведения Кубанской области находились в подчинении у дирекции народных училищ, Кавказского учебного округа, епархиального ведомства, руководства Черноморского войска, ведомства императрицы Марии, а также различных министерств⁸⁷.

Значительно возросший спрос на кадры учителей начальных училищ способствовал развитию на Кубани женского педагогического образования. Оно также было связано изменениями, произошедшими в организации обучения. Все школы грамотности делились на три вида: обучающие мальчиков, обучающие девочек и школы смешанного типа. Если первоначально существовала практика обучения девочек учителями женского пола, то в начале XX в. происходит постепенный отказ от нее и учительницы получают право вести занятия во всех типах начальных школ.

Одним из наиболее значимых событий в развитии женского педагогического образования в начале XX в. стало преобразование в 1902 г.

⁸⁶ Рудольф Н.Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа 1908-1912 год. С. 60-61.

⁸⁷ Отчет Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии Области за 1915 год. - Екатеринодар, 1916. С. 26-34.

Мариинского женского училища в Кубанский Мариинский женский институт. Спустя десятилетие при нем открылись педагогические классы, в которых осуществлялась подготовка учащихся по педагогическому, математическому и словесному направлениям⁸⁸. С 1863 г. по 1913 г. училище подготовило 950 девушек, получивших квалификацию учителей, из которых по специальности работало около 10%⁸⁹.

Важным событием в развитии женского педагогического образования было открытие в 1909 г. по решению Екатеринодарской городской Думы женской учительской семинарии. Она являлась всесословным учебным заведением. Воспитанницы зачислялись в новое учебное заведение на конкурсной основе по результатам вступительных экзаменов. Программа обучения включала как общеобразовательные предметы и педагогику, так и овладение прикладными навыками в рисовании, рукоделии и т. п. Для совершенствования педагогических навыков при семинарии работала образцовая школа. Ежегодно семинария выпускала порядка 30 новых учительниц, что оказывало положительное влияние на заполнение педагогических вакансий⁹⁰. Не мало важным для развития образования в Кубанской области было и то, что большинство выпускниц подавали прошение получить «место» именно в Кубанской дирекции. Так в 1916 г. таковых было 17⁹¹.

Заметную роль в подготовке женщин-педагогов сыграла Майкопская (впоследствии Пушкинская) женская гимназия, основанная в 1900 г. по инициативе местной учительницы и сторонницы просвещения Екатерины Домашевской. Часть выпускниц этого учебного заведения в дальнейшем стали учителями местных школ. Согласно имеющейся статистики, их

⁸⁸ ГАКК. Ф. 469. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

⁸⁹ Калайтан С. Пятидесятилетие Кубанского Мариинского женского института (1863-1913 гг.). Екатеринодар, 1913. С. 48.

⁹⁰ Женские профессиональные училища. Частные учебные заведения. Еврейские училища. Тифлис, 1915. С. 166.

⁹¹ ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1623. Л. 62.

количество составило около 20 – 25 человек⁹².

Учитывая то обстоятельство, что в подготовке педагогических кадров принимали участие не только светские, но и духовные учебные заведения, в контексте вопроса подготовки педагогов-женщин следует отметить деятельность Епархиального женского училища, открытого в 1896 г. в Екатеринодаре. Учебные учреждения такого типа находились в ведении Синода и местной епархии. Коллектив учебного заведения состоял из начальницы училища, воспитателя, помощников воспитателя, преподавателей, инспектора классов, а также хозяйственного персонала. В число воспитанниц принимались дети священников 10 - 12 лет. Обучение и содержание учениц было платным. Сумма оплаты за год обучения составляла для дочерей духовенства при 100 % оплате 108 рублей, при 50 % 54 рубля. Иносословные платили 254 рубля в год⁹³. Для одаренных детей и детей из беднейших сословий, сирот существовал ряд стипендий, предоставленных различными ведомствами и частными лицами. Помимо ряда православных и общеобразовательных дисциплин, за отдельную плату воспитанницы могли изучать иностранные языки, живопись, игру на музыкальных инструментах.

В 1907 г., на основании высочайше утвержденного положения, при училище открылся – педагогический класс⁹⁴. Закончившие педагогический класс воспитанницы получали право преподавать на дому или в сельской школе. В 1909 г. педагогический класс закончило 51 выпускница⁹⁵. Выпускницы педагогического класса преподавали в церковно-приходских школах и сельских школах грамотности.

В связи с постоянно растущей потребностью в педагогических кадрах и ограниченностью возможности их массовой профессиональной подготовки в

⁹² Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: Конец XIX - нач. XX в. / Отв. ред. Э. Д. Днепров. Москва, 1991. С. 141.

⁹³ Православная Церковь на Кубани (кон. XVIII - нач. XX в.) / Упр. по делам архивов Краснодарского края. Госархив Краснодарского края. Госархив Ставропольского края. Краснодар, 2001. С. 514.

⁹⁴ Чич С.Н. Государственная система общеобразовательной подготовки женской молодежи на Кубани в XIX-начале XX века. Майкоп, 1993. С. 40-41.

⁹⁵ Рыбко С.Н. К истории женского образования на Кубани в конце XIX - начале XX вв. // Дикаревские чтения № 9. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнической культуры Северного Кавказа за 2002 г. Материалы региональной научной конференции. Краснодар, 2003. С. 174-176.

высших и средних учебных заведениях в начале XX в. получила широкое распространение такая форма обучения и повышения квалификации действующих педагогов, как педагогические курсы. Они становились неотъемлемой частью педагогического образования.

Педагогические курсы постоянно функционировали при Александровском педагогическом институте в г. Тифлисе, где действующие учителя кубанских станиц могли повысить свою квалификацию до уровня учителя городского училища. Прослушав курс лекций и пройдя практические занятия, слушатель подвергался экзамену, по итогам которого выдавалось Свидетельство на право преподавать в городском училище⁹⁶.

Большое содействие в развитии такой формы профессиональной подготовки учителей на Кубани, как педагогические курсы, сыграли различные общественные организации. Так, в 1908 г. в Майкопе был учрежден «Народный университет», имевший своей целью популяризацию достижений светских наук среди населения. Общество «Народных университетов» в 1910 г. и 1912 г. обращалось с прошением к директору Кубанских училищ разрешить провести «курсы для взрослых обоего пола по программе учителей народных училищ»⁹⁷. По данным обращения были приняты положительные решения.

В 1914 г. в ходе заседания Черкесского благотворительного общества было принято решение открыть 3 месячные учительские курсы для 35 учителей из местной среды⁹⁸. Программа обучения не была ограничена исключительно педагогическими дисциплинами, занятия проводились ежедневно с 8 утра до 1 ночи. Об успехе педагогических курсов можно судить по росту преподавательских кадров в адыгских селениях, сформированных из выпускников курсов. В качестве примера можно назвать фамилии таких учителей, как А. Бекух, А. Барчо, А. Уджуху, А. Вайкок и

⁹⁶ ГАКК. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 848 а. Л. 65.

⁹⁷ ГАКК. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 210. Л. 1, 2.

⁹⁸ Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция. Начало XX века: Становление исторических взглядов. С 48.

др⁹⁹.

Однако просвещенной общественности было очевидно, что ликвидировать нехватку учителей за счет выпускников гимназии и педагогических курсов было невозможно. О необходимости открытия новых специализированных учебных заведений на территории Кубанской области регулярно сообщалось в местной прессе¹⁰⁰. Более того, передовой общественностью Кубанской области ставился на повестку дня вопрос открытия высшего педагогического учебного заведения - Учительского института в городе Екатеринодар. Однако реализовать эту идею так и не удалось по причине отсутствия финансирования.

Ввиду отсутствия высшего педагогического учебного заведения на территории Кубани, желающие продолжить педагогическое образование могли поступить в ближайший Ставропольский учительский институт. Для поступления было необходимо иметь педагогический стаж от двух лет. Направление абитуриентов осуществлялось через директора народных училищ Кубанской области¹⁰¹. В результате общее количество преподавателей с высшим образованием в Кубанской области оставалось крайне незначительным, и все они преподавали в городах. По данным за 1913 г. из 3757 работающих учителей только 45 были с высшим образованием¹⁰².

Большой вклад в решении данной проблемы внесла Майкопская городская Дума, которая в 1912 г. постановила основать в городе учительский институт. Новое учебное заведение начало свою работу в 1915 г.¹⁰³ Всего на обучение было принято 30 воспитанников. Обучение вели десять преподавателей. Учебное заведение располагало специализированными аудиториями для проведения занятий по естественным наукам (химии и физике). В штате института состояло десять преподавателей.

Однако из-за хозяйственной разрухи в годы Гражданской войны

⁹⁹ Емтыль З. Я. Адыгская интеллигенция. Начало XX века: Становление исторических взглядов. С. 49.

¹⁰⁰ Утро Юга (Ростов-на-Дону). 1914. 14 февраля.

¹⁰¹ ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1354. Л. 93.

¹⁰² Отчет о состоянии Кубанской области за 1913 г. Екатеринодар, 1914. С. 92.

¹⁰³ НАРА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

произошел отток части студентов. В результате первый выпуск института, состоявшийся в 1918 г., насчитывал всего 10 учителей¹⁰⁴. Тем не менее, штатный состав преподавателей вырос до 18 преподавателей. Выросло и число принятых на 1-й курс. Оно составило 58 человек¹⁰⁵. С установлением советской власти Учительский институт в г. Майкопе был преобразован в Майкопский институт Наркомпроса РСФСР.

Рассматривая развитие педагогического образования в Кубанской области, стоит отдельно отметить усилия, предпринятые в этом направлении Майкопской городской Думой. Ее депутаты желали придать городу значение культурного центра, сделать его местом притяжения просвещенной молодежи¹⁰⁶. Неудивительно, что вслед за открытием Майкопского учительского института, по ее решению, летом 1916 г. в городе начала работу мужская учительская семинария. Для нее было выделено шестиклассного городского училища. Первый набор семинаристов составил 40 человек. Обучение шло в подготовительном и трех основных классах. Для приобретения учащимися практических педагогических навыков при семинарии функционировало образцовое училище. На содержание учебного заведения из казны ежегодно выделялось 30 000 руб.¹⁰⁷. Число семинаристов постоянно росло и в 1919 г. составляло 149 учащихся¹⁰⁸. Однако вскоре с окончательным установлением Советской власти в регионе в 1920 г. образовательная деятельность Майкопской мужской учительской семинарии была прекращена.

Учитывая характер исследуемой проблемы, отдельного внимания заслуживает вопрос подготовки учителей из среды горского населения Кубанской области. Данный вопрос привлек к себе внимание местных властей в конце XIX в. связи с развитием сети начальных училищ в горских аулах, где преподавание велось на русском языке и получил развитие в начале

¹⁰⁴ ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 68. Л. 250.

¹⁰⁵ НАРА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 8. Л. 163-165.

¹⁰⁶ Кубанский край. Екатеринодар. 1912. 14 февраля.

¹⁰⁷ Листок войны. Екатеринодар. 1916. 23 июня.

¹⁰⁸ ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 57. Л. 102.

XX в. в контексте постановки вопроса о введении «всеобщего образования».

Однако усилия властей по приобщению горцев к российскому, светскому образованию не давали желаемых результатов. Итоги обследования начальных училищ в 1915 г. обнаружили, что часто жители аулов не желали отдавать своих детей в низшие начальные училища, предпочитая им примечетские школы-мектабе. В массе своей горцы не проявляли интереса к открывавшимся в аулах начальным училищам, что было связано с рядом причин. Одной из главных являлась организация процесса обучения на русском языке, что рассматривалось властями как способ преодоления отчужденности и замкнутости горцев. По мнению одного из крупных адыгских просветителей начала XX в. С. Сиюхова, организация обучения на русском языке делало русско-горские школы бесперспективными. Негатив со стороны горцев в отношении развития школьного дела в аулах был связан и с деятельностью миссионерских школ, которая активно поддерживалась царской администрацией и воспринималась местным населением как русификаторская.

Важным обстоятельством, сдерживающим развитие начальных училищ в горских селениях, была его бесперспективность. Молодые люди, окончившие курс начальных училищ, получали элементарные знания, которые не могли быть востребованными в условиях сельского быта и не давали возможности продолжить образование в гимназии или реальном училище ¹⁰⁹.

Учитывая достаточно высокий спрос, существовавший в аульных обществах на обучение в мусульманских школах, следует специально остановиться на вопросе организации подготовки учителей для мусульманских школ. Он был тесно связан с серьезными изменениями, которые происходили в мусульманском образовании в связи с формированием в начале XX в. течения джадидизм, предполагавшего включение в образовательный процесс изучение светских предметов.

¹⁰⁹ Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. - начала 30-х гг. XX в. С. 251.

Медресе, проводившие обучение согласно принципам джадидизма, стали называть новометодными. Идеи джадидизма на территории Северного Кавказа активно пропагандировало новое, прогрессивное духовенство. В его основу вошли молодые просветители, закончившие по своей частной инициативе и на собственные средства высшие духовные учебные заведения Ближнего Востока, а также средние учебные заведения юга страны. Ни о каких плановых началах в подготовке преподавателей для новометодных, как и традиционных мусульманских школ, говорить не приходилось.

Количественный рост новометодных медресе и возросшая потребность в подготовленных не только в религиозном плане, но и знакомых со светскими науками муллами побудили горские общества поставить вопрос о необходимости открыть мусульманскую духовную семинарию. Вопрос открытия семинарии рассматривался на совещании мусульманского духовенства в Екатеринодаре в 1908 г. По итогам встречи было сделано обращение к начальнику Кубанской области с предложением открыть мусульманскую семинарию за казенный счет. Предложение было выслушано, но финансовой помощи предоставлено не было¹¹⁰. В дальнейшем подготовка кадров для мусульманских школ, как и в целом организация работы новометодных школ, продолжали осуществляться на уровне частной инициативы, на средства горских обществ и добровольные пожертвования.

Проведенное исследование обнаружило появление и тенденцию численного роста учебных заведений различного образовательного уровня, вовлеченных в процесс подготовки педагогических кадров для учебных заведений Кубанской области. Вместе с тем следует отметить, что организация профессионально ориентированных учебных заведений происходила в отрыве от развития системы начального образования и не была способна удовлетворить его растущие потребности.

Одной из главных проблем развития педагогического образования

¹¹⁰ Кабардей П. (Коцев П.) Духовно-религиозные нужды мусульман Терской и Кубанской областей // Новая Русь. СПб., 1910. № 109. С. 3.

являлось отсутствие системы и плановых начал в его организации. Она усиливалась тем обстоятельством, что образовательные учреждения относились к разным правительственным и общественным учреждениям.

Серьезным препятствием в развитии педагогического образования на Кубани, как и в целом по стране, являлся недостаток его финансирования со стороны государства. В Кубанской области в начале XX в. он частично покрывался за счет средств войсковой казны Кубанского казачьего войска, добровольными сборами сельских и городских обществ, а также благотворительными сборами различных общественных организаций.

В силу ограниченности возможностей подготовки педагогических кадров в рамках специальных учебных заведений широкое распространение получила практика привлечения к преподаванию выпускников гимназий, епархиальных училищ, а также создания педагогических классов в непрофильных учебных заведениях.

В связи с острой нехваткой педагогических кадров и существованием ограниченной возможности организации их массовой подготовки в специальных высших и средних учебных заведениях в начале XX в. широкое распространение получила такая форма обучения и повышение квалификации действующих педагогов, как педагогические курсы, которые становились неотъемлемой частью педагогического образования. Позитивную роль в подготовке профессиональных учительских кадров внесло развитие женского педагогического образования.

Исследование становления и развития педагогического образования в Кубанской области наряду с острой нехваткой учительских кадров выявило отсутствие необходимого уровня их профессиональной подготовки. С данным обстоятельством была связана постановка вопроса о необходимости развития в области высшего педагогического образования и попытки перенесения его в плоскость практических решений во втором десятилетии XX века. В целом усилия по развитию педагогического образования на Кубани носили бессистемный характер, что определило низкий уровень

обеспеченности учебных заведений области педагогическими кадрами и крайне низкий уровень их профессиональной подготовки.

1.2. Формирование политики советской власти в отношении педагогических кадров

Исследование развития педагогического образования на Кубани и Адыгее в 1920-1930-е гг. невозможно вне анализа формирования политики советской власти в отношении педагогических кадров. Именно она определяла общую направленность, содержание, ход и результаты развития педагогического образования в регионах страны.

Смена общественно-политической системы традиционно сопровождается «приобщением» широких масс населения к новым идеологическим, политическим, культурным принципам государственного строительства, осуществляемого через систему образования и, в первую очередь, через школу. С момента установления советской власти большевики, несмотря на сложную внутривнутриполитическую и социально-экономическую ситуацию, большое внимание сосредоточили на вопросах, связанных с развитием новой трудовой школы. По их мнению, «в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм»¹¹¹. В своей речи на Первом съезде учителей-интернационалистов, проходившем в Москве 5 июля 1918 г., В.И. Ленин сформулировал задачи, стоящие перед образовательными учреждениями в сложившихся политических реалиях, делая особый упор на невозможность

¹¹¹ Из программы российской коммунистической партии (большевиков) // Культурное строительство в СССР. Документы и материалы. Наука, 1989. С. 69.

существования школы «отдельно» от политики¹¹². В.И. Ленин подчеркивал: «Задача новой педагогики, связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества»¹¹³. Данные установки нашли отражение в программе, принятой VIII съездом РКП(б). Политическая роль школы в ней определялась как «орудия коммунистического перерождения общества»¹¹⁴.

Ключевая роль в создании новой школы отводилась подготовке кадров учителей-социалистов, «проникнутых идеями коммунизма»¹¹⁵. На создание данной категории учителей, идейно преданных советской власти, были сосредоточены основные усилия Народного комиссариата по просвещению – центрального органа государственного управления, отвечавшего за народное образование, науку и культуру в Советской России¹¹⁶.

Реформа образования (включая подготовку педагогических кадров) являлась базовой составляющей культурной революции и требовала первостепенного, безотлагательного решения. Центральными задачами культурной революции в области образования являлись ликвидация безграмотности, создание сети школ на принципах новой советской педагогики, введение всеобщего обязательного начального образования для всех детей школьного возраста. Задачи культурной революции, поставленные советским руководством в постреволюционный период, не имели четких алгоритмов действий и необходимых материальных, и кадровых ресурсов.

Политика и практика советской власти в области создания кадров советского учительства тесным образом была связана со становлением советской трудовой школы и находила отражение в директивах органов управления различного уровня, курировавших сферу образования.

¹¹² Колокольникова З.У. Государственная политика по переподготовке учительских кадров старой формации (1921-1925 гг.) // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-2. С. 155.

¹¹³ Липчанский А.М. Становление советской системы образования 1917-1927. Астрахань, 1997. С. 424.

¹¹⁴ VIII съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Москва 18-23 марта 1919 г. Стенографический отчет. М., 1919. С. 286.

¹¹⁵ Из программы российской коммунистической партии (большевиков) // Культурное строительство в СССР. Документы и материалы. Наука, 1989. С. 69.

¹¹⁶ Основные принципы единой трудовой школы // Народное образование. 1999. № 10. С. 46.

В стране, охваченной революционным энтузиазмом, они начинают формироваться с первых дней установления советской власти. 8 ноября 1917 г. была введена должность Народного комиссара просвещения. Ее занял А.В. Луначарский. 9 ноября 1917 г. создана Государственная комиссия по просвещению в состав которой под председательством М.Н. Луначарского вошли Н.К. Крупская, М.Н. Покровский и др. В том же 1918 г. был сформирован «Народный комиссариат по просвещению» (Наркомпрос)¹¹⁷. Руководство делом народного образования за исключением высшего передавалось в ведение отделов народного образования, которые образовывались при исполнительных комитетах областных, губернских, уездных и волостных Совдепов¹¹⁸.

Непосредственно модернизация образовательных структур на Кубани в первые послереволюционные годы находилась в ведении Главного управления социалистического воспитания (Главсоцвос). В его состав входило ряд ведомств, занимавшихся развитием образовательных учреждений и «просвещением национальных меньшинств». Работой в области образования руководил Отдел народного образования и ряд образованных при нем комиссий.

Региональные органы управления образованием на Кубани создавались согласно Протокола комиссии по народному образованию 2-го съезда советов Кубанской области от 8 апреля 1918 г. В соответствии с ним были открыты следующие отделы: Отдел по высшим начальным училищам, Отдел по подготовке преподавателей, Отдел издательский, Отдел школьного строительства и др. Все дореволюционные органы управления образования были упразднены, а их функции переданы «соответствующим советам народного образования». Протокол комиссии определял и размер жалования

¹¹⁷ 23 июня 1918 г. был опубликовано «Положение об организации дела народного образования в Российской республике», определившее функции Государственной комиссии и Наркомпроса. В соответствии с ним общее руководство делом народного образования в Российской Федеративной Социалистической Советской Республике возлагалось на Государственную комиссию по просвещению, председателем которой являлся народный комиссар по просвещению (Декреты Советской власти. 17.03-10.07.1918. М., 1959. Том 2. С. 452).

¹¹⁸ Декреты Советской власти. 17.03-10.07.1918. Т. 2. М., 1959. С. 453.

педагога¹¹⁹.

Комиссар просвещения Е.М. Полуян-Верецкая подписала приказ о продолжении работы образовательных учреждений в Кубанской области, переподчинив их Советам депутатов или Советам народного образования, которые были созданы во всех станицах и волостях. В рамках реализации Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви начиная с осени 1918 г. церковно-приходские школы Кубанского края передавались в ведение Народного комиссариата просвещения и становились собственностью станичных и хуторских общин¹²⁰. В целях оптимизации статистического учета, финансирования, управления школами и обеспечения единообразного подхода к организации образовательного процесса Кубанское правительство в сентябре 1918 г. постановило рекомендовать всем государственным учреждениям передать находящиеся у них школы в ведение Народного комиссариата просвещения. В апреле 1918 г. на Втором Кубанском съезде советов был утвержден План организации дела народного образования, также Е.М. Полуян - Верецкая взяла за основу «Положение о Единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики».

Несмотря на предпринимавшиеся усилия, говорить о каких бы то ни было плановых началах в отношении реализации политики советской власти в области кадрового обеспечения образовательных учреждений РСФСР в целом и Кубани в частности, а также регламентации их деятельности не приходилось.

Как уже было отмечено, одну из важнейших и ответственных задач Народный комиссариат по просвещению видел в создании кадров учителей социалистов, без которых невозможно было создание истинно

¹¹⁹ Минимальное жалование учителя составляло 300 рублей (соразмерно с жалованием квалифицированного рабочего). Семейный учитель дополнительно получал 5 % на каждого ребенка дошкольного возраста и 10 % на школьника (Культурное строительство на Кубани тысяча девятьсот восемнадцатый - 1941 гг. / Науч. ред. И.Я. Куценко. Краснодар, 1978. С. 23-24).

¹²⁰ Кубанский епархальный совет предпринял попытку предотвратить передачу учебных заведений, построенных на средства Церкви в станицах Новошербиновской и Усть-Лабинской, но эта попытка оказалась безуспешной.

социалистической трудовой школы. «В деле создания нового учителя народный комиссариат просвещения являлся решительным организатором такого типа высшего педагогического учебного заведения, которое окажется надежным рассадником учителей социалистов, преданных интересам трудовых масс»¹²¹. Однако создание такого типа учебного заведения являлось делом будущего. В этой связи в текущий момент Народный комиссариат просвещения начал преобразование всех педагогических учебных заведений, в высшие педагогические учебные заведения¹²². С их деятельностью новая власть как можно скорее пыталась создать «могучую армию народных педагогов, потребную для всеобщего обучения населения...»¹²³.

Подготовка нового советского учительства, способного стать «могучим фактором» создания новой трудовой школы связывалась большевиками с необходимостью реформирования системы педагогического образования и, в первую очередь, высшего.

Концепция реформы педагогического образования находилась в динамическом развитии и видоизменялась на всем протяжении конца 1910-х – 1920-х гг., что являлось следствием как отсутствия четкого видения механизмов функционирования педагогического образования в новых общественно-политических и социально-экономических условиях, так и различием подходов в руководстве Наркомпраса и педагогическом сообществе в целом.

Реформа высшего педагогического образования была тесно связана с реформой высшей школы в целом. Для руководства вузами и средне-специальными учебными заведениями страны при Народном комиссариате по просвещению в 1918 г. был создан Совет по делам высшей и средней школы. 2 августа 1918 г. подписан декрет СНК «О правилах приема в высшие

¹²¹ Основные принципы единой трудовой школы // Народное образование. 1999. № 10. С. 46.

¹²² Там же. С. 47.

¹²³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 539.

учебные заведения РСФСР». Декрет провозглашал все ВУЗы – учебными заведениями для лиц обоего пола, отменял все сословные привилегии, оплату, а также экзамены при поступлении в высшее учебное заведение¹²⁴. При поступлении диплом о среднем образовании не требовался. Преимущество в зачислении получали выходцы из рабочей и крестьянской среды. Произошли и серьезные изменения в структуре управления вузов. В нее на основании Постановления Народного Комиссариата просвещения от 1918 г. «О заведовании студенческими делами...» были включены представители студенческого сообщества.

Непосредственно реформа педагогического образования была возглавлена Отделом подготовки учителей, созданном при Народном комиссариате просвещения. Осенью 1918 г. он представил план мероприятий по реформированию системы педагогического образования, который получил одобрение Государственной комиссии по просвещению¹²⁵. Учительские институты были преобразованы в педагогические. В основу их работы был положен «Устав педагогических институтов и опытных при них школ», утвержденный 19 ноября 1918 г. Основной вид педагогического учебного заведения – учительская семинария была первоначально вписана в советскую систему педагогического образования как учебное заведение для подготовки преподавателей первой ступени единой трудовой школы¹²⁶.

Однако в последующем в результате существования и столкновения различных подходов к реформе педагогического образования утвердилась новая структура педагогических учебных заведений. Высшие педагогические учебные заведения были разделены на Институты народного образования (ИНО) для подготовки школьных учителей I и II ступени единой трудовой школы и педагогические факультеты или институты с для подготовки преподавателей педагогических техникумов и политико-

¹²⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. С. 538.

¹²⁵ Войтеховская М.П., Кочурина С.А. Формирование сети педагогических учебных заведений в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях модернизации образования и введения всеобщего обучения в 1917 - начале 1930-х гг. // Научно-педагогическое обозрение. 2022. Вып. 6 (46). С. 136.

¹²⁶ Там же. С. 138.

просветительских работников¹²⁷. Средняя ступень педагогического образования была представлена педагогическими техникумами, которые зачастую создавались на базе учительских семинарий. Именно педагогические техникумы стали основным типом педагогических учебных заведений¹²⁸.

Новый этап реформы педагогического образования начался в конце 1920-х гг. Он был связан с назначением на должность наркома просвещения А.С. Бубнова и изменениями в социально-экономической политике советского государства. Переход к ускоренной индустриализации и сплошной коллективизации сельского хозяйства предопределили интенсификацию культурного строительства, в котором важнейшей составляющей была массовая подготовка самой многочисленной части интеллигенции – советского учительства. Введение всеобщего обязательного начального обучения для детей и подростков, а затем семилетнего всеобуча, обусловили резкий рост потребности школьной сети в педагогических кадрах. Уже в первый год всеобуча на селе дополнительно потребовалось около 50 000 учителей начальных школ¹²⁹.

В этой связи в Постановлении ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 25 июля 1925 г. была выдвинута задача срочного расширения сети пединститутов, педтехникумов, специальных педагогических курсов и прочих форм подготовки педагогов¹³⁰. Подготовка учителей была объявлена одной из ключевых, что дало мощный толчок развитию профессионального педагогического образования. По всей стране было инициировано создание полноценной системы педагогических вузов и массовое открытие педагогических техникумов. Педагогические факультеты

¹²⁷ Учебная программа Институтов народного образования включала совокупность педагогических дисциплин и дисциплин профильного содержания по школьным предметам.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 6. Д. 42. Л. 1.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 1603. Л. 18.

¹³⁰ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 5. М., 1984. С. 186.

университетов выделялись в самостоятельные институты¹³¹.

Важным инструментом формирования учителей социалистов являлось их идеологическая подготовка. С начала 1920-х гг. во всех педагогических вузах, как и во всех других вузах страны стали организовываться партийные ячейки ВКП(б). Их деятельность регламентировалась законом «О работе парторганизаций в вузах и рабфаках», вступившем в силу 14 декабря 1922 г. В нем прямо указывалось, что «партийные организации должны в первую очередь обеспечить коммунистическими силами преподавание обязательного минимума обществознания в вузах и рабфаках»¹³². Данная норма явилась составной частью полномасштабной работы советского правительства по идеологической подготовке и перевоспитанию будущих и действующих учителей.

Важным аспектом политики советской власти в отношении формирования новых педагогических кадров являлся отбор молодежи для поступления в профессионально ориентированные учебные заведения. В первые годы существования советской власти доступ в педагогические вузы, как и в целом вузы страны был открыт всем желающим без предъявления, каких-либо образовательных или квалификационных цензов. Хотя формально возможность поступления в вузы вообще и педагогические в частности предоставлялась всем лицам вне зависимости от пола и социального происхождения, на практике приоритет отдавался абитуриентам из классово близких советской власти пролетарских слоев населения. По мнению большевиков, учителя для трудовой социалистической школы должны были «вербоваться из лиц с определенной классовой подготовкой или с вполне сложившимся социалистическим мировоззрением»¹³³. Именно с этим обстоятельством было связано снижение требований к поступающим. Подобный подход реализовывался под эгидой открытия дверей высшей

¹³¹ Войтеховская М.П. Томский учительский институт: возвращенная история 1902-1920 годы // Томский государственный педагогический университет. Томск, 2002. С. 142.

¹³² Директивы ВКП (б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: ОГИЗ, Наркомпрос РСФСР, 1931. С. 133.

¹³³ Культурное строительство в РСФСР, 1917-1927 гг. Документы и материалы. Т. 1. Ч. 1. 1917-1920. М., 1983. С. 130.

школы для пролетариата. Однако на практике он показал свою нежизнеспособность. Масса принятых в вузы без учета уровня предварительной подготовки студентов пролетарского происхождения, оказывалась не готовой к усвоению сложных профессиональных знаний, вследствие чего участились случаи нарушения студенческой дисциплины, пропуски занятий, неудовлетворительные результаты сдачи экзаменов. В 1919 – 1920 учебном году только высшие учебные заведения столицы отчислили 22000 студентов¹³⁴. Нередко обучение прекращалось по инициативе самих обучающихся.

Для изменения сложившейся ситуации в 1919 г. было подписано постановление о создании при высших учебных заведениях рабочих факультетов (рабфак)¹³⁵. Основную задачу рабочих факультетов сформулировал А.В. Луначарский. Он считал, что они «дадут возможность ... подниматься к высшему образованию рабоче-крестьянской молодежи»¹³⁶.

Рабфаки должны были быть открыты при всех высших заведениях в срок до 1 ноября 1919 г. В Постановлении прямо указывалось: «в целях предоставления рабочим и крестьянам возможности ... использовать свое право поступления в высшие учебные заведения ... препятствием к такому использованию служит недостаточная подготовленность пролетарских масс к занятиям»¹³⁷.

Данное постановление получило свое законодательное утверждение в декрете о «Рабочих факультетах»¹³⁸. Основной задачей создававшихся новых образовательных структур являлось «широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены Высшей школы»¹³⁹.

Правительство оказывало всяческое содействие распространению

¹³⁴ Платова Е.Э. Новое студенчество России: образ жизни. 20-е годы 20-го столетия. СПб., 1999. С. 13.

¹³⁵ Постановление Наркомпроса от 11.09.1919 «Об организации рабочих факультетов при университетах» // Народное образование в СССР / под. ред. М.А. Прокофьева М., 1967. С. 271.

¹³⁶ Луначарский А.В. О народном образовании. М., 1976. С. 391-392.

¹³⁷ Постановление Наркомпроса от 11.09.1919 «Об организации рабочих факультетов при университетах» // Народное образование в СССР / под. ред. М.А. Прокофьева. М., 1967. С. 271.

¹³⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 576.

¹³⁹ Там же. 567-568.

рабочих факультетов на территории РСФСР. К 1920 г. на территории РСФСР функционировало уже 32 рабфака. В 1923 г. было принято правительственное решение принимать выпускников рабфаков в ВУЗы без вступительного испытания. Оставшиеся места делились в следующих пропорциях: 25 % партийным кандидатам, 35 % представителям профессиональных организаций, 10 % приходилось на трудовое крестьянство и красноармейцев, 10 % для платных абитуриентов и т.д. Проводимая политика приема студентов позволила довести количество выпускников рабфаков до 50 % среди всей студенческой массы набора 1925 г.¹⁴⁰. Непосредственно процент рабфаковцев среди поступающих в высшие педагогические институты в 1934-1935 гг. составил 36%.

Создание сети рабочих факультетов на территории страны явилось одним из первых действенных шагов на пути к пролетаризации высших учебных заведений. Следствием этого явилось разрушение сложившихся принципов дореволюционной системы образования. С другой стороны, рабфаки, позволили, в целом решить проблему нехватки абитуриентов, подходящих под новые классовые критерии.

На территории Кубани первые рабочие факультеты стали открываться в 1920-х г. Для слушателей рабочих факультетов создавались минимальные социально-бытовые условия. Обустраивались интернаты для проживания, столовые, библиотеки и т. д. Практически сразу при открываемых рабочих факультетах начали функционировать горские отделения для автохтонного населения. Такие отделения были открыты при Кубанском и Грозненском рабфаках. Одновременно с рабочими факультетами открывались подготовительные курсы для поступления в высшие и средние педагогические учебные заведения. По социальному составу учащиеся рабочих факультетов на 50 % были выходцами из рабочей среды, на 30 % из трудового крестьянства и еще 10 % происходило из батраков. На

¹⁴⁰ Собрание узаконений РСФСР. Сборник важнейших декретов 1917-1918 гг. М., № 45. С. 443.

представителей интеллигенции оставалось около 10 %¹⁴¹. Следует учитывать, что данные цифры не говорят о количестве учителей, вышедших из среды интеллигенции, так как рабфаки были рассчитаны именно на не подготовленную к обучению в вузе молодёжь, в то время как дети интеллигенции, как правило, отличались более высоким уровнем образования. Резюмируя, можно сказать, что с начала 1920-х гг. политика советской власти в части подготовки педагогов высшей квалификации осуществлялась по следующим основным направлениям:

- продвижение абитуриентов пролетарского происхождения,
- расширение сети рабочих факультетов,

Однако в условиях быстро растущей школьной сети, создававшиеся высшие педагогические учебные заведения не были способны решить проблему острой нехватки педагогических кадров. Данная проблема имела исторические корни. Еще накануне революции 1917 г. Российская империя испытывала дефицит учительских кадров для начальных училищ. Не являлась в этом плане исключением и Кубанская область. Так на 1905 г. Кубанской области требовалось до 300 учителей ежегодно, в то время как существующая учительская семинария, главное педагогическое учебное заведение области, выпускала 30 молодых специалистов¹⁴². Революция и Гражданская война только усугубили проблему «кадрового голода». В ходе боевых действий была не только разрушена и разграблена значительная часть инфраструктуры образовательных учреждений всех уровней. Многие преподаватели погибли на фронтах Гражданской войны. Некоторые покинули страну или сменили профессию, не имея возможности содержать свои семьи на учительское жалование. Проблема нехватки кадров стала особенно острой и по причине значительного роста численности учащихся, который был связан с усилиями советской власти по реализации идеи введения всеобщего начального образования. Общий рост потребности в учительских кадрах в

¹⁴¹ Вагина В.Ф. Указ. соч. С. 34.

¹⁴² Трехбраторова С.А. История народного образования на Кубани (конец XVIII - начало XX в)... С. 51.

начале 1920-х гг. составил 100% по отношению к 1917 г.¹⁴³.

Реализация задач, стоявших перед новой властью в области развития школьного дела, была связана не только с острой нехваткой педагогических кадров, но и «качественным составом» доставшегося от прежней власти учительства. По своему составу дореволюционное учительство на треть происходило из духовенства и на две трети из мелкого чиновничества и зажиточного крестьянства. При этом по уровню образования около 13 % имели лишь низшее образование, около 60 % среднее и 12.5 % высшее¹⁴⁴. Такой социальный состав и общий уровень квалификации дореволюционного учительства ставил под сомнение его способность к решению задач социалистического строительства и лояльность по отношению к новой власти. Большевики вынуждены были признать наличие в текущий момент колоссальных трудностей не только в виду коренной ломки старой системы образования и наличия материальных затруднений, но «еще в большей степени в следствие недостатка учителей вообще, а учителей действительно подготовленных к работе в новой школе – в особенности»¹⁴⁵.

В условиях недостатка педагогических кадров советская власть предпринимала усилия по расширению своего влияния среди «старого» учительства, «доставшегося» от прежней власти. Однако значительная часть российской педагогической общественности решительно выступила против большевиков, расценивая события Октября 1917 г. как насильственный переворот. Выразителем этой части педагогического сообщества стал Всероссийский учительский союз (ВУС), который обратился к учительскому профессиональному сообществу призывом встать на страже «свободы и просвещения» и заявил о невозможности сотрудничества с новой властью¹⁴⁶.

Отказ значительной массы учителей от сотрудничества с большевиками и критика мероприятий в области образования не могли не оказывать влияния

¹⁴³ Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. С. 114.

¹⁴⁴ Королев Ф.Ф. Советская школа в период социалистической индустриализации. М., 1959. С. 104.

¹⁴⁵ Доклад наркома просвещения А.И. Луначарского на заседании культурно-просветительской секции III съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о задачах советской власти в области культурной политики 16 (29) января 1918 г. // Культурное строительство в СССР 1917-1927. М., 1989. С. 28.

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-5490. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

на политику новой власти в отношении учительского сообщества. В этих крайне напряженных условиях для большевиков приобретает актуальность задача привлечения учительства на свою сторону «путем формирования социальной опоры в педагогической среде, основываясь на имевшем место значительном расслоении российского учительства как по статусу, так и имущественному положению»¹⁴⁷. Принципиально важным для большевиков стало найти немногочисленную часть учительства, оперевшись на которую, можно было бы постепенно увеличить число своих сторонников. Практическое воплощение этой задачи нашло отражение в создании в качестве альтернативы Всероссийскому учительскому союзу новой профессиональной организации – Союз учителей-интернационалистов, которая ставила своей целью поддержку начинаний советской власти в области народного образования¹⁴⁸.

Члены этой организации использовались новой властью в решении вопросов школьного строительства. Понимая всю важность взаимодействия с учительской массой на местах, большевики усиливали печатную и устную пропаганду среди учительского сообщества, а также инициировали повсеместно проведение учительских съездов¹⁴⁹. В результате этой работы по убеждению В.И. Ленина «учительская армия» должна была стать главной силой социалистического просвещения, с тем, чтобы «связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества»¹⁵⁰.

В рамках решения поставленной В.И. Лениным задачи Наркомпрос в 1919 г. декларировал необходимость сблизить преподавателей с трудовой школой, сельскохозяйственной коммуной, трудовыми школами при промышленных предприятиях. Такое сближение должно было обеспечить перевоспитание дореволюционного учительства, его адаптацию в новом

¹⁴⁷ Голуб Ю.Г., Поздняков А.Н. Указ. соч. С. 32.

¹⁴⁸ Противостояние Всероссийского учительского союза и большевистской власти в конечном итоге завершилось роспуском ВСУа, который был обвинен в контрреволюционной деятельности (ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 28. Л. 3).

¹⁴⁹ Голуб Ю.Г., Поздняков А.Н. Указ. соч. С. 33.

¹⁵⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1962. С. 420.

социалистическом обществе¹⁵¹.

Новая власть действовала по отношению к учителям не только методами убеждения и пропаганды. В июле 1919 г. был опубликован Приказ комиссара народного просвещения Северо-Кавказской советской республики о реформе в школе в котором особо отмечалось «Все члены учительского общества ... которые будут препятствовать проводить в жизнь указанные положения, подлежат немедленному увольнению, а если будут замедления со стороны советов народного образования, то таковые будут преданы военно-революционному суду...»¹⁵².

Для выявления и недопущения к преподаванию политически чуждых педагогов в 1922 г. Главсоцвос (управление Наркомпроса) подготовил специальные рекомендации по анкетированию претендентов на вакансию учителя. В стране при районных отделах образования создавались специальные комиссии для рассмотрения заполненных анкет и принятия окончательного решения. В результате работы комиссий примерно 2/3 претендентов отсеивались уже на стадии сбора анкетных данных¹⁵³.

Все претенденты на должность учителя народной школы делились на три категории. К первой относились учителя с идеологическими установками и образованием, соответствовавшим требованиям новой власти, ко второй те, кто нуждался в «идеологическом перевоспитании» и к третьей были отнесены педагоги, которые по своим политическим убеждениям не подходили для работы в народном образовании и должны были быть отстранены от возможности работы в советской трудовой школе. Наиболее крупной явилась вторая группа «старого учительства». Дополнительной сложностью при реализации кадровой политики большевиков на территории Кубани являлось крайняя малочисленность светски образованного «старого» учительства среди горского населения области.

¹⁵¹ ГАРФ Ф. 5462 Оп. 1 Д. 42 Л. 4.

¹⁵² Культурное строительство на Кубани тысяча девятьсот восемнадцатый - 1941 гг.: / Под редакцией И.Я. Куценко. Краснодар, 1978. С. 33.

¹⁵³ ГАРФ Ф. А-1575 Оп. 1 Д. 159 Л. 116.

Большие финансовые трудности молодой советской власти, острая нехватка учительских кадров и их в целом низкая квалификация потребовали от новой власти поиска компромиссов и создания переходных форм отбора и подготовки педагогов для работы в школе. В этой связи наряду с увеличением числа учебных заведений, осуществлявших подготовку новых учителей, власти прибегали к компромиссным мерам, носившим временный характер и обеспечивавшим ускоренную подготовку педагогических кадров. В результате был заимствован дореволюционный опыт ускоренной подготовки и переподготовки учителей через организацию краткосрочных учительских курсов. Практика повсеместного создания учительских курсов позволила «мобильно, в короткое время решить неотложную задачу переподготовки и повышения квалификации учительских кадров для работы в условиях советской школы»¹⁵⁴.

Большевики существенно изменили форму и содержание курсовой подготовки учительства. Ее главные задачи состояли в борьбе с учительской аполитичностью и ознакомление с нововведениями в деле организации работы единой трудовой школы. В процессе организации учительских курсов власти стремились максимально привлечь как можно больше сельских учителей с низким уровнем образования.

К организации работы учительских курсов власти пытались привлечь «демократические силы преподавателей высших школ и педагогических учебных заведения»¹⁵⁵. По данным статистики Народного комиссариата просвещения за период с 1917-1922 гг. половина всех действующих учителей прошли переподготовку в системе педагогических курсов¹⁵⁶.

Массовая курсовая переподготовка учителей началась в 1923 г. В целях повышения качества курсовой подготовки и переподготовки учителей в 1923

¹⁵⁴ Ялозина Е.А. Подготовка кадров советских учителей в 1920-130-х годах: организационно-методические поиски и проблемы // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 66.

¹⁵⁵ Основные принципы единой трудовой школы (От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г.) // Народное образование. 1999. № 10. С. 47.

¹⁵⁶ Кибис Е.М. Мероприятия коммунистической партии по перевоспитанию учительских кадров старой формации (1921-1925 гг.) // Народное образование в Красноярском крае за годы Советской власти. Красноярск, 1970. С. 154.

г. Наркомпрос принял Постановление о создании местных методических бюро, на которые возлагалась задача разработки программно-методических вопросов курсов, обобщение педагогического опыта, а также осуществление работы по повышению квалификации работников просвещения¹⁵⁷. По имеющимся официальным данным, всего в 1923 г. переподготовку через губернские и уездные курсы прошло около 32 % работников просвещения¹⁵⁸.

Помимо курсов для преподавателей на постоянной основе функционировали курсы по подготовке пионервожатых и воспитателей для дошкольных учреждений¹⁵⁹. Данные специалисты должны были взять на себя ряд вспомогательных функций в школьной работе.

На курсах слушатели изучали чтение, письмо, счет, а также предметы гуманитарного цикла. В программу курсов входили трудовое воспитание и физкультура. Исходя из перечня изучаемых предметов, можно сделать вывод о крайне низком первоначальном уровне грамотности курсантов.

На основе первого опыта проведения курсовой подготовки организаторы курсов пытались применять новые для своего времени формы и методы обучения – студийные, индивидуальные, различные виды исследовательского метода. Для закрепления пройденного материала использовались экскурсии на предприятия и в школы¹⁶⁰.

Помимо, поднятия общеобразовательного и общекультурного уровня необходимо было вести идеологическую «перековку» будущих педагогов. Особо остро эта проблема ощущалась в среде сельских учителей. Так, северокавказский крайком ВКП(б) рекомендовал «усилить политико-воспитательную работу организации РКСМ в духе интернационального, революционно - классового воспитания горской молодежи»¹⁶¹.

Следует отметить, что в программе обучения педагогических курсов

¹⁵⁷ Ялозина Е.А. Указ. соч. С. 67.

¹⁵⁸ Сведения о количестве работников, прошедших центральные, губернские и уездные курсы в 1923 году // Народное просвещение. 1924. № 3. С. 9-11.

¹⁵⁹ Гудиева Л.Х-У., Мартазанов А.М. Подготовка учителей для школ Ингушетии в 1920-1930-х гг. // Педагогика. 2007. № 5. С. 87.

¹⁶⁰ Ялозина Е.А. Указ. соч. С. 68.

¹⁶¹ Вагина В.Ф. Указ. соч. С. 34.

больше половины учебных часов отводилось вопросам коммунистической идеологии. Так на курсах программа обучения, которых была рассчитана на 240 часов, вопросам политического воспитания отводилось 160 учебных часов. Среди дисциплин, преподаваемых на курсах, были: «От капитализма к коммунизму», «Церковь и школа», «История революции России», «Программа партии, ее организация и структура»¹⁶². Начиная с 1923 г. программы всех педагогических курсов, включали в себя блок дисциплин, освещающих вопросы политической грамотности. По окончании курсов осуществлялась коллективная аттестация слушателей, им выдавались характеристики. Часто курсы завершались общей конференцией, подводившей итоги работы.

Курсы получали значительную материальную поддержку со стороны государства. Только за 1924-1925 гг. на них было затрачено 701 тысяча рублей и предоставлена учебная литература еще на 171 тысячу¹⁶³.

Непосредственно на территории Кубанской области массовое функционирование педагогических курсов началось по окончании гражданской войны. В Краснодаре педагогические курсы были открыты в 1921 г., их первыми слушателями стали учителя Адыгеи¹⁶⁴. Важная роль учительских курсов для национальных регионов была подчеркнута на X партийном съезде РКП(б), где в частности была отмечена важность открытия «... курсов ... с обучением на родном языке ... для ускоренной подготовки ... квалифицированных кадров...»¹⁶⁵.

В целом система курсовой подготовки в 1920-е гг. имела издержки, не была достаточно результативной. Особую озабоченность вызывало качество работы районных курсов, которое в ряде случаев признавалось неудовлетворительным. Причиной тому была целая совокупность проблем:

¹⁶² Колокольникова З.У. Государственная политика по переподготовке учительских кадров старой формации (1921-1925 гг.) // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-2. С. 156.

¹⁶³ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. 1917-1973 гг.: сб. документов. М., 1974 С. 158.

¹⁶⁴ Гудиева Л.Х-У., Мартазанов А.М. Подготовка учителей для школ Ингушетии в 1920-1930-х гг. // Педагогика. 2007. № 5. С. 87.

¹⁶⁵ Вагина В.Ф. Указ. соч. С.38.

отсутствие профессионализма у организаторов курсов, низкий уровень профессиональной подготовки и консерватизм учителей, недостаточность финансирования.

В частности, Адыгейский Облоно отметив крайне низкий уровень курсовой подготовки учителей, указывал, что в программе курсов отсутствовали такие важные для реализации педагогической деятельности дисциплины как педагогика и методика¹⁶⁶. В основной своей массе выпускники курсов не приобретали в процессе обучения системных знаний даже в объеме программы школы первой ступени¹⁶⁷.

Наряду с курсами профессиональной подготовки уже с 1918 г. стала применяться практика научной командировки учителей в высшие учебные заведения для усовершенствования как в педагогических, так и общеобразовательных дисциплинах¹⁶⁸. Однако она, в сравнении с педагогическими курсами не имела широкого распространения.

Принимаемые меры позволили значительно расширить сеть школьных учреждений и количественный состав преподавателей. Согласно Докладу о состоянии школьного дела в Кубанском округе от 4 ноября 1925 г. в округе функционировало 600 школ 1 ступени с 78471 учащимися, в городе 33 (из них 3 для Северокавказских народов) с 8086 учениками. Школ 2 ступени 45 в округе с 9530 учащимися, а в городе 20 (3 для Северокавказских народов) с 9280 учащимися. Итого в Кубанском округе насчитывалось 105376 учеников и 2869 учителей. По происхождению 62 % учителей из крестьянства, 20 % из трудовой интеллигенции, 18 % прочие. Благодаря их работе в городе на 1000 человек неграмотных приходилось около 180, а в сельской местности 466 человек, что в разы превосходит дореволюционный уровень¹⁶⁹.

Несмотря на предпринимаемые шаги, по подготовке учительских

¹⁶⁶ Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. - начала 30-х гг. XX в. С. 262-263.

¹⁶⁷ Просвещение национальностей. М., 1931. № 1. С. 48.

¹⁶⁸ Основные принципы единой трудовой школы (От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г.) // Народное образование. 1999. № 10. С. 47.

¹⁶⁹ Культурное строительство на Кубани, 1918-1941 гг. / Научный редактор И.Я. Куценко. Краснодар, 1978. С. 94-95.

кадров, быстрого решения проблема нехватки педагогов в школах Кубани не имела. Зачастую на должность учителя принимали человека не только без специального, но даже без начального образования. Так в Адыго-Черкесской автономной области в середине 20-х гг. XX в. из 152 педагогов более 80 имели начальный уровень образования, а 34 учителя не закончили даже начальной школы¹⁷⁰.

В результате профессиональной переподготовки и комплексного воздействия государственной идеологии учителя, получившие образование в дореволюционный период, постепенно стали сближаться в своих идеологических установках с новой властью. Это стало возможным под воздействием государственной политической пропаганды.

В рамках решения поставленной В.И. Лениным задачи Наркомпрос в 1919 г. декларировал необходимость сблизить преподавателей с трудовой школой, сельскохозяйственной коммуной, трудовыми школами при промышленных предприятиях. Такое сближение должно было обеспечить перевоспитание дореволюционного учительства, его адаптацию в новом социалистическом обществе¹⁷¹.

Новая власть действовала по отношению к учителям не только методами убеждения и пропаганды. В июле 1919 г. был опубликован Приказ комиссара народного просвещения Северо-Кавказской советской республики о реформе в школе, в котором особо отмечалось «Все члены учительского общества ..., которые будут препятствовать проводить в жизнь указанные положения, подлежат немедленному увольнению, а если будут замедления со стороны советов народного образования, то таковые будут преданы военно-революционному суду...»¹⁷².

Для выявления и недопущения к преподаванию политически чуждых педагогов в 1922 г. Главсоцвос (управление Наркомпроса) подготовил

¹⁷⁰ Сабанчиева В.С. Становление советской системы подготовки учителей в Кабардино-Балкарии // Педагогика. 2009. № 6. С. 106.

¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 5462 Оп. 1 Д. 42. Л. 4.

¹⁷² Культурное строительство на Кубани, 1918-1941 гг. / Научный редактор И.Я. Куценко. Краснодар, 1978, С. 94-95.

специальные рекомендации по анкетированию претендентов на вакансию учителя. В стране при районных отделах образования создавались специальные комиссии для рассмотрения заполненных анкет и принятия окончательного решения. В результате работы комиссий примерно 2/3 претендентов отсеивались уже на стадии сбора анкетных данных¹⁷³.

Все претенденты на должность учителя народной школы делились на три категории. К первой относились те, кто соответствовал требованиям новой власти, ко второй те, кто нуждался в перевоспитании и к третьей были отнесены педагоги, которые по своим политическим убеждениям не подходили для работы в народном образовании. Наиболее крупной явилась вторая группа «старого учительства». Дополнительной сложностью при реализации кадровой политики большевиков на территории Кубани являлось крайняя малочисленность светски образованного «старого» учительства среди горского населения области.

Говоря о политике и практике большевиков по привлечению к работе в советской трудовой школе педагогических кадров, доставшихся от прежнего режима, важно отметить, что она была непоследовательной и противоречивой. С одной стороны, осознавая острую нехватку педагогических кадров, большевики предпринимали усилия по их переподготовке и «перевоспитанию» с целью широкого привлечения к работе в трудовой школе, с другой, устанавливали ограничения, препятствовавшие достижению этой цели.

При создании единой трудовой школы большевики исходили из того, что она должна строиться на демократических принципах, подразумевая под этим выборность преподавательских и административных должностей. Требования к кандидатам и процедура выборов нашли свое отражение в Положении «О выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей» от 27 февраля 1918 г. Претенденты избирались на должность советами депутатов или советами народного образования.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. А-1575. Оп. 1 Д. 159 Л. 116.

Кандидаты должны были предоставить диплом об образовании, партийную рекомендацию, сведения о ранее занимаемых преподавательских должностях, обозначить свои политические взгляды. В том случае, когда лицо, претендующее на должность было пролетарского происхождения, то отсутствие диплома или звания не являлось поводом для отказа. Лица, которые не прошли выборы на предмет классового происхождения или политических убеждений, отстранялись от работы в учебных заведениях¹⁷⁴.

В развитие Положения 17 июля 1918 г. были разработаны рекомендации «О выборах на учебные и учебно-административные должности в школах», в которых отмечалась необходимость демократизировать доступ в учебные заведения преподавательских кадров, выявить из их среды наиболее способных и обладающих популярностью среди населения¹⁷⁵. В дальнейшем классовая риторика становилась еще более оформленной. В постановлении Народного комиссариата просвещения РСФСР от 16 сентября 1919 г. «О выборах на педагогические должности в учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждениях» прямо рекомендовалось «...освободить от всех элементов, враждебных Советской власти и привлечь в ряды школьных работников лиц, которым был закрыт доступ в школу при старом режиме и новые кадры работников просвещения из пролетариата...»¹⁷⁶.

Таким образом, даже в условиях переходного периода нормативные акты советской власти, регулировавшие работу новой трудовой школы, основывались на отборе педагогических и административно-педагогических должностей на основе нереализуемого в условиях социокультурной и политической действительности классового подхода. В этой связи на практике приходилось учитывать объективную реальность и идти на широкое сотрудничество с научно-педагогической общественностью.

Возможности реализации классового подхода к комплектованию

¹⁷⁴ Газета рабочего и крестьянского правительства. 1918. 2 марта.

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 8. Л. 168-169.

¹⁷⁶ Известия ВЦИК. 1919. 16 сентября.

педагогического кадрового состава существенным образом изменились к концу 1920-х гг. К этому времени советской власти удалось подготовить первое поколение нового советского учительства, что совпало с изменениями в общественной жизни страны, которая все более стала пропитываться политикой. В новых общественно-политических реалиях старое учительство, как интеллигенция в целом, стали восприниматься как политически неблагонадежные. По мнению большевиков, интеллигенция «гораздо медленнее и меньше, чем нужно, вовлекалась в социалистическое переустройство». Озабоченность властей вызывала «медленность выделения из всей массы интеллигенции того актива, который, усваивая политику партии, целиком и полностью поддерживает ее мероприятия, энергично участвует в их проведении»¹⁷⁷. В результате старое учительство стало масштабно вытесняться из сферы образования. Кадровый состав школ был практически полностью обновлен. В школу пришли новые кадры, пролетарского происхождения, не имевшие дореволюционного опыта работы.

При рассмотрении политики советской власти в отношении педагогических кадров следует отдельно остановиться на финансовых аспектах оплаты труда учителей, значительным образом отражавшихся на результативности усилий властей. Не смотря на предпринимаемые властями усилия по популяризации педагогического образования и профессии учителя, они не имели желаемого результата. Более того, на протяжении 1920-х – первой половины 1930-х гг. происходил отток учителей из советской трудовой школы. Одной из его основных причин являлся низкий уровень заработной платы учителей советской трудовой школы, который был значительно ниже дореволюционного. По оценкам специалистов его снижение произошло в 2.5 раза¹⁷⁸.

Наркомат просвещения и региональные отделы народного образования понимали глубину данной проблемы и предпринимали попытки по

¹⁷⁷ Мещеряков В. Проблема советской интеллигенции // Революция и культура. 1928. № 23-24. С. 36.

¹⁷⁸ Добренков В.И. Социальные институты и процессы. М., Т. 3. Гл. 6. С. 45.: <http://www.lib.socio.msu.ru>. (дата обращения 05.01.2025).

повышению уровня материально-бытовых условий учителей советской трудовой школы. Учитывая сложную финансово-экономическую ситуацию в кубано-Черноморской области в начале 1920-х гг. широко использовалась практика отведения для школьных работников, вспаханных и засеянных земельных участков. Чтобы сделать материальное обеспечение школьных работников более устойчивым в Кубано-Черноморской области в начале 1920-х гг. к нему привлекалось все население через самообложение. В результате были установлены нормы продовольственного месячного пайка для школьных работников. В станичных школах Кубано-Черноморской области в 1921-1922 гг. для учителей они составляли 10 пудов пшеницы хорошего качества, а для заведующих школами 12 пудов. В некоторых станицах и селах вместо зерна выдавалась мука. Учитывая бедность адыгейского населения области по сравнению с казачьим, норма продовольственного пайка для учителей аульских школ составляла 7 пудов пшеницы хорошего качества, а для заведующих школами 9 пудов¹⁷⁹. Меры продовольственной поддержки учителей, конечно, были недостаточными, но все же позволили отчасти сохранить за Кубано-Черноморским и Адыгейским областным отделом народного образования значительный контингент учителей.

По мере восстановления экономики стала повышаться заработная плата учителей¹⁸⁰. Согласно официальной статистике, рост заработной платы педагогов по отношению к 1924/25 учебному году составил: 34 % в 1926/27 г., 80 % - 1928/29 г, 200 % - 1930 г¹⁸¹.

Существенных сдвигов в решении проблемы повышения материального благосостояния учителей удалось добиться только в годы второй пятилетки на фоне значительного экономического роста. Согласно официальной статистике, в период второй пятилетки (1934-37 гг.) расходы на культурное

¹⁷⁹ Культурное строительство в Адыгее. 1922-1937 гг.: сб. документов и материалов. Майкоп, 1958. С. 55.

¹⁸⁰ В диссертации приводится рост зарплаты в абсолютных числах без учета покупательной способности, т. к. последнее является темой отдельного исследования.

¹⁸¹ Важнейшие вехи на пути дальнейшего подъема «культурного строительства» // Молот. 1933. 10 ноября.

строительство увеличились в 4 раза по сравнению с первой¹⁸². На заседаниях Народного комиссариата просвещения регулярно обсуждались вопросы оплаты труда учителей, снабжения их необходимыми материальными ресурсами, в том числе топливом, сельскохозяйственными и промышленными товарами. К решению данных вопросов привлекались центральные и местные органы власти; они регулярно выносились на обсуждение общественности и широко освещались в прессе.

В результате материальное обеспечение педагогических учебных заведений улучшалось на протяжении всей второй половины 1930-х гг. В этом плане показательными являются данные о заработной плате учителей, отраженные в отчетном докладе Армавирского Горкома ВКП (б). Согласно ему заработная плата учителя младшего звена (1-4 классы) в 1934 г. составляла 95 рублей, к 1937 г. она возросла до 273 рублей. В школах второй ступени в 1937 г. заработок учителя равнялся 400 рублям¹⁸³.

Серьезным стимулом, обеспечивавшим популяризацию труда школьных работников стало Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 9 апреля 1936 г. в соответствии с которым зарплата учителям, повышалась на 10–25 % в зависимости от квалификации, стажа и места работы. Данная мера позволила только в 1936 г. вернуть в школы РСФСР 13 тысяч уволившихся ранее учителей¹⁸⁴.

Большую проблему составляла несвоевременная выплата заработной платы учителям с которой пытались бороться центральные и региональные органы власти. В 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О мероприятиях, предотвращающих образование задолженности по зарплате учителям». Наряду с другими мерами оно предполагало привлечение к уголовной ответственности руководителей районных отделов образования за

¹⁸² Наш край: Документы по истории Донской области. Из истории советского Дона. Документы. 1917-1965. Т. 2. / сост. Н.И. Мастерова. Ростов-на-Дону, 1968. С. 314.

¹⁸³ Культурное строительство на Кубани, 1918-1941 гг. / Научный редактор И.Я. Куценко. Краснодар, 1978. С. 165.

¹⁸⁴ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69 Д. 2225. Л. 17, 57.

задержку заработной платы учителям¹⁸⁵.

Однако данная проблема не имела быстрого решения. Задержки выплаты заработной платы усугубилась в 1936 г. В результате начиная с 1937 г., не применявшаяся ранее мера уголовной ответственности, начала входить в судебную практику. Реальные сроки заключения получили сразу ряд заведующих РайОНО, в том числе заведующих Кореновского района¹⁸⁶.

Материальное обеспечение педагогических работников значительно улучшилось к 1940 г. в сравнении 1930 г. Однако недостаток финансирования все равно сохранялся. Только по средне - специальным учебным заведениям в первом квартале 1940 г. дефицит финансирования составил 32200 рублей¹⁸⁷.

Исследование политики советской власти в отношении педагогических кадров позволяет говорить о ее тесной связи с постановкой и реализацией задачи создания в Советской России единой трудовой школы и введения всеобщего начального образования. На протяжении 1917-1920-х гг. она претерпевала серьезные изменения, происходившие под влиянием менявшихся социально-политических, экономических обстоятельств, а также изменения кадровой ситуации в сфере образования и общим ростом образовательного уровня населения. При этом в ней четко обозначились два направления: массовая подготовка учителей-социалистов и привлечение к работе в единой трудовой школе «старого» учительства. Если первое направление являлось абсолютно приоритетным для большевиков, то второе носило характер временного, вынужденного компромисса.

Значимость задачи создания нового советского учительства, способного стать надежным проводником социалистических идеалов в обществе определила сосредоточенность советской власти на реформировании системы педагогического образования. Ее концепция находилась в динамическом развитии и претерпевала изменения на всем протяжении конца 1910-х – 1920-

¹⁸⁵ Вопросы народного образования в курсе истории КПСС: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. А. И. Беляева. М., 1985. С. 57.

¹⁸⁶ Там же. С. 57-58.

¹⁸⁷ ЦДНИК. Ф. 1774-А. Оп. 1. Д. 1314. Л. 34.

х гг., которые были связаны как с отсутствием четкого видения механизмов функционирования педагогического образования в новых общественно-политических и социально-экономических условиях, так различием подходов в руководстве Наркомпраса и педагогическом сообществе в целом. Несмотря на комплекс существовавших проблем, советской власти к концу 20-х гг. XX в. удалось сформировать единую систему педагогического образования. Она включала высшее и среднее профессиональное образование, очное и заочное обучение, а также масштабную переподготовку педагогических кадров.

Ключевое значение в процессе подготовки педагогических кадров советская власть отводила ее социальному происхождению. Принципиальное значение имело не только формирование необходимого количества квалифицированных педагогических кадров, но и убежденных сторонников советской власти и проводников ее идеологии. В связи с отсутствием среди классово близких советской власти слоев населения подготовленного контингента для обучения в педагогических вузах и техникумах широкое распространение получила практика создания подготовительных отделений и рабочих факультетов, которые изначально формировались как сугубо классовые образовательные структуры. Наряду с подготовкой «новых» учительских кадров большое внимание уделялось переподготовке «старых», которые советская власть в условиях кадрового «голода» была вынуждена широко привлекать в начале 1920-х гг. к работе в школе. В этой связи была организована масштабная работа по их переподготовке, прежде всего идеологической через систему педагогических курсов. Однако по мере подготовки новых педагогических кадров в конце 1920-х гг. началось вытеснение «старого учительства» и замена его на новое «пролетарское».

1.3. Организация профессионально ориентированных учебных заведений

Необходимым условием реализации стоявших перед советской властью задач в области образования являлось создание и развитие сети профессионально ориентированных учебных заведений. К моменту установления советской власти в Кубано-Черноморской области в марте 1920 г. педагогическое образование находилось в процессе реформирования, советская власть находилась в состоянии поиска оптимальных форм организации педагогического образования. Его промежуточным результатом было складывание к началу 20-х гг. XX вв. структуры профессионального образования, включавшей в себя высшие учебные заведения, в качестве которых выступали институты народного образования и педагогические факультеты в высших учебных заведениях, а также средние учебные заведения, которые были представлены педтехникумами. Данная структура определила, первоначально, общую направленность регионального процесса организации профессионально ориентированных учебных заведений.

Важнейшим звеном в системе педагогического образования являлась подготовка педагогических кадров высшей квалификации. Его истоки на Кубани были связаны с образованием первого университета. Летом 1920 г. при Кубано-Черноморском отделе образования была создана специальная комиссия, которая приняла решение о создании университета на Кубани. Данное решение было оформлено специальным постановлением от 3 июня 1920 г.¹⁸⁸. Оно получило одобрение народного комиссариата просвещения РСФСР. Для организации университета Областной революционный комитет выделил 20 миллионный аванс будущему вузу. Уже 5 сентября 1920 г. в Екатеринодаре был открыт Кубанский государственный университет

¹⁸⁸ Недосекин В. Кубанский университет: годы и люди Великая Отечественная война. Время тяжелых испытаний // По заветам Ленина. 1984. № 36. С. 6.

Народного Комиссариата просвещения РСФСР¹⁸⁹. Обучение началось в условиях нехватки учебных аудиторий, оборудования, учебной литературы¹⁹⁰. Коснулся вуза и голод начала 20-х гг.¹⁹¹. 10 сентября 1921 г. университет был реорганизован. Причинами реорганизации были разруха и нехватка материального снабжения. На базе университета были созданы: Кубанский институт народного образования Народного Комиссариата просвещения РСФСР (с 1923 г. Кубанский высший педагогический институт) и медицинский институт.

Как и многие первые педагогические учебные заведения Кубанский институт народного образования получил свою начальную материальную базу от предшествовавших ему учительского института, мужской учительской семинарии и женской учительской семинарии¹⁹². В первые годы существования советской власти его преподавательский состав формировался из среды дореволюционной профессуры и учительства.

Вуз располагался в здании бывшего начального училища. В 1921 г. институту было передано здание бывшей женской гимназии¹⁹³. Рабфак института был объединен с рабфаком политехнического института под общим названием Кубанский государственный рабочий факультет имени В.И. Ленина.

¹⁸⁹ Исполнение обязанностей ректора было возложено на выпускника Киевского университета профессора А.В. Багрий. В декабре 1920 г., по итогам выборов, ректором университета стал профессор Н.А. Маркс. В первом учебном году было принято 1917 студентов, кроме того 500 человек были зачислены на рабочий факультет. На медицинский факультет было принято 424 чел., естественный факультет 843 чел. и социально-исторический 650 чел., из них 100 чел. зачислены на 2 курс (Куценко И.Я. Первые шаги высшей школы в Краснодаре // Краснодару 200 лет: Тезисы краевой научно-практ. конф. Краснодар, 1993. С. 49-50; ГАКК Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 923. Л. 66).

¹⁹⁰ Для решения проблемы нехватки учебных книг А.В. Багрий, назначенный заведующим библиотекой, попросил содействия в формировании книжного фонда у руководителей высших учебных заведений страны. Благодаря этому обращению университет получил собрания книг из университетов Ростова-на-Дону, Харькова, Тифлиса (ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 877. Л. 2, 6).

¹⁹¹ Продовольственными пайками были обеспечены только рабфак и медицинский факультет. Ряд профессор получали вместо стандартного, академический продуктовый набор. Руководство университета пыталось своими силами решать проблему острого дефицита продуктов питания, топлива, хозяйственного инвентаря и т. д. Студенты командировались на заготовку дров, участвовали в работе мастерских, организации мест общественного питания. Ряду «успевающих» в учебе студентов выплачивалась стипендия. Несмотря на все усилия по причине голода на конец 1921 г. количество студентов сократилось на 265 человек (ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 877. Л. 2, 6; ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 977. Л. 32 об.).

¹⁹² ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 456. Л. 321; Хрестоматия по истории Кубани (1917-1967 гг.): Документы и материалы. Часть 2. Краснодар, 1982. С. 101-102.

¹⁹³ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 977. Л. 11.

В числе первых высших педагогических учебных заведений был и Майкопский институт народного образования Наркомата просвещения РСФСР, созданный 1 сентября 1920 г. на базе Майкопского учительского института.

Образовательная программа первых высших педагогических учебных заведений, функционировавших в формате институтов народного образования, включала основные педагогические дисциплины, дисциплины профильного содержания по школьным предметам, а также методики обучения по практико-ориентированным началам.

К одной из региональных особенностей становления педагогического образования Кубани следует отнести относительно благоприятные в сравнении с другими регионами страны кадровые условия. В период Гражданской войны на Кубани происходило скопление профессиональных профессорско-педагогических кадров. Значительная часть преподавателей и ученых приезжали на юг от «ужасов войны», голода, с целью дальнейшей эмиграции. Данная категория граждан во многом способствовала созданию первых вузов Кубани. В частности, в сентябре 1917 г. из-за сложностей в работе столичных институтов и из-за проблем с поставками продовольствия в столице, в Екатеринодар выехал крупнейший русский физик, ученый, педагог и изобретатель Б.Л. Розинг, ставший одним из основателей и первым ректором Северо-Кавказского политехнического института¹⁹⁴. В этом же году в Екатеринодар прибыл крупный русский математик и преподаватель Н.А. Шапошников, который возглавил в политехническом институте кафедру математики. В 1919 г. в Екатеринодар выехал Н.А. Маркс – историк и археолог, действительный член Московского археологического общества. В 1920 г. он был избран первым ректором Кубанского университета.

Следует отметить, что открытие вузов в начале 20-х гг. XX в. происходило в отрыве от реальных потребностей, и что особенно важно,

¹⁹⁴ В 1920 г. Б.Л. Розинг основал в Екатеринодаре физико-математическое общество, являвшееся членом Русской физической ассоциации. Общество не прерывало своей деятельности даже в тяжелых условиях голода 1922 г.

возможностей их содержания регионами страны. Так в «Краткой докладной записке о Кубано-Черноморских высших учебных заведениях», датированной 16 июня 1922 г. заведующей Кубано-Черноморским областным управлением Профтехнического образования И.Д. Котовой отмечалось, что первый год существования Советской России характеризовался массовым чисто стихийным открытием высших учебных заведений, «... по условиям революционного времени не было возможности сдержать этот стихийный поток ... достаточно взглянуть только на список вновь открытых высших учебных заведений чтобы убедиться в том, что их открытие попросту бесполезно...»¹⁹⁵. В статье «Народное образование» автор отмечал «Началось значительное сокращение ... Причины этого лежали прежде всего в отсутствии средств. Кризис достиг своей остроты в конце 1921/22 учебного года, к октябрю»¹⁹⁶.

Ликвидация высших учебных заведений в первой половине 20-х гг. было явлением общегосударственным. Только за 1922 г. был ликвидирован 41 вуз. 21 высшее учебное заведение получило статус техникума. Данные решения явились следствием экономической разрухи и перехода к политике НЭПа. Расходы на образование были снижены с 10 % в 1921 г., до 3 % в 1922 г.¹⁹⁷. В связи с кадровым и финансовым голодом плановая комиссия отдела педагогического образования прибегла к сокращению до минимума числа педвузов¹⁹⁸.

В сложных социально-экономических условиях и ограниченного бюджетного финансирования власти пытались найти выход. В рамках политики НЭПа большинство институтов были переведены на местное бюджетирование. Согласно директивы Главпрофобра 25 % студентов должны были оплачивать свое обучение. В этой связи следует отметить, что к 1923 г. только около 10 % студентов Кубанского пединститута обучались на платной

¹⁹⁵ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 977. Л. 9 об.

¹⁹⁶ Народное образование за пять лет // Молот. 1925. 6 января.

¹⁹⁷ Астраханскому государственному педагогическому университету 70 лет // Научное издание. Астрахань, 2002. С. 21.

¹⁹⁸ Войтеховская М.П. Томский учительский институт: возвращенная история 1902-1920 годы // Томский государственный педагогический университет. Томск, 2002. С. 138.

основе. Данные цифры были минимальными среди вузов Кубани. Например, в мединституте плата, взималась с 74 % студентов. Стоимость обучения составляла 50 р. для младших и 100 р. для старших курсов¹⁹⁹. Однако введение платы за обучение не решало проблемы финансирования педагогического института. Преподавательскому составу не выплачивалась заработная плата по несколько месяцев, студенты не получали стипендию, которая зачастую являлась единственным средством к существованию.

В русле сложившейся негативной тенденции отсутствия возможности со стороны государства финансировать высшие педагогические учебные заведения Майкопский институт Наркомата просвещения РСФСР, был упразднен в марте 1922 г. На его материально-технической базе в последующем был открыт Майкопский педагогический техникум²⁰⁰.

Проблемы с финансированием образования приобрели в начале 1920-х гг. масштабный характер. На территории Кубано-Черноморской области закрывались школы 1 и 2 ступени, а также различные курсы. В 1922 г. в станице Славянской были ликвидированы 2-х годовичные педагогические курсы²⁰¹. В письме, направленном заведующему курсами, прямо указывается единственная причина принятия такого решения – «ввиду ограниченности средств, отпущенных государством на содержание педагогических учебных заведений области»²⁰².

Вследствие финансовых трудностей и перевода вузов на местное финансирование к 1923 г. в Кубано-Черноморской области прекратили свою деятельность 5 высших учебных заведений из 8 открытых. Поднимался вопрос и о закрытии Кубанского института народного образования, однако в виду острой нехватки учителей в станичных школах институт был сохранен²⁰³.

¹⁹⁹ ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 996. Л. 78, 128.

²⁰⁰ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 977. Л. 10.

²⁰¹ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1097. Л. 94.

²⁰² Там же. Л. 94-95.

²⁰³ Для рассмотрения существующих проблем вузов страны и поиска путей их решения в Москве с 3 по 5 июля 1923 г. прошло Всероссийское ректорское совещание с участием 84 руководителей вузов страны на котором обсуждалось тяжелое материальное положение вузов на всей территории РСФСР (Культурная

Согласно Отчету о состоянии и деятельности Кубанского государственного педагогического института на 1 января 1923 г. в жизни вуза произошло судьбоносное изменение: институт «был переведен в разряд государственных учебных заведений, в числе 13 других педагогических институтов»²⁰⁴. С получением государственного финансирования в жизни вуза стали происходить положительные сдвиги: налаживается снабжение продовольствием, регулярно выплачивается заработная плата сотрудникам, вуз получил необходимые топливные и энергетические ресурсы.

В том же 1923 г. Кубанский институт народного образования был преобразован в Кубанский государственный высший педагогический институт. Значительно укрепилась материальная база вуза. ВУЗ располагал специализированными кабинетами и лабораториями: биологической, психологической, химической, анатомо-физиологическая. На постоянной основе функционировали студии графического искусства и музыкально-хорового. В свободное от занятий время студенты могли посещать следующие кружки: биолого-географический, физико-математический, историко-литературный, украинский «Кобзарь» и «Союз поэтов»²⁰⁵. Практические педагогические навыки будущие учителя получали в экспериментальной детской школе и детском саду. В период обучения со студентами старших курсов проводились массовые экскурсии к местам нефтяных и геологических промыслов. Профессора А.Ф. Бенкин, Г.Г. Григор, П.И. Мищенко организовали экспедицию в «Красный лес» с целью пополнения коллекций и проведения научных изысканий.

Коллектив Кубанского государственного педагогического института насчитывал 106 работников. Научно-преподавательский состав был представлен 16 профессорами, 47 преподавателями и 7 руководителями. В технической службе трудилось 30 человек, хозяйственный персонал был представлен 6 работниками. Общее количество студентов равнялось 658

жизнь в СССР: Хроника. М., 1975. С. 439).

²⁰⁴ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 977. Л. 32.

²⁰⁵ Там же. Л. 32, 34.

человекам. В 1922 г. было зачислено 256 студентов, из них на словесно-исторический факультет 71 чел., естественно-математический 77 чел., внешкольный 15 чел., педагогический 14 чел. и на подготовительное отделение 88 студентов²⁰⁶.

Подготовительное отделение было создано при вузе «с разрешения Главпрофорта с целью как можно безболезненней дать возможность прежним учащимся мужских и женских семинарий подготовиться к слушанию лекций в педагогическом институте»²⁰⁷. Следует отметить, что данная форма подготовки существовала в педагогическом институте одновременно с рабочим факультетом. В том же 1922 г., в связи с поступлением в институт всех желающих (80 % студентов подготовительного отделения были приняты в институт) из числа недоучившихся в семинариях, подготовительное отделение было упразднено.

По социальному составу в вузе на 1 января 1923 г. обучалось:

1. Казаков и крестьян – 238 чел.;
2. Служащих – 226 чел.;
3. Рабочих – 92 чел.;
4. Прочих – 102 чел²⁰⁸.

В числе успевающих студентов значилось 50 государственных стипендиатов и 10 человек получали частные стипендии. Коммунистическая ячейка института насчитывала 23 человека из них членов РКП (б) 2 человека и кандидатов в члены РКП (б) 2 человека.

Представленные данные статистики свидетельствуют о том, что в первые годы работы Кубанского педагогического института социальный состав обучающихся был достаточно разнообразным и не обнаруживал сколько-нибудь существенного преобладания среди учащихся выходцев из рабоче-крестьянской среды. Вопрос представленности «беднейшего крестьянства» в институте остается открытым ввиду объединения

²⁰⁶ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 977. Л. 32.

²⁰⁷ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 977. Л. 32 об.

²⁰⁸ Там же. Л. 33.

статистических данных по крестьянам с казаками, рассматривавшихся советской властью как привилегированное сословие.

Несмотря на в целом успешную деятельность вуза в 1923 г. был поставлен вопрос об его объединении с Северо-Кавказским педагогическим институтом, созданным на базе Горского институт народного образования²⁰⁹. Только вмешательство Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) помогло отстоять самостоятельность Кубанского педагогического института²¹⁰.

Новые проекты преобразования единственного высшего педагогического учебного заведения на Кубани в 1926 г. обсуждались на коллегии окружного отдела народного образования. В частности, была выдвинута идея образования первого кубанского университета за счет объединения педагогического, сельскохозяйственного и медицинского институтов. Она нашла поддержку членов коллегии окружного отдела народного образования, однако в последующем так и не была реализована на практике. В этой связи возможно предположить, что к середине 20-х гг. Кубанский государственный педагогический институт уже представлял собой учебную единицу с потенциалом самостоятельного развития.

Серьезные изменения в организации деятельности Кубанского государственного педагогического института были произведены в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) от 25 июля 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении», в котором в качестве одной из первоочередных задач провозглашалась задача расширения форм подготовки педагогов²¹¹. Государство направило на ее решение большие материальные и организационные ресурсы. Одним из дополнительных способов ускоренной подготовки педагогов первой ступени при педагогических институтах стали открываться учительские институты. В результате реализации данной

²⁰⁹ В Северо-Кавказском педагогическом институте только в 1925-1926 учебном году обучалось 141 горца и 16 горянок (Вагина В.Ф. Указ. соч. С. 37).

²¹⁰ РГАСПИ. Ф-65. Оп. 1. Д. 19. Л. 104.

²¹¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986) Т. 5. М., 1984. С. 186.

политики в 1933 г. Государственный педагогический институт в Краснодаре был преобразован в Краснодарский государственный педагогический и учительский институт.

Краснодарский учительский институт вел подготовку студентов на следующих отделениях: физико-математическом, русского языка и литературы, естествознания и историческом. В институт принимались лица в возрасте от 17 до 40 лет, имеющие законченное среднее образование (средняя школа, педучилище, техникум, рабфак). Без вступительных экзаменов принимались отличники средней школы и закончившие на отлично рабфак, техникум, педучилище и экстернат в прошедшем учебном году. При поступлении на очное отделение учительского института необходимо было пройти «испытания» по следующим дисциплинам:

1. Поступающим на отделение русского языка и литературы – по русскому языку, литературе, географии, истории народов СССР, Конституции СССР.
2. Физико-математическое отделение – по физике, математике, русскому языку, истории народов СССР, Конституции СССР.
3. Отделение естествознания – по химии, естествознанию, русскому языку, истории народов СССР, Конституции СССР.
4. Историческое отделение – Истории, Истории народов СССР, русскому языку, географии, Конституции СССР.

Срок обучения в Краснодарском учительском институте составлял два года. После его окончания открывалась возможность преподавания в неполной средней школе. В отличие от учительского института после окончания педагогического института дипломированные преподаватели получали право преподавать в полной средней школе, а также в техникумах и на рабфаках. После окончания учительского института преподаватели, отработавшие в школе не менее 3 лет, получали возможность поступить на 3 курс педагогического ВУЗа без вступительных экзаменов. Открытие и функционирование учительского института стало одним из средств

реализации всеобуча в 1930-1940-х гг.

В 1939 г. Краснодарский учительский институт, функционировавший при Краснодарском педагогическом институте, выпустил: учителей физики и математики 98 человек, учителей литературы (литературоведов) 133 человека и естествознания 47 человек. Всего 278 человек. Из этого выпуска осталось работать в Краснодаре больше половины молодых преподавателей (140 человек). В 1940 г. литературный факультет выпустил 128 человек, физико-математический 122 и естествоведческий 62 человека. Всего 312 человек. То есть в процентном отношении только за один год выпуск увеличился на 12,2 % или 34 человека²¹². Совокупное количество обучающихся в Краснодарском педагогическом и учительском институтах составило 959 человек.

Основным типом учебных заведений в советской системе педагогического образования в целом и региональной в частности являлись педагогические техникумы. Данный вид образовательных учреждений получил широкое распространение на территории всей страны. Педагогические техникумы позволили обеспечить массовость подготовки новых преподавателей. Их следует рассматривать как системообразующий тип педагогических учебных заведений на протяжении всего рассматриваемого периода. В основной своей массе выпускники педагогических техникумов осуществляли свою профессиональную деятельность в школах первой ступени.

Педагогические техникумы благодаря усилиям региональных властей стали открываться уже в начале 1920-х гг. Первый педагогический техникум был открыт при столице Кубано-Черноморской области в 1921 г. при Краснодарском педагогическом институте. Его работу возглавил Н. Арсеньев. Впоследствии руководство неоднократно обращало внимание властей на необходимость выделить техникуму отдельное учебное здание и здание для общежития²¹³. В письме к местным властям заведующий техникумом

²¹² ЦДНИКК. Ф. 1774-А Оп. 1. Д. 1314. Л. 34.

²¹³ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1100. Л. 50.

подчеркивает, что нерешенность данного вопроса вредит развитию педагогического образования. Ряд абитуриентов «начинают колебаться» и подают заявления в другие учебные заведения. В 1923 г. техникум располагался на первом и цокольном этаже здания бывшей женской гимназии, в остальной части здания помещалась школа²¹⁴.

3 августа 1922 г. было подписано Постановление народного комиссариата просвещения Главпрофорта «Кубанского областного управления профессионально-технического обучения» о принятии заявлений от желающих поступить в педагогический техникум Краснодара²¹⁵. Для подготовки абитуриентов при техникуме создавались две подготовительные группы. Срок обучения в техникуме составлял 4 года. В 1922 г. педагогический коллектив состоял из 13 «лекторов»²¹⁶.

Согласно Уставу, педагогический техникум готовил учителей для школ 1 ступени и дошкольных учебных заведений²¹⁷. Для «наиболее способных учащихся» предусматривались стипендии в размере 7-8 «рублей золотом». При подаче заявления было необходимо предоставить документы о возрасте (в техникум принимали с 15 – 35 лет), отношении к воинской службе, образовании. Для поступления в техникум необходимо было иметь неполное среднее образование (7 классов школы) или приравненное к нему (оконченный рабочий факультет и т.п.) Абитуриенты, принадлежавшие к «трудовому крестьянству» дополнительно предоставляли удостоверение от Волостного исполнительного комитета и отзыв о социальном положении. Все абитуриенты сдавали приемные испытания (коллоквиум). Сдавались «испытания» по русскому языку и математике (устно и письменно), алгебре (письменно), геометрии, географии и конституции (устно).

На бесплатные места зачислялись следующие категории населения: сироты, члены РКСМ, рабочие и их дети, дети педагогических работников,

²¹⁴ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1100. Л. 162.

²¹⁵ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1002. Л. 34.

²¹⁶ Там же. Л. 40.

²¹⁷ ГАКК. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

дети лиц командного состава, дети инвалидов, беднейшее крестьянство, дети заслуженных революционеров, члены профсоюзов и их дети, лица рекомендованные партийными организациями. Прочие абитуриенты зачислялись на платной основе²¹⁸.

В первые годы работы сложности Краснодарского педагогического техникума не были уникальными, их скорее можно назвать хрестоматийными. В Объяснительной записке к смете расходов на 1923/24 учебный год директор указывает на отсутствие ремонта здания, мебели, электрического освещения, оборудованных кабинетов, лабораторий водопровода, санитарно-гигиенических помещений, учебной литературы. «Обмундированием», сухими пайками и медицинской помощью были обеспечены около 40 % учащихся²¹⁹.

Возникает вопрос, каким образом функционировало учебное заведение в подобных условиях на протяжении трех лет. Можно с уверенностью предположить, что профессиональный уровень выпускников, подготовленных в данных условиях был не высоким. В тоже время, нельзя отрицать, что полученный опыт организационно-преподавательской деятельности послужил фундаментом для дальнейшего развития как средне специального педагогического образования, так и педагогического образования в целом.

Постепенно количество средне-специальных учебных заведений Кубани увеличивалось вслед за растущей потребностью в учителях. Данный процесс шел неравномерно. Зачастую открытые учебные заведения, просуществовав 1-2 года ликвидировались. Так педагогический техникум был открыт 1922 г. в станице Казанская. На подготовительный курс было набрано 24 студента и на 1 курс 16²²⁰. Техникум работал на платной основе, при этом плата взималась в натуральной форме – зерном. После одного года обучения с подготовительного курса на первый было переведено лишь 5 человек,

²¹⁸ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1100. Л. 61.

²¹⁹ Там же. Л. 162, 162 об., 163, 163 об.

²²⁰ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1130. Л. 2.

остальные студенты не смогли сдать необходимые экзамены и были оставлены на осень. Не лучше обстояло дело и с первокурсниками, на второй курс перешли только 2 студента. Педагогический коллектив Казанского техникума состоял из 4 человек. Руководитель учебного заведения «ушел в личное хозяйство и тяготится работой по техникуму»²²¹. Материально-техническая база в данном учебном заведении практически отсутствовала (не было книг, учебников, наглядных пособий и т. п.). Исходя из сложившейся ситуации, областному руководству пришлось 1 сентября 1922 г. закрыть техникум.

В 1923 г. начал работу Армавирский педагогический техникум. Первоначально он располагался в здании учительской семинарии станицы Бесскорбной. Техникуму не было выделено бюджетирование и он осуществлял свою работу на платной основе.

Коллектив состоял из 10 сотрудников²²². Семь преподавателей, включая заведующего, заведующего общежитием, делопроизводителя и уборщика помещений. Первоначально было зачислено на первый курс 55 человек. Учебный год начинался 25 октября. Учебные занятия начинались в 9 утра и состояли из 5 уроков по 50 минут с одной большой переменной (20 мин.) и остальными по 10 минут. Учитывая сельскохозяйственную направленность экономики региона в программу обучения наряду с основным перечнем дисциплин на третьем курсе был включен урок «сельское хозяйство». В техникуме большое внимание уделялось внеучебной работе, которая была направлена на идейное и профессиональное развитие учащихся. В частности, в техникуме вели работу марксистский, литературно-драматический и педагогический кружки²²³.

Из-за нехватки преподавательского состава, недостатка финансирования, плохих бытовых условий работа техникума была признана неудовлетворительной. В качестве примера, можно сказать что программа

²²¹ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1130. Л. 2, 3.

²²² Там же. Л. 35.

²²³ Там же. Л. 17 об, 27.

рассчитанная на 4 года обучения осваивалась за 3 и «не находя чем заняться на 4 курсе, этого курса не имел и выпускал учащихся прямо с 3 курса»²²⁴. В итоге было принято решение о переводе техникума в г. Армавир.

Важное значение в подготовке учительских кадров для Адыго-Черкесской автономной области имело открытие в 1925 г. в Краснодаре Адыгейского педагогического техникума²²⁵. Его основной задачей стала подготовка учителей младших классов, инструкторов просвещения и лекторов для образовательных и культурно-просветительских учреждений области. Первым руководителем Адыгейского педагогического института стал большой энтузиаст сферы просвещения Ч. Пшунелов. В виду отсутствия необходимого количества педагогических кадров, он вел в техникуме преподавание нескольких дисциплин.

Большую роль в организации деятельности Адыгейского педтехникума сыграли крупный адыгский просветитель, заведующий Адыгейским областным отделом образования С. Сиюхов и председатель Адыгейского облисполкома Ш.-Г. Хакурате.

В первый год работы в техникум в подготовительную группу было зачислено 47 человек. На третий год работы число обучающихся возросло до 97. Первый выпуск был осуществлен в 1928 г. и составил девять молодых специалистов²²⁶.

Создание Адыгейского педагогического техникума имело позитивное значение в формировании национальных педагогических кадров Адыго-Черкесской автономной области. Вместе с тем следует отметить в целом невысокий уровень подготовки выпускников национального педтехникума, что являлось общей проблемой для автономий Северного Кавказа. Данная проблема нашла отражение в Резолюции II конференции по вопросам культурного строительства народностей Северного Кавказа. В частности, в

²²⁴ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1130. Л. 2 об.

²²⁵ Культурное строительство в Адыгее (1922-1937): сборник документов и материалов / под ред. А.О. Хоретлева. Майкоп, 1958. С. 380.

²²⁶ Там же. С. 172.

ней отмечалось неудовлетворительная организация в педагогических техникумах учебно-воспитательной работы, которая связывалась с острой нехваткой квалифицированных педагогических работников и слабым материальным обеспечением²²⁷.

Несмотря на положительную динамику роста числа педагогических учебных заведений на Кубани и в Адыгее и выпуска ими молодых специалистов, их количество явно не удовлетворяло потребности развивавшейся системы образования. Так на территории Кубани и Адыгеи в 1929 г. выпуск Кубанского пединститута составил 115 человек. По итогам распределения Кубанский округ получил 17 новых педагогов, Майкопский - 11, Армавирский - 7, Адыгея - 4. Важно отметить, что прирост выпускников в педагогических техникумах проходил более быстрыми темпами, чем в педагогических институтах. Так, если Адыгейский педагогический техникум в 1925 г. выпустил 30 учителей, то десять лет спустя эта цифра выросла до 328²²⁸.

Отмечая успехи развития среднего профессионального образования на Кубани и в Адыгее в рассматриваемый период, следует привести некоторые данные статистики. В 1940 г. выпуск средних специальных педагогических учебных заведений Кубани составил 309 человек, при этом на территории края было оставлено 169 молодых специалистов. Из общего числа выпускников Краснодарское училище выпустило 67 молодых педагогов, Армавирское – 58; Кореновское – 42; Ленинградское – 48; Новороссийское – 40; Усть-Лабинское – 36; Майкопское – 18. Значительно удалось увеличить набор учащихся. План набора в средние педагогические учебные заведения Кубани на 1940-1941 учебный год составил 962 студента. Из них в Краснодарском педагогической училище выделялось 215 мест; в

²²⁷ Культурное строительство в Адыгее (1922-1937).: сборник документов и материалов. С. 86-87.

²²⁸ ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 5. Д. 20. Л. 7-8.

Армавирском – 210; Кореновском – 150; Ленинградском – 100; Усть-Лабинском – 135; Майкопском – 152 ²²⁹.

Одновременно с открытием педагогических учебных заведений различного образовательного уровня, рабочих факультетов и курсов по подготовке к поступлению в высшие учебные заведения на территории Кубани и Адыгеи регулярно организовывалась курсовая подготовка и переподготовка учителей. Данная практика получила широкое распространение на фоне острой нехватки педагогических кадров для решения текущих задач культурной революции. Они позволяли оперативно решать актуальную задачу переподготовки и повышения квалификации «старых» педагогических кадров для работы в советской единой трудовой школе. Подобная практика существовала и в дореволюционный период, однако она не являлась столь масштабной и была скорее спорадической.

Учительские курсы были ориентированы на борьбу с политической безграмотностью учителей и внедрение в практику преподавания новых учебных программ, то есть повышение уровня политической и педагогической подготовки школьных учителей. На курсы приходили не только абитуриенты, но и учителя, желавшие повысить свою квалификацию. Обучение на курсах проводилось по различным предметам, включая естественные науки, литературу и историю, что помогало создавать многопрофильные учебные заведения, способные готовить учителей «нового типа».

Как правило, учительские курсы организовывались в период летних каникул для переподготовки учителей сельских и городских школ первой ступени под идеологическим руководством региональных организаций РКП(б). Первые массовые краткосрочные курсы по подготовке и переподготовке преподавателей создавались для формирования преподавательских кадров школ ликбезов. Согласно решений 1 Всероссийского съезда по ликвидации неграмотности прошедшего в 1922 г. в

²²⁹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 1. Д. 1314. Л. 5.

каждом населенном пункте, где имелось 15 неграмотных и больше должен был функционировать свой ликпункт²³⁰. Данное решение носило скорей рекомендательный характер и не могло быть реализовано в полной мере. Так в отчете Наркомпроса за 1925 г. отмечалось, что план по организации ликпунктов выполнен только на 25 %. Согласно, данного отчета для подготовки преподавателей пунктов ликвидации неграмотности было открыто 39 краткосрочных курсов, что было явно недостаточным. Согласно архивных статистических данных, среди представителей северокавказских народов подготовку на курсах прошли только 60 человек²³¹.

Начиная с 1923 г. летние политико-методические курсы, по мнению Наркомпроса, должны были лечь в основу систематической широкомасштабной работы органов народного образования и партийных организаций по переподготовке и повышению квалификации учителей единой трудовой школы²³².

Летом 1923 г. была проведена переподготовка учителей на «Курсах для инспекторов и работников школ 1 ступени области и города Краснодар»²³³. На теоретическую часть (лекции) было выделено 264 часа, практическая часть составила 664 часа для всех подгрупп (для практических занятий слушатели разбивались на подгруппы). Занятия проводили специально приглашенные из Москвы лекторы (5 человек). Учащиеся были обеспечены книгами, учебными пособиями и канцелярскими принадлежностями. Общее число слушателей составило 302 человека из них 42 инспектора. Продолжительность занятий 45 (39 рабочих) дней с ежедневной нагрузкой 6-8 часов²³⁴. Программа обучения делилась на три части: политико-просветительскую, педагогическую и практическую.

Переподготовка учителей будет проводится на протяжении всего

²³⁰ Болтенкова Л.Ф. Интернационализм в действии. М.: Мысль, 1988. С. 151.

²³¹ Давыдов И. О проблеме языков в просветительной работе среди национальностей // Просвещение национальностей. 1929. № 1. С. 22.

²³² Ялозина Е.А. Подготовка кадров советских учителей в 1920-130-х годах: организационно-методические поиски и проблемы // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 67.

²³³ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 135. Л. 7.

²³⁴ Там же. Л. 8.

довоенного периода. 1937 г. на базе Краснодарского педагогического училища проводились 25 дневные курсы для подготовки кадровых учителей начальных школ. Образовательный ценз, требуемый для поступления на курсы – законченное среднее образование, общее или педагогическое. Курсантам предоставлялось общежитие и выплачивалась стипендия в размере 150 руб. Занятия начинались 25.07.1937 г. Успешно окончившие курсы получали направление на педагогическую работу²³⁵.

В том же 1937 г. годовичные курсы литературы и русского языка открылись при Краснодарском педагогическом и учительском институте. Чтобы быть зачисленными на курсы необходимо было представить документ об окончании десятилетней школы, рабфака или техникума, а также успешно пройти вступительный экзамен по русскому языку, математике и истории СССР. Лица, выдержавшие вступительные испытания в институты, принимаются без экзаменов, при предъявлении соответствующей справки. В период обучения выплачивалась стипендия. По окончании курсов выпускник получал право преподавать в неполной средней школе²³⁶.

Подобная практика проведения курсов по подготовке и переподготовке учительских кадров станет постоянным явлением характерным для всего советского периода. Основная цель таких занятий в 20-30-х гг. XX в. состояла в поднятии уровня педагогической, а зачастую и практической, грамотности действующих преподавателей.

Свою специфику имела практика организации и проведения краткосрочных учительских курсов в Адыго-Черкесской автономной области. В связи с острой нехваткой учителей для аульских школ в условиях масштабной борьбы с неграмотностью на организуемых в области учительских курсах в основном осуществлялась не переподготовка или повышение квалификации действующих учителей, а их подготовка²³⁷.

²³⁵ Краснодарское педагогическое училище объявляет набор // Красное знамя. 1937. 23 июля. С. 3.

²³⁶ Курсы при краснодарском педагогическом и учительском институте // Красное знамя. 1937. 27 октября. С. 4.

²³⁷ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 135. Л. 7-8.

Курсовая подготовка «нацмен-учительства» в рассматриваемый период рассматривалась особенно удобной и актуальной.

Оргбюро РКП (б) Адыго-Черкесской автономной области регулярно организовывало учительские курсы. Так летом 1924 г. были проведены четырехнедельные курсы для подготовки учительских кадров для школ области.

По своему социальному составу слушатели курсов происходили в основном из середняцкой и бедняцкой крестьянской среды. Большинство из слушателей курсов имело образование в объеме школы первой ступени²³⁸. Согласно отчета Оргбюро РКП(б) Адыгейской автономной области в работе курсов приняли участие 82 учителя из них адыгов – 41 человек. Средний возраст участников курсов составил: черкесы – 29.5 лет, русскоязычные – 34 года²³⁹. Слушатели курсов по социальному происхождению в основном были крестьянами, окончившими среднюю школу, исключение составили одна учительница дворянского происхождения с высшим образованием.

Занятия на курсах проходили отдельно для адыгов и русскоязычных по разным учебным планам из-за отсутствия книг на черкесском языке. В программы курсов было включено изучение Истории ВКП(б) и теории марксизма-ленинизма. Показательным является тот факт, что в отчете дан подробный анализ усвоения курсантами социалистической теории, в то время как о полученных профессиональных навыках отмечалось только, что «Усвоение новых методов преподавания в черкесской группе удовлетворительное, в русской хорошее»²⁴⁰.

Курсовая подготовка учителей не была способна обеспечить приемлемое качество подготовки педагогов для школ области и выступала как форма вынужденного компромисса. В их программе не было таких основополагающих для педагогических работников дисциплин как

²³⁸ Культурное строительство Адыгеи. (1922-1937 гг.): сборник документов и материалов / под ред. А.О. Хоретлева. С. 74.

²³⁹ Яхутль Ю.А. Национально-государственное строительство Адыгеи 1920-1930-е гг. С. 123.

²⁴⁰ Там же. С. 122-123.

педагогика и методика преподавания. Заведующий отделом народного образования Адыго-Черкесской автономной области был вынужден констатировать слабую теоретическую и практическую подготовку выпускников учительских курсов²⁴¹. Аналогичный вывод нашел отражение в Постановлении Пленума комитета по просвещению национальных меньшинств народного комиссариата просвещения РСФСР от 25 февраля 1933 г. В нем, в частности, была признана неудовлетворительной профессиональная подготовка учителей, окончивших краткосрочные курсы²⁴².

Несмотря на имевшиеся очевидные издержки, проводимая в стране и крае политика по привлечению к подготовке и переподготовки педагогических кадров, в целом имела положительный результат. Согласно отчетному докладу секретаря Краснодарского Крайкома ВКП (б) Л.П. Глазова на первой краевой партийной конференции посвященной вопросам образования и культуры в июне 1938 г. количество учителей Края равнялось 15830 человек. По социальному составу, учителя являлись выходцами из «рабочих и колхозников». 3334 учителя имел высшее образование и 1035 незаконченное высшее²⁴³.

Изучение вопроса организации профессионально ориентированных педагогических учебных заведений на территории Кубани и Адыгеи позволяет говорить о том, что создание первых советских педагогических учебных заведений происходило с опорой на материально-техническую базу уже существующих педагогических и просто образовательных учреждений.

В первое десятилетие существования советской власти учебным заведениям в рассматриваемом регионе пришлось столкнуться с типичными для образовательных учебных заведений страны проблемами. Среди них были недостаток финансирования, нехватка квалифицированного

²⁴¹ НАРА. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 14. Л. 19.

²⁴² Культурное строительство в РСФСР. Документы и материалы (1917-1977). Т. 2. Ч. 1. Документы и материалы 1928-1941. С. 279.

²⁴³ Культурное строительство на Кубани, 1918 г. / Научный редактор И.Я. Куценко. Краснодар, 1978 С. 165.

преподавательского состава, отсутствие бытовых условий и продовольствия. Данные трудности были известны центральным и местным властям, несмотря на это стихийное, оторванное от имеющихся возможностей создание учебных заведений продолжалось. В результате они постоянно подвергались реорганизации, переводу на местное финансирование и просто закрытию.

Несмотря на обозначенные проблемы на рубеже 20-30-х гг. XX в. в рассматриваемом регионе была заложен фундамент развития целостной советской системы педагогических учебных заведений, включающей в себя среднее и высшее педагогическое образование, предварительную до вузовскую подготовку через рабфаки и подготовительные курсы, а также послевузовскую. При этом основная нагрузка по подготовке педагогических кадров для начальной и семилетней школы ложилась на педагогические техникумы.

Определенные преимущества для развития педагогического образования на Кубани создала масштабная миграция в регион в годы Гражданской войны, вызванная бегством населения из центральных районов от ужасов войны и голода. Это привело к относительному скоплению в Кубано-Черноморской профессорско-преподавательских кадров, что благоприятно сказалось на кадровом обеспечении первых педагогических учебных заведений рассматриваемого региона.

ГЛАВА II. ПРАКТИКА МАССОВОГО СОЗДАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ-СОЦИАЛИСТОВ НА КУБАНИ И В АДЫГЕЕ В 20-30-е гг. XX в.

2.1. Пролетаризация педагогических кадров

Формирование системы подготовки педагогических кадров на Кубани и в Адыгее в начале XX в. являлось комплексной задачей, тесно связанной с социально-экономическими и культурными реалиями того периода. Ключевым аспектом этой проблемы являлись социально-политические факторы. Советская власть в лице учительства желала приобрести не только квалифицированных педагогов, способных к решению культурно-просветительских задач, но и преданных сторонников советской власти и проводников ее идеалов в обществе.

Дореволюционные подходы к обучению и сами педагоги в значительной степени не отвечали новым требованиям общества. Поэтому остро встала необходимость подготовки учителей, разделяющих новую идеологию и способных воспитывать активных и политически сознательных граждан. «...Наш народный учитель ... должен стать агентом нового мира... - подчеркивал Н.И. Бухарин, - Он должен стать одним из самых крупных строителей социализма»²⁴⁴. Степень преданности учительских кадров новым общественным идеалам властями связывалась с ее социальным происхождением²⁴⁵. В.И. Ленин в ходе обсуждения с наркомом просвещения А.В. Луначарским реформирование высшего образования настаивал на том, что «всемерно надо позаботиться о расширении доступа в высшие учебные заведения широким массам, прежде всего пролетарской молодежи»²⁴⁶. В этой

²⁴⁴ Бухарин Н.И. Народный учитель // Народный учитель. 1924. № 1. С. 6.

²⁴⁵ Период 20-30-х гг. XX века, в советской истории, прошел под лозунгом установления «Диктатуры пролетариата». Она нашла законодательное оформление в Конституции 1918 г. Также в пояснениях к Уголовному праву отмечалось, что при определении степени вины подсудимого, вынесении ему приговора, в первую очередь необходимо определить его классовую принадлежность. Пролетарское происхождение считалось фактором для смягчения выносимого приговора обвиняемому, в то время как принадлежность к иным классам (особенно эксплуататорским) отягощало наказание (Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 28).

²⁴⁶ Ленин и культурная революция: Хроника событий. (1917-1923 гг.) / Авт. введ. и науч. ред. М.П. Ким. М., 1972. С. 34.

связи одной из важнейших задач в сфере подготовки педагогических кадров стала их пролетаризация.

Пролетаризация понималась как целенаправленный процесс обновления студенчества как по социальному происхождению, так и мировоззрению²⁴⁷. Она стала важной частью партийно-государственной политики по регулированию социального состава советского студенчества. Создавая широкие возможности к обучению в высших и средних учебных заведениях выходцам из рабоче-крестьянской среды, новая власть ограничивала возможности получения образования молодым людям, происходившим из «социально чуждых слоев» населения.

Пролетаризация педагогических кадров в основном шла в русле общей политики и практики пролетаризации интеллигенции и осуществлялась в нескольких направлениях: организация массового приема в учебные заведения молодежи из рабоче-крестьянской среды, организация рабочих факультетов, периодические чистки социального состава студенчества, развитие заочного образования.

Первые шаги на пути пролетаризации образования были совершены в 1918-1919 гг., хотя сам термин стал широко использоваться с 1921 г. и подразумевал процесс привлечения в высшую школу пролетарских слоев²⁴⁸. В реальности пролетаризация профессионального образования затронула не только высшую, но среднюю школу.

Социальная политика советского государства в области высшего и среднего образования была провозглашена в Декрете Совета народных комиссаров «О правилах приема в высшие учебные заведения» и

²⁴⁷ Понятие пролетаризация в советской историографии получило разное толкование. В узком смысле под пролетаризацией понимался процесс формирования специалистов рабоче-крестьянского происхождения. В широком смысле понятие пролетаризация относилось ко всему процессу революционной перестройки высшей школы, ее политизацию.

Крупный советский исследователь истории российской интеллигенции С.А. Федюкин в качестве альтернативы термину «пролетаризация» предложил использовать термин «демократизация» как более полно отражающий сущность происходивших в 1920-е гг. изменений в связи с тем, что изменение социального состава учащихся высших и средних учебных заведений не являлось чистой «пролетаризацией», а отражало процесс демократизации советской образовательной системы (Федюкин С.А. Некоторые аспекты изучения истории советской интеллигенции // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 19).

²⁴⁸ Челябинцев Н.И. Рабочие факультеты и профессиональные союзы // Вестник рабочих факультетов. 1921. № 2-6. С. 8.

Постановлении правительства, подписанном 2 августа 1918 г. Они открыли двери учебных заведений представителям трудовых слоев населения, ликвидировав ранее существовавшие препятствия. Была не только отменена плата за обучение, но, и что было особенно важным, в вуз могли поступать все желающие без экзаменов²⁴⁹.

На ректорском совещании в Главпрофорбе (1921 г.) было принято решение о введении классового принципа при приеме в вузы страны²⁵⁰. Данное решение получило оформление в первом институтском уставе - «Положение об управлении высшими учебными заведениями РСФСР». В следующем 1922 г. СНК РСФСР принял Положение о высших учебных заведениях согласно которого, классовый принцип приема студентов получил дополнительное одобрение на высшем государственном уровне. Так целью работы вузов объявлялось: «Распространение научных знаний среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых во всей деятельности Высшего Учебного Заведения должны стоять на первом плане»²⁵¹. Таким образом, согласно государственным директивам набор абитуриентов должен был осуществляться с учетом их классовой принадлежности. Данный подход являлся ключевым элементом системы подготовки квалифицированных кадров для советского государства²⁵².

С целью формирования желаемого социального контингента учащихся учебных заведений была создана система отбора, в основу которой был положен жесткий классовый критерий. Для местных партийных организаций и приемных комиссий были разработаны специальные инструкции, определявшие основания для направления и приема учащихся в высшие и средние учебные заведения.

Для поступления в ВУЗ или техникум абитуриент должен был получить направление («путевку» - разговорный жанр) от партийной, профсоюзной

²⁴⁹ Декреты Советской власти. 11 июля - 9 ноября 1918 г. Т. 3. М., 1964. С. 450.

²⁵⁰ Сафразьян Н.Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы (1921-1927 гг.). М., 1977. С. 73-74.

²⁵¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый / Упр. делами Совнаркома СССР, Наркомат юстиции СССР. М., 1950. С. 970-977.

²⁵² Амо А. Пролетаризация высшей школы // Революция и культура. 1929. № 4. С. 14-21.

или комсомольской организации.

При подаче документов заполнялась анкета. В анкете помимо, личных автобиографических данных требовалось ответить на следующие вопросы: «...5. Социальное положение родителей; 6. В каком профсоюзе состоят родители; 8. Сумма получаемого оклада родителей; 18. Постоянное место жительства родителей ...»²⁵³. Достоверность данных биографии, как правило, полностью лежала на совести автора анкеты. Поэтому абитуриенты были вынуждены отречься от своих родителей, писать вымышленные фрагменты биографии, фиктивно или временно устраиваться на производство и т. п.

По месту жительства абитуриент получал справку о социальном происхождении. Несмотря на усилия властей, практика выдачи справок со стороны местных советских учреждений характеризовалась недостаточной ответственностью и соблюдением формальных процедур. Зачастую фиксировались факты злоупотреблений, в том числе использование личных связей и подделка документов. Для исключения выдачи поддельных справок в положениях Культотдела указывалось: «В целях улучшения подбора курсантов по соцсоставу необходимо набор сосредоточить в руках культотдела Совпрофа»²⁵⁴.

В целях выработки четких условий приема в ВУЗы и способов фильтрации абитуриентов И.С. Уншлихту (зам. пред. Государственного политического управления) было дано поручение предложить меры по отсеиванию «социально чуждых и вредных элементов» из среды студенчества. Предложенные меры были приняты Постановлением политбюро ЦК РКП(б) № 10/8 от 8.06.1922 г. Согласно которому было необходимо:

1. Создать комиссию для проработки мероприятий (в составе работников ГПУ, Главпрофобра, Оргбюро ЦК);
2. Сформулировать порядок создания студенческих и

²⁵³ ГАКК. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 17. Л. 52.

²⁵⁴ ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 7. Д. 18. Л. 8.

преподавательских объединений;

3. Подготовить постановление о необходимости получать разрешение НКВД, для собрания любых съездов, объединений и т.п.;

4. ГПУ провести перерегистрацию всех объединений, союзов и т. д. Не прошедшие процедуру регистрации общества - ликвидировать;

5. Пересмотреть все учредительные документы союзов, объединений (ГПУ, ВЦСПС)²⁵⁵.

В пояснениях к перечисленным пунктам указывалось на необходимость «установить ограничение на прием студентов непролетарского происхождения», всем абитуриентам, не имеющим направления (путевки) получить свидетельство о политической благонадежности.

Непосредственно в учебном заведении за классовым отбором учащихся должны были следить вузовские приемные комиссии. В них входили представители от Президиума ВУЗа по студенческим делам, Обкома РКП (б), КСМ, Облпрофобра, Исполбюро факультетских профсекций²⁵⁶.

Учитывая тот факт, что основная масса жителей Кубани и Адыгеи проживала в сельских населенных пунктах, актуальность приобретала организация отбора кандидатур для командирования на обучение из бедняцкой крестьянской среды. Его осуществляли комитеты крестьянской взаимопомощи, исполкомы сельских советов, ячейки РКП (б) под руководством партийных комитетов. Отобранные кандидатуры должны были быть одобрены районными и областными партийными комитетами. Только после их утверждения документы командированных на обучение лиц направлялись в вузовские приемные комиссии. Последние не имели права не принимать на обучение лиц, имеющих командировки от Обкома РКП (б)²⁵⁷.

Особую остроту проблема классового отбора учащихся вузов и

²⁵⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 175. Л. 6-6 об.

²⁵⁶ Работа приемной комиссии осуществлялась по следующей схеме: к 15 мая Главпрофобром устанавливались и рассылались точные разверстки и инструкции; к 1 августа все командировки и заявления о приеме должны были быть через вузовские и факультетские приемные комиссии собраны в общегородской приемной комиссии, работа которой заканчивалась к 15 августа. До первого сентября проходила работа экзаменационных комиссий, а с первого сентября начинались занятия.

²⁵⁷ Хаблиева Л.Ч. Государственная политика в сфере высшего образования в 1920-1930-е гг. // Историческое обозрение: сб. научных статей. Владикавказ, 2010. С. 7-9.

техникумов приобрела с середины 1920-х гг. С этого времени в основу комплектования состава учащихся этих учебных заведений был положен жесткий классовый принцип²⁵⁸. Ответственность за тщательный отбор молодежи, направляемой на обучение, ложилась на региональные и местные органы власти. При этом им ставилось на вид то, что с их стороны имели широкое распространение случаи безответственного отношения к данному вопросу²⁵⁹.

Классовая направленность кадровой политики советской власти сохранялась на всем протяжении 1920-х гг. Июльский пленум ЦК ВКП (б) 1928 г. потребовал проведения дополнительных мероприятий, чтобы рабочие составляли не менее 65% всего приема в вузы²⁶⁰. При этом среднегодовой прирост численности студентов в 1922-1930 гг. составлял 3,76 %, а в 1931-40 гг. уже 11,79 %²⁶¹. Государством регламентировался социальный состав будущего студенчества. Так 80 % абитуриентов должны были происходить из пролетарской среды, кроме того состоять на 20 % из представительниц женского пола²⁶².

Для организации отбора в вузы лиц из среды рабочих и трудового крестьянства в 1926 г. на Кубани и в Адыгее начали создаваться Аттестационные комиссии. Учитывая аграрную направленность рассматриваемого региона, они должны были отобрать особенно «ценную в классовом отношении крестьянскую молодежь»²⁶³.

Командируемые на обучение лица должны были подтвердить свое пролетарское происхождение посредством предоставления целого перечня документов²⁶⁴: справки о социальном происхождении, о социальном

²⁵⁸ Амо А. Пролетаризация высшей школы // Революция и культура. 1929. № 4. С. 14.

²⁵⁹ Там же. С. 17.

²⁶⁰ Самойлова Е.С. Население и образование. М., 1978. С. 67.

²⁶¹ Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999. С. 28-29.

²⁶² Справочник партийного работника. М., 1934. С. 310.

²⁶³ Там же. С. 311.

²⁶⁴ Данные статистики социального состава учащихся вузов за 1923-1929 гг. обнаруживают ярко выраженную тенденцию его пролетаризации. В частности, число студентов пролетарского происхождения с 24,4 % в 1923-1924 уч. году выросло до 42,3 % в 1928-1929 уч. году. В тоже время значительно сократился процент такой категории как прочие с 50,1 % в 1923-1924 уч. году до 12,2 % в 1928-1929 уч. году (Изаксон А. Снимите вузы с «голодного пайка» // Красное студенчество. 1929/30. № 2. С. 18).

положении и не лишении права голоса²⁶⁵. В преддверии 1930/31 учебного года Народный комиссариат просвещения установил социальные нормы приема, для студентов педагогических институтов. Они составили 40 % рабочих и 20 % трудового крестьянства от общего набора²⁶⁶.

Принцип классового отбора, положенный основу формирования контингента учащихся, оставался основополагающим в рамках советской системы подготовки профессиональных кадров специалистов на всем протяжении 1920-1930 гг. Подобный подход становился серьезным препятствием для многих желающих обучаться. В этой связи политика пролетаризации состава учащихся вынуждала граждан, желающих поступить в ВУЗ или техникум, вступить в комсомол или партию скрывать «не подходящее» социальное происхождение.

Несмотря на ужесточение условий приема абитуриентов, на практике комиссии столкнулись с множественными нарушениями. При заполнении анкетных данных подавались ложные сведения, заключались фиктивные браки с представителями пролетариата, абитуриенты временно устраивались на рабочие должности и даже прибегали к усыновлению при живых родителях. Данные явления носили массовый характер. В стенограмме закрытого собрания парторганизации Краснодарского педагогического института читаем: ... если проверить комсомольскую организацию, то 35 % учится детей лишенцев и такие, которые купили документы. Вчера исключили из комсомола Назаренко – кулак, купил документы²⁶⁷...; В протоколе партийного заседания того же ВУЗа: свидетельство об окончании школы было сделано так, бланк купил, а потом заполнил...²⁶⁸.

Проводимая государством политика отбора учащихся на основе классового принципа, зачастую приводила к тому, что студентами становились молодые люди, которые не выказывали особого стремления к

²⁶⁵ НАРА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 50. Л. 6.

²⁶⁶ Изаксон А. Снимите вузы с «голодного пайка» // Красное студенчество. 1929/30. № 2. С. 18.

²⁶⁷ ЦДНИКК. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 27. Л. 11.

²⁶⁸ ЦДНИКК. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

этому. В то время как выпускники школ 2 ступени, в массе своей ориентированные на высшее образование оказались фактически отстранены от него.

В силу отсутствия у трудящихся слоев населения подготовленного контингента для обучения в профессионально ориентированных учебных заведениях высшего и среднего уровня власти сознательно пошли на упрощение требований к поступающим. В результате число абитуриентов педагогических институтов и техникумов было многократно больше утвержденных планов приема.

Организация классового отбора при поступлении в учебные заведения способствовала пролетаризации состава учащихся, но вместе с тем приемные комиссии были вынуждены констатировать слабую образовательную подготовку поступающих²⁶⁹. Вузовские образовательные программы, зачастую, оказывались не под силу неподготовленным слушателям из рабоче-крестьянской среды, что вело к росту разочарования и сомнений в правильности сделанного выбора²⁷⁰.

Низкий образовательный уровень данной категории абитуриентов потребовали внесения корректив в организацию процесса пролетаризации. Первые результаты изменения состава учащихся высших и средних учебных заведений показали необходимость осуществления подготовительной работы с абитуриентами, способной обеспечить необходимый минимум знаний, без которого невозможно было организовать учебный процесс в вузе.

Важнейшим условием пролетаризации педагогических кадров являлось создание системы подготовки рабочей и крестьянской молодежи к дальнейшему профессиональному обучению. Основным инструментом этой политики стали рабочие факультеты и подготовительные курсы для поступления в ВУЗ. Их значимость красноречиво определил народный

²⁶⁹ Ларина Е.В. Политика пролетаризации образования на примере учебных заведений Москпрофобра // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 4. С. 29.

²⁷⁰ Веселов В.Р., Журавлев А.М. Опыт партийно-государственной политики по формированию учительских кадров Верхнего Поволжья в 1920-1930-е годы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. № 4. С. 235.

комиссар просвещения А.В. Луначарский: «Мы знали, что если будем ждать, пока нормальным образом через низшие школы будут проходить новые студенты вверх, то солнце взойдет тогда, когда роса выест нам очи. Поэтому мы пробили стену в университетах и вузах, и так как в эту брешь рабочий все-таки впрыгнуть не может, то мы построили там лестницу, которая называется рабфак. Это лестница, при помощи которой рабочий от станка и крестьянин от плуга смогут после усиленнейших трехлетних занятий пойти в университет и оказаться там достаточно подготовленным студентом»²⁷¹.

В 20-е гг. XX в. стали массово создаваться классово ориентированные структуры для подготовки рабоче-крестьянской молодёжи к поступлению в высшие и средние педагогические учебные заведения²⁷². Рабочие факультеты сыграли решающую роль в формировании пролетарского состава студентов вузов. Уже в 1920-1921 учебном году в РСФСР действовало 54 рабфака, в которых обучалось 18000 человек. В 1927-1928 учебном году эта цифра выросла до 48900 человек. При этом 90,9% процентов от общего числа рабфаковцев составляли выходцы из рабоче-крестьянской среды²⁷³.

Декрет Совета Народных Комиссаров «О рабочих факультетах» от 17 сентября 1920 г. юридически закрепил создание рабфаков на массовой основе и объявил их неотъемлемой частью системы высшего образования²⁷⁴. Слушателями рабочих факультетов могли стать лица от 16 до 30 лет рекомендованные местной партийной или профсоюзной организацией. В приоритете при приеме были комсомольцы, члены и кандидаты РКП(б). Первоначально прохождение вступительных испытаний не требовалось.

Рабфаки подчинялись Отделу высшей школы и находились на балансе вуза, руководство которого должно было обеспечить проведение учебного процесса (предоставить аудитории, лаборатории, учебные пособия и т. д.). Для осуществления непосредственного руководства избирался Совет

²⁷¹ Луначарский А.В. О народном образовании. М., 1958. С. 268.

²⁷² Рабфак ЛИИЖТа в 1934-35 учебном году // Наш путь: Вестник Петербургского государственного университета путей сообщения. 1934. 18 сентября. С. 3.

²⁷³ Итоги десятилетия советской власти в цифрах 1917-1927. М., 1927. С. 83.

²⁷⁴ О рабочих факультетах: Декрет Совета Народных Комиссаров от 17 сентября 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 576.

факультета, который в свою очередь избирал Президиум и секретаря факультета. Президиум состоял из председателя и двух заместителей. Для приема в число слушателей было необходимо предоставить удостоверение о принадлежности к числу рабочих и крестьян, не эксплуатирующих чужого труда. Образовательного ценза к претендентам не предъявлялось.

Учебные программы для рабфаков разрабатывались Народным Комиссариатом Просвещения (НКП) в объеме достаточном для продолжения обучения в вузе. В число слушателей по представлению производственными Союдами, Фабрично-заводскими Комитетами, партийными отделами по работе в деревне. Количество слушателей определялось Народным комиссариатом просвещения. Все принятые в число слушателей освобождались от основной работы и считались несшими рабочую повинность. Слушатели рабфаков должны были, без отрыва от производства, за период обучения (в среднем 3 года) усвоить программу средней школы.

Учебный процесс строго регламентировался. Так согласно «Инструкции об учете работы преподавателя и успеваемости студента» Краснодарского рабфака от 1921 г. для каждой учебной группы необходимо было вести Журнал, Дневник прикрепленного к группе преподавателя, Дневник учета успеваемости студента. Перед преподавателями ставилась задача «добиться, что бы показатели «неуд.», «удовл.», «хорошо» совершенно точно соответствовали действительности ...записи в графе «содержание работы» должны содержать в себе не только перечень проработанного учебного материала, но и указания на методы и формы организации работы»²⁷⁵.

Несмотря на активное законодательное, административное и методическое обеспечение со стороны государства, организация деятельности рабфаков на местах была сопряжена с большими трудностями финансового и кадрового обеспечения. В справке, датируемой 1921 г., следующим образом описывается плачевное состояние рабфака Кубанского высшего педагогического института: «рабфак не имеет своего помещения.

²⁷⁵ ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 261. Л. 24.

Студенты живут в невыносимых условиях, питаются отвратительно ...»²⁷⁶.

Несмотря на объективные трудности начала 20-х гг. рабочие факультеты получили широкое распространение на территории Кубани. С одной стороны, их задача была в подготовке к поступлению в ВУЗ рабоче-крестьянской молодежи, не имеющей необходимого образовательного уровня. В тоже время благодаря рабочим факультетам удалось в короткие сроки подготовить значительное количество учителей и во многом переломить ситуацию с неграмотностью населения.

Влияние рабфаков на систему образования в целом и на подготовку педагогических кадров в частности является важным элементом для понимания процесса пролетаризации педагогических кадров. В «Положении о рабочих факультетах РСФСР» указывалось, что «... рабочие факультеты имеют своей целью подготовку к занятиям в высших учебных заведениях рабочих, батраков, бедняков...»²⁷⁷. Рабочие факультеты как часть высших учебных заведений использовали всю необходимую инфраструктуру ВУЗа, на базе которого они функционировали (лаборатории, аудитории, инструменты, учебные пособия и пр.). Их финансирование осуществлялось за счет высшего учебного заведения.

Для обучения студентов «национальностей нерусского языка» создавались национальные отделения при рабфаках или национальные рабфаки. Данная инициатива получила свое логическое продолжение в постановлении Совнаркома СССР от 21 ноября 1925 г. Согласно Постановления на факультетах педагогических вузов открывались отделения преподавания родного языка и методики преподавания учебных предметов на родном языке. При Кубанском педагогическом институте было открыто адыгейское и украинское отделения.

Деятельность правительства по привлечению в учебные заведения представителей из крестьянской среды (более 90 % жителей Кубани и

²⁷⁶ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182. Л. 1.

²⁷⁷ ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

Адыгеи имели крестьянское происхождение) привела к смене социального происхождения учителей. Так к 1928 г. около 80 % учителей начальных школ Адыгеи имели крестьянское происхождение²⁷⁸.

По форме обучения рабфаки делились на дневные и вечерние. Непосредственное управление учебной и хозяйственной деятельностью рабфака возлагалось на его заведующего. Руководство учебной частью осуществлял помощник заведующего по учебной части. Учебно-производственные вопросы рассматривала учебно-методическая комиссия в составе заведующего, помощника, заведующих отделениями, представителями от студенчества²⁷⁹. Постановление учебно-методической комиссии утверждал руководитель высшего учебного заведения.

Деятельность рабочего факультета Краснодарского педагогического института была строго регламентирована. Для учета успеваемости учащихся велся специальный журнал по каждой дисциплине. Обучение делилось на 4 четверти. По окончании каждой четверти преподаватель составлял характеристику на каждого учащегося и сдавал журнал на проверку в учебную часть. Все учащиеся делились на 3 категории успеваемости: 1 – хорошо, 2 – достаточно, 3 – недостаточно²⁸⁰. Учебная часть делала итоговый вывод. К третьей категории относились студенты имеющие «недостаточно» по 2 и более предметам. К 1 категории относятся студенты, имеющие оценку «хорошо» более чем по половине предметов при отсутствии оценки «недостаточно». Все остальные относились ко 2 категории. Каникулярное время на рабочих факультетах могло варьироваться с условием, что его период не будет превышать двух месяцев.

Работа рабфаков регулярно инспектировалась. На основе данных полученных в результате проверки делались выводы и выставлялись замечания. Так, по результатам инспекции проведенной инспектором НКП А.А. Тихомировым Кубано-Черноморскому рабочему факультету было

²⁷⁸ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 702. Л. 131, 133.

²⁷⁹ ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 38. Л. 5.

²⁸⁰ ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 261. Л. 2.

направлено (12 февраля 1923 г.) письмо с анализом работы и замечаниями для устранения. В целом работа была признана удовлетворительной, отмечалось улучшение материального положения факультета. Предписывалось устранить ряд замечаний: провести ремонт в зданиях факультета (на намеченные работы выделялась субсидия), улучшить работу общежития и столовой, расширить наглядные и лабораторные методы преподавания²⁸¹.

Рабочие факультеты в 20-е гг. XX века явились неизбежной формой подготовки рабоче-крестьянской молодежи к обучению в высших учебных заведениях. Именно благодаря им стало возможным в короткие сроки подготовить значительное количество преподавателей для школ страны и Кубани. Необходимо признать, что уровень выпускников рабфаков не всегда был удовлетворяющим требованиям ВУЗа, что в свою очередь сказывалось на качестве «молодых специалистов». В тоже время не стоит забывать, что выпускники рабочих факультетов вытесняли из институтов «классово чуждых» абитуриентов, закончивших школу 2 ступени, а именно эти школы должны были прийти на смену классическим гимназиям и реальным училищам. В значительной мере выпускники школ 2 ступени были наиболее подготовлены и ориентированы на поступление в педагогические институты. Как отмечал А.В. Луначарский, рабфаки выступили в роли «пожарных лесов» для «взятия на абордаж» стен ВУЗов, при этом необходимо учитывать, что процент выпускников рабочих факультетов никогда не превышал 43 % от всей студенческой массы²⁸².

Реализация классового подхода к формированию контингента студентов на Кубани и в Адыгее оказалось сложной задачей не только в силу отсутствия у трудящихся слоев населения должного уровня образования, но и отсутствия интереса к его получению. Это обстоятельство вынудило местные органы власти прибегнуть к активной агитации и пропаганде в целях привлечения

²⁸¹ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 977. Л. 37, 37 об.

²⁸² Вышинский А. Роль рабфаков в пролетаризации высшей школы // Красное студенчество. 1928/29. № 11. С. 5.

молодых людей из рабочих и крестьянских семей в вузы²⁸³. К началу 30-х г. во многом спорадическая работа по привлечению выходцев из рабочей и крестьянской среды к получению высшего и среднего образования оформилась в целостную систему. В 1930-1932 гг. студенты Краснодарского педагогического рабфака 1902-1912 гг. рождения по социальному происхождению, делились на 5 категорий:

1. Батраки (крестьяне) – 7 %;
2. Крестьяне – 60 %;
3. Бедные крестьяне – 20 %;
5. Рабочий – 7 %;
6. Батраки (рабочие) – 6%²⁸⁴.

В 1933 г. Краснодарский педагогический рабфак насчитывал уже 333 учащихся дневного отделения и 264 учащихся вечернего отделения, обучающихся без отрыва от производства. В составе обучающихся абсолютно преобладали выходцы из пролетарских слоев: рабочих 60 человек, батраков – 32 человека, колхозников – 216 человек, воспитанников детских домов – 7 человек, детей рабочих – 2 человека, служащих – 6 человек, прочих – 9 человек. Примечательно, что среди обучающихся было достаточно большое количество представительниц женского пола - 136 женщин. Достаточно большим числом были представлены представители национальностей нерусского языка. Среди них 23 черкеса, 25 адыгейцев, 1 карачаевец, 1 еврей, 39 украинцев, 4 армян, 34 осетина, 1 кабардинец и 11 поляков²⁸⁵. Приведенные данные свидетельствуют о увеличении представленности женщин среди слушателей рабфака, а также подавляющем большинстве крестьян и рабочих, отобранных для поступления еще на стадии подачи заявлений.

Рабфаки являлись важным звеном в системе социалистической школы,

²⁸³ Емтыль З. Я. Практика привлечения адыгской интеллигенции на сторону советской власти в 20-е гг. XX в.: трудности и противоречия // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 202.

²⁸⁴ ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 246. Л. 13.

²⁸⁵ Там же. Л. 14.

предоставляя возможность широким слоям трудового населения получить квалификацию преподавателя и активно участвовать в строительстве нового общества. Возникшие с целью подготовки кадров для модернизации страны, рабфаки способствовали пролетаризации педагогических кадров, так как сосредоточили внимание на обучении рабочих и крестьян, обеспечивая тем самым доступность высшего и средне-специального образования. В то же время следует отметить слабую заинтересованность учащихся рабфака в получении образования. Так в статье «Когда начнут готовиться к испытаниям» указывалось, что учащиеся дневного отделения педагогического рабфака Краснодара имели успеваемость за третью четверть 1938/39 уч. года 57 %, а вечернего отделения 52 %. «Это говорит о том, что половина студентов не успевает. Не успевает главным образом по русскому языку и математике»²⁸⁶.

На базе рабфаков была организована система краткосрочных курсов по подготовке к поступлению в педагогические учебные заведения. Подготовительные курсы были адресованы тем абитуриентам, которые закончили школу, получили необходимый для поступления уровень образования, но не обладали достаточным уровнем знаний. Как было отмечено в одном из докладов Наркомпроса «Необходимость этих курсов вызвана слабой подготовкой окончивших школу 2 ступени»²⁸⁷.

Архивные данные за 1928 г. свидетельствуют о востребованности такого формата подготовки среди желающих получить педагогическое образование. «Ввиду громадного количества желающих поступить на курсы по подготовке в ВУЗ предлагалось открытие 3-х новых групп при уже существующих курсах в педтехникуме Краснодара»²⁸⁸.

Обучение на подготовительных курсах проходило на платной основе исключение (15 % от слушателей) делалось для членов профсоюза и беднейших крестьян. Стоимость составляла 8 рублей в месяц. Данная плата являлась символической. Для сравнения – каждый из 7 преподавателей

²⁸⁶ Жильцов А.Б. Когда начнут готовиться к испытаниям? // Комсомолец. 1938. 26 апреля. С. 3.

²⁸⁷ ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 7. Д. 18. Л. 9.

²⁸⁸ Там же. Л. 8.

курсов получал плату в размере 2 руб. за академический час. В неделю на учебные занятия отводилось 26 часов. При этом в документе указывалось на необходимость найти возможность снизить стоимость обучения до 4 рублей.

В программу обучения входило изучение русского языка (орфографическая и синтаксическая грамотность), математики (арифметика, алгебра и геометрия), физики, обществоведения (политэкономия, революции 1905 и 1917 гг., основы советской конституции, основы марксизма и др.)²⁸⁹. Педагогические курсы предусматривали не только изучение базовых педагогических теорий и практик, но и знакомство с новой социалистической идеологией, методами преподавания учебных дисциплин.

При организации курсов для подготовки к поступлению на отделение рабфака абитуриент также проходил проверку на пролетарскую социальную принадлежность. К примеру, на курсах в станице Старовеличковской из 12 курсантов 9 были отнесены к беднякам, 2 к батракам и 1 рабочий²⁹⁰; в Кореновском районе из 35 курсантов бедняков 16, батраков 12, служащих 1, хлеборобов 4, рабочих 2²⁹¹.

Зачастую планы правительства по пролетаризации педагогических кадров не могли быть осуществлены в силу объективных причин (уровня подготовки предполагаемых курсантов). Так Горяче-Ключевское Районо в 1925 г. сообщало «ассигнования средств на подготовку батраков в техникумы и вузы не нужны ... если возможно, то ассигновать эти суммы на подготовку батраков в рабфак»²⁹².

Ввиду того, что большинство граждан страны проживало в сельской местности вполне естественно, что государство стремилось привлечь в педагогические ВУЗы представителей трудового крестьянства. С этой целью на территории Кубани и Адыгеи организовываются колхозфаки (начиная с 1930 г.) – учебные заведения, в которых работники колхозов и совхозов могли

²⁸⁹ ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 7. Д. 18. Л. 5.

²⁹⁰ Там же. Л. 54.

²⁹¹ Там же. Л. 122.

²⁹² Там же. Л. 48.

пройти подготовку для поступления в учебные заведения страны без отрыва от основного вида деятельности²⁹³.

Внедрение рабочих факультетов, колхозфаков и специальных подготовительных курсов сделало профессию учителя более доступной для выходцев из рабоче-крестьянской среды, а также способствовало преодолению проблемы кадрового голода в сфере образования и служило инструментом привлечения рабочей молодежи и крестьянства к участию в социалистическом строительстве. Нормативные акты, такие как декреты и постановления Народного комиссариата просвещения, устанавливали новые правила приёма, направленные на максимальное вовлечение представителей пролетариата в педагогическую сферу²⁹⁴.

Для понимания значимости организации рабфаков в процессе пролетаризации педагогического образования представляют интерес данные официальной статистики. В 1934-1935 гг. выпускники рабфаков составили 36% от общего числа поступивших в педагогические институты СССР²⁹⁵. В связи с этим следует отметить, что в последующем с введением в декабре 1935 г. постановления ЦИК и СНК СССР «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы», установивших единые обязательные вступительные экзамены для всех поступающих, процент выпускников рабфаков, поступивших в педвузы значительно сократился и в уже в 1935-1936 учебном году он составил 30,5 %, а в 1938-1939 учебном году – всего 22,2 %²⁹⁶.

Политика пролетаризации советского студенчества сводилась не только к классовому отбору учащихся. Особое внимание уделялось идейно-политической подготовке будущих учителей, что отразилось в модернизированных учебных программах. Введение обязательных курсов по политической экономии, марксистской философии и основам социалистической идеологии для всех абитуриентов педагогических

²⁹³ Культурное строительство на Кубани, 1918 / Под ред. И.Я. Куценко. Краснодар, 1978. С. 124.

²⁹⁴ Федоров В.А. Профессионально-педагогическое образование в России: историко-логическая периодизация // Образование и наука. 2017. Том 19, № 3. С. 93-119.

²⁹⁵ Культурное строительство СССР: Стат. сборник М; Л., 1940. С. 127.

²⁹⁶ Там же. 127-128.

институтов свидетельствовало о нацеленности образовательного процесса на формирование у будущих педагогов не только профессиональной, но и идеологической зрелости. Специальные курсы по марксизму, политической экономии и философии позволяли будущим педагогам овладеть основами государственной идеологии, что делало их не только учителями, но и активными членами нового социалистического общества.

Развитие рабфаков и подготовительных курсов отражало классовые ориентиры советской власти. Широкое вовлечение выходцев из рабочей-крестьянской среды обеспечивало социальное обновление учительских кадров, однако негативно сказывалось на общем образовательном уровне нового советского учительства. Неудовлетворяющая требованиям подготовка учительских кадров дала толчок реорганизации работы высших и средних учебных педагогических заведений страны. Так на ноябрьском пленуме ЦК ВКП (б) 1929 г. была отмечена необходимость «расширить количественно подготовку научно-исследовательских и педагогических кадров ... более энергично готовить и выдвигать молодые научные силы, в особенности из рабочих и партийцев ... ближайшие годы довести процент рабочего ядра среди общего приема не менее чем до 70»²⁹⁷.

Политика пролетаризации образования обусловила появление и развитие в начале 20-х гг. XX в. в стране принципиально новой формы педагогического образования как заочное. Оно стало по своей сути промежуточной формой между образованием в учебном заведении и самообразованием. Его появление было связано с поиском способов приобщения к высшему и среднему образованию пролетарских слоев населения, не получивших его в более раннем возрасте.

Свои истоки заочное образование в России обнаруживает во второй половине XIX в. в форме экстерната. Согласно закону 1891 г. (Правила об испытаниях учеников гимназий ...) к такой форме сдачи экзаменов

²⁹⁷ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 5. М., 1984. С. 23.

допускались лица обоего пола, не проходившие обучение в гимназии. Проверка знаний проходила как в устной, так и письменной форме. Устно сдавались экзамены за курс последнего класса гимназии. В случае успешного прохождения всех «испытаний» экстерн получал Свидетельство зрелости. Данная форма образования не получила широкого распространения и использовалась, как правило, лицами находившимися на домашнем обучении.

С конца XIX в. в Российской империи получили распространение воскресные школы свободные для посещения всеми желающими, которые принципиально отличались от существовавших ранее воскресных образовательных учреждений своей светской направленностью. Преподавание в школах велось на общественных началах и преследовало цель просвещение широких народных масс. В дальнейшем на основе воскресных школ формировались народные университеты как форма самоназвания, в которых готовили желающих к сдаче экзамена для получения права преподавать в школах грамотности. С ростом сети Народных университетов стали издаваться специальные сборники и программы с рекомендациями и текстами публицистических и научных работ для самообучения всех желающих. Среди них можно выделить сборники: Библиотека для самообразования, Программа домашнего чтения и др.²⁹⁸. Данные программы пользовались популярностью, выдержали ряд переизданий, не смотря на то, что были рассчитаны на несколько лет самостоятельной подготовки²⁹⁹.

Ранние формы заочного образования в Российской империи развивались на основе энтузиазма «просвещенной интеллигенции» и потребности в саморазвитии со стороны незначительной части населения страны. Новый импульс развитию заочного образования дала Октябрьская революция 1917 г.

²⁹⁸ Мацибора М.Г. Особенности заочной формы обучения в России на рубеже XIX-XX веков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 73-2. С. 120.

²⁹⁹ Во втором десятилетии XX в. растет число народных университетов и становится шире круг их деятельности. На постоянной основе читались курсы лекций, проводились семинары. За посещение данных занятий начали взимать умеренную плату, в среднем 7 коп. за 1 лекцию.

Первоначально оно проявило себя в виде частных и общественных заочных курсов.

Непосредственно начало зарождения высшего заочного образования в целом и педагогического в частности в Советской России было связано с решениями XVIII съезда РКП(б) 1919 г. об оказании всесторонней государственной помощи в самообразовании и саморазвитии рабочих и крестьян. В них была отмечена необходимость готовить педагогические кадры, «проникнутые идеей коммунизма» посредством «самообразования и саморазвития» трудовых масс (пролетариев и полупролетариев)³⁰⁰. В стране начала издаваться учебная литература для самообразования, появились первые заочные курсы переподготовки учителей. Заочный формат дополнял очное обучение и имел ряд преимуществ перед последним. Заочные курсы требовали меньших капиталовложений и позволяли повысить квалификацию значительному количеству учителей в короткие сроки. Слушатели курсов могли совмещать обучение с основным видом деятельности и решением семейных, бытовых и прочих вопросов.

На курсах слушатели в основном писали рефераты и принимали участие в очных конференциях. В числе основных изучаемых дисциплин были обществоведение, политэкономия, теория и практика трудовой школы, естествознание и профдвижение³⁰¹. Целью курсов было повышение квалификации учителей и содействие в подготовке к сдаче в последующем экзамена в форме экстерната.

Уровень полученных на курсах профессиональных знаний был значительно ниже, чем при очном обучении. Народный комиссариат просвещения констатировал крайне низкий уровень подготовки выпускников курсов. Происходило оформление понимания того, что выпускники курсов, не имевшие полноценного педагогического образования и обладавшие слабой

³⁰⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1983. С. 27-28.

³⁰¹ Литовка В.В. Особенности организации подготовки педагогических кадров в 20-30-е годы XX столетия в системе высшего педагогического образования. С. 92.

общеобразовательной подготовкой, не способны обеспечить необходимый уровень учебно-воспитательной работы в школе.

В этой связи широкое развитие получила система заочного обучения учителей. Она должна была обеспечить возможность получения выпускниками учительских курсов полноценного педагогического без отрыва от педагогической практики. Факультеты заочного обучения стали повсеместно создаваться во всех педагогических учебных заведениях³⁰².

Теоретическое обоснование заочное педагогическое образование получило в работах руководителя Главполитпросвета РСФСР Н.К. Крупской, в публикациях руководителей системы рабочих факультетов В.Н. Образцова, А.Н. Бартенева, а также в теоретических работах по обучению взрослого населения М.Я. Басова, Е.Я. Голанта³⁰³ и др.

С самого начала развития высшего заочного образования стала прослеживаться его направленность на теоретическую подготовку студентов, снабжение их фундаментальными знаниями в области изучаемого предмета. Она объяснялась тем, что студенты-заочники, как правило, имели опыт работы и практические навыки в профессии. Так педагоги со средне-специальным педагогическим образованием и опытом работы в школе получали высшее образование. Последнее расширяло круг их профессиональных компетенции и давало дополнительные преимущества в продвижении по служебной лестнице.

Несмотря на достаточно высокий спрос на возможность получения заочного образования, существовал и большой «отсев» учащихся с заочных отделений. Как правило, он был обусловлен низким уровнем знаний абитуриентов, не позволявшим освоить учебную программу. На решение данной проблемы были направлены разработанные Народным комиссариатом

³⁰² Первый заочный ВУЗ в стране – Донской внешкольный университет был открыт по инициативе наркома просвещения в 1920 г. Уже в 1929 г. по данным Главпрофобраз в СССР функционировало 70 заочных учебных заведений (Мацибора М. Г. Из истории становления заочного образования в России // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова.: научно-методический журнал: основной выпуск. 2007. Т. 13. №. 3. С. 43).

³⁰³ Опыт изучения педагогической работы со взрослыми: Сб. статей и материалов / Под ред. М. Я. Басова и Е. Я. Голанта. Л., 1926. С. 67.

просвещения РСФСР принципы и основы организации заочного обучения в высшей и средней школе. Чтобы заочное образование предполагало не только самообразование педагогических кадров, но и реальное профессиональное развитие была расширена сеть заочных отделений вузов и образованы специальные заочные институты.

Заочное обучение получило широкую информационно-пропагандистскую сопровождение и поддержку со стороны государства. Студенты, обучавшиеся на заочном отделении, получали от государства целую совокупность льгот. Им предоставлялся летний и зимний отпуска для прохождения очных сборов и сессии. Кроме того, для посещения семинаров-консультаций выделялись 10 дополнительно оплачиваемых дней и т.п.³⁰⁴ С 1931 г. студенты заочных факультетов педагогических вузов приравнивались в правах к студентам очной формы обучения³⁰⁵.

На территории Кубани развитие заочного педагогического образования происходило с значительной задержкой. В Краснодарском педагогическом институте сектор заочного обучения был открыт в 1933 г. В первые годы своей работы сектор испытывал трудности с учебной литературой, нехваткой преподавателей, недостатком оборудованных учебных и бытовых помещений.

Не смотря на большие финансовые затраты, насчитывавшие около 1000000 руб. за период с 1933-1937 гг. первый выпуск составил 10 педагогов. Причина этого в большом количестве отчисленных студентов (150-200 человек ежегодно). В 1937 г. на первом курсе заочного сектора обучалось 470 студентов, на втором – 354, на третьем 125 и на четвертом – 89³⁰⁶. Такая динамика объясняется низким уровнем подготовки студентов, их слабой мотивацией к обучению, набору на первый курс по направлению. Зачастую при отборе кандидатов на поступление в вуз, комиссии руководствовались

³⁰⁴ Народное образование в СССР: общеобразовательная школа: сборник документов 1917-1973 гг. М., 1974. С. 9-11.

³⁰⁵ Там же. С. 23.

³⁰⁶ Филиппов А. Заочное обучение и педагоги-заочники // Большевик. 1937. 23 декабря. С. 4.

социальным происхождением, партийной и комсомольской принадлежностью, а не желанием получить педагогическое образование.

В 1939 г. заочный сектор Краснодарского педагогического и учительского института был представлен 4 факультетами:

1. Физико-математический;
2. Естествознания;
3. Литературы и языка;
4. Исторический.

Срок обучения на заочном отделении педагогического и учительского института разнился. В педагогическом институте он составлял пять лет, а в учительском два с половиной года. Выпускники учительского института получали право преподавать в неполных средних школах (5, 6 и 7 классы). Выпускники, закончившие заочное отделение и сдавшие квалификационные экзамены получали права выпускников «стационарных» вузов. Студенты заочных отделений обеспечивались всей необходимой учебной литературой по всем дисциплинам. Два раза в год заочный сектор проводил учебные сессии, на которых студенты прослушивали курс лекций и сдавали зачеты и экзамены по всем учебным дисциплинам. Значительно возрос набор студентов – заочников, только педагогический и учительский институт в 1939/40 учебном году набрал 600 человек³⁰⁷.

По окончании обучения и сдачи всех квалификационных экзаменов выпускник получал диплом установленного образца и направлялся на продолжение трудовой деятельности по своему месту работы³⁰⁸.

После поступления на заочное отделение, для успешной сдачи зимней и летней сессий студентами из сельских районов Кубани организовывались консультативные пункты. Данная практика имела широкое распространение на всей стране для оказания всесторонней помощи студентам заочникам

³⁰⁷ Бенш А. Где можно учиться без отрыва от производства // Комсомолец. 1939. 4 июля. С. 4.

³⁰⁸ О высшем заочном обучении: Постановление Совета Нар. Ком. Союза СССР. Ленинград, 1938. С. 3.

городских и сельских населенных пунктов³⁰⁹. Консультпункты представляли собой места проведения консультаций по подготовке студентов заочной формы обучения к сдаче сессии. Консультации проводились согласно расписания, включающего предметы, входящие в предстоящую сессию. Как правило, такие пункты организовывались в сельских районных центрах при местных школах. Консультпункты использовали в своей работе школьную инфраструктуру (классы, мебель, оборудование) и педагогический коллектив. Для студентов из соседних населенных пунктов предусматривалось общежитие. Данное требование не всегда получалось реализовать на практике. Пункты формировались из расчета один на 30-50 заочных студентов³¹⁰.

Следует отметить, что в силу разных причин (отсутствие транспорта, места ночлега, невозможность оставить работу и др.) явка студентов к месту организации пунктов составляла около 25-50 % от запланированного количества³¹¹. Низкий уровень посещения консультативных пунктов, как и других образовательных учреждений (педагогических курсов, техникумов, школ), в сельской местности, объясняется низкой мотивацией к обучению в среде крестьянской молодежи. Так, в докладной записке отдела народного образования отмечалось «попытки открытия ... окончились неудачей, что объясняется весенними и летними огородными работами»³¹².

Повышению спроса на заочное педагогическое образование способствовало введение квот на поступление. Обучение по квоте было более целесообразным с экономической точки зрения, кроме того, оно позволяло повысить квалификацию действующего учителя без отрыва от основной деятельности в то время как получение полноценного очного образования занимало несколько лет на протяжении которых получивший квотированное место абитуриент оставлял основное место работы. При этом ученики

³⁰⁹ Литовка В.В. Особенности организации подготовки педагогических кадров в 20-30-е годы XX столетия в системе высшего заочного педагогического образования. С. 93.

³¹⁰ Дмитриева З. Работа консультационных пунктов заочных школ // Школа взрослых. 1938. № 9. С. 45-46.

³¹¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А Оп. 1. Д. 1314. Л. 35.

³¹² ГАРО. Шахтинский филиал. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 12. Л. 56-57.

оставались без учителя, а педагог без стабильного дохода. Последнее обстоятельство объясняет отчасти стремление действующих учителей получать именно заочное образование. Дополнительный импульс квотирование обучения на заочном отделении получило после введения регулярных аттестаций учителей на соответствие занимаемой должности. Так по итогам аттестации педагогов северо-кавказских регионов 1937-1938 учебного года в среднем 15 % школьных преподавателей были отстранены от работы³¹³.

Говоря о развитии заочного педагогического образования на Кубани, важно отметить, что студенты заочного отделения зачастую оставляли учебу, не пройдя полного курса. Так только в 1939 г. из контингента педучилищ Кубани 600 человек были отчислены при этом за неуспеваемость только 93 студента³¹⁴. Студенты – заочники, как правило, уже взрослые люди, которые были обременены рядом семейно-бытовых и др. проблем, что приводило к существенным потерям контингента, которые составили около 25 % от общего числа обучавшихся на заочной форме обучения³¹⁵.

Окончательное оформление системы заочного образования в СССР было связано с выходом Постановления СНК «О высшем заочном обучении» в 1938 г. В нем Совет народных комиссаров СССР отметил, что организация высшего заочного образования полностью себя оправдала и имеет большое значение для подготовки специалистов³¹⁶. Вместе с тем в документе были учтены недочеты в системе заочного образования и указаны способы их исправления. Так руководство заочным образованием возлагалось на «Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР». К этому времени в стране существовали заочные институты и заочные факультеты при ВУЗах. Постановление определило перечень специальностей, по которым должно было осуществляться высшее заочное обучение. В него вошли

³¹³ Национальные школы РСФСР за 40 лет / под ред. Ф.Ф. Советкина. М., 1958. С. 152.

³¹⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774-А Оп. 1. Д. 1314. Л. 34.

³¹⁵ Там же. Л 34-35.

³¹⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1929-1940 гг. Т. 2. М., 1967. С. 170.

следующие направления образования: историческое, географическое, естествознание, язык и литература, физико-математическое, естественно-географическое, педагогическое, иностранные языки³¹⁷. Кроме того, Постановление «О высшем заочном обучении» оговаривало ряд мер, направленных на повышение качества образования. Вводилась очная сдача зачетов и экзаменов по всем дисциплинам учебного курса, при этом запрещалось выставлять итоговые оценки по предмету на основе письменных работ. Отдельно оговаривалось издание печатной учебной продукции для самостоятельного освоения учебными дисциплинами.

Порядок сдачи экзаменационной сессии отдельно оговаривался в постановлении Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. На сдачу каждого предмета отводилось 3-4 дня. Принимать экзамен мог только преподававший данный предмет профессор или доцент. Для допуска к экзамену необходимо получить зачет по практической части учебного курса. В случае получения двух и более неудовлетворительных оценок студент отчислялся или оставался на второй год, в зависимости от предыдущей успеваемости. Постановление также отменяло, существовавшие ранее дополнительные сессии³¹⁸.

Говоря о значимости развития заочного педагогического образования следует признать, что оно способствовало одновременному решению двух стратегически задач: проблему нехватки учительских кадров и их пролетаризации. Не смотря на имевшиеся издержки, заочное образование на протяжении второй половины 1920-х 1930-х гг. приобретало благодаря поощрению и пропаганде со стороны государства все большую популярность и играло значительную роль, в решении задач, стоявших перед системой народного образования.

³¹⁷ О высшем заочном обучении: Постановление Совета Нар. Ком. Союза СССР. Ленинград, 1938. С. 2.

³¹⁸ Как будут организованы экзамены в вузах // Комсомолец. 1938. 10 июля. С. 3.

Одновременно с развитием заочной формы педагогического образования в Краснодарском педагогическом и учительском институте продолжился выпуск педагогов, получавших диплом по окончании экстерната.

В докладной записке Краевого отдела народного образования «О состоянии заочного образования учителей», составленной в Краснодаре в 1940 г. в семи заочных отделениях педагогических училищ насчитывалось 3442 студента из которых 613 человек проходили обучение экстерном. В институтах и университетах на заочном отделении числилось 3235 студентов и 400 человек проходили обучение экстерном. В денежном отношении затраты составили 300 рублей на одного заочного студента в год³¹⁹.

Во второй половине 30-х гг. XX в. экстернат как форма обучения все чаще стала подвергаться критике. Так в статье «Об учителях экстернах» (1938 г.) отмечалось, что 17 студентов-экстернов сдали только по одному экзамену за 1936/37 учебный год, при учебном плане 8-10 экзаменов. Причина этого, по мнению автора, кроется в том, что «большинство студентов имеют особенно низкую грамотность»³²⁰.

К середине 30-х гг. XX в. классовый принцип в наборе студентов педагогических вузов «сойдет на нет» естественным путем. В этот период в высшую и средне-специальную школу придут дети первого поколения советской интеллигенции. Законодательное уравнивание в правах всех граждан произойдет с принятием конституции 1936 г. Хотя фактически приоритет на прием выходцев из рабочей среды сохранится. В послевоенный период он трансформируется в прием так называемых «стражников», возникнут вечерние факультеты получившие просторечное наименование - рабфаки и т. п.

Проведенное в рамках данного раздела работы исследование позволяет сделать вывод о том, что пролетаризация педагогических кадров на Кубани и в Адыгее определялась как общегосударственной политикой и практикой

³¹⁹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А Оп. 1. Д. 1314 Л. 34.

³²⁰ Овчаренко Р.П. Об учителях экстернах // Комсомолец. 1938. 26 апреля. С. 3.

пролетаризации советского учительства, так и местными социально-культурными, финансовыми и организационными условиями и возможностями. Среди них следует выделить низкий уровень грамотности населения, абсолютное преобладание сельского населения и малочисленность пролетариата; отсутствие необходимой финансовой и материальной базы; недостаточно серьезное отношение низовых партийных и советских органов власти к отбору кандидатур, направляемых на обучение.

Реализация политики пролетаризации педагогических кадров происходила одновременно по нескольким направлениям: организация отбора учащихся педагогических учебных заведений по классовому признаку; снижение академических требований к абитуриентам; проведение классовых чисток. Важнейшее значение среди них имело создание классово ориентированных структур для подготовки трудящейся молодёжи к поступлению в высшие и средние педагогические учебные заведения. Они оказали ключевое влияние на рост масштабов подготовки «учителей-социалистов» и качество их профессиональной подготовки.

Реализация классового подхода к формированию контингента студентов на Кубани и в Адыгее оказалось сложной задачей не только в силу отсутствия у трудящихся слоев населения должного уровня образования, но и отсутствия интереса к его получению. Это обстоятельство вынудило местные органы власти прибегнуть к активной агитации и пропаганде в целях привлечения молодых людей из рабочих и крестьянских семей в вузы. К началу 1930-х г. во многом спорадическая работа по привлечению выходцев из рабочей и крестьянской среды к получению высшего и среднего образования оформилась в целостную систему.

Важно подчеркнуть, что политика пролетаризации образования обусловила низкий уровень профессиональной квалификации основной массы советского учительства. Рабоче-крестьянская молодежь, составившая его основу, не имела достаточного образовательного и культурного уровня, а всевозможные курсы и рабфак не могли компенсировать имеющиеся

«пробелы» в знаниях. Политика классового отбора, направленная на пролетаризацию учительства, привела к изменению его социального состава, однако снизила уровень профессиональной подготовки новых педагогических работников.

2.2. Студенческие чистки как форма «позитивной дискриминации»

Политика пролетаризации педагогического образования осуществлялась не только за счет активного привлечения в учебные заведения рабоче-крестьянской молодежи, но и так называемых студенческих «чисток». Их суть состояла в выявлении и отчислении из учебных заведений «социально чуждых элементов» - «антисоветского», «буржуазного студенчества», с целью пролетаризации студенчества. К «социально чуждым элементам», по мимо бывших привилегированных сословий – дворянство, буржуазия, духовенство, относили зажиточное крестьянство, представителей новой буржуазии – нэпманов, участников «белого» движения, а также выходцев из среды «старой» интеллигенции.

В основе так называемой позитивной дискриминации лежало восприятие советской властью вузов не только как крупнейших образовательных учреждений, но и центров воспитания активных строителей социализма. На учащуюся молодежь возлагались особые надежды. Как отмечал В.И. Ленин «предстоит настоящая задача создания коммунистического общества»³²¹. Однако, с ее точки зрения, не каждый студент мог быть ценным для советского государства специалистом. В этой связи на протяжении 1920-х гг. в вузах страны прошли академические и качественные проверки студенческого состава. Всего исследователи выделяют четыре волны чисток (1922, 1924, 1925 и 1929 гг.)³²².

³²¹ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи (Речь на 3-м Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 41. М., 1970. С. 298.

³²² Толчком к проведению студенческих чисток стали массовые студенческие демонстрации и забастовки в крупных городах в 1920-1921 гг. Студенты требовали освобождения политзаключенных, предоставления

Следует отметить, что первая волна студенческих чисток на территории Кубано-Черноморской области началась раньше их официального проведения в Советской России, что было связано с восприятием региона как одного из главных центров белого движения в годы Гражданской войны. Она была связана с формированием осенью 1921 г. комиссии по перерегистрации студентов³²³.

Первая волна «чисток», официально именуемая перерегистрацией, началась в 1922 г. и была в значительной степени спровоцирована студенческими демонстрациями протеста в 1921 г. и «эсеровским засильем» в столичных вузах. Официальное Положение, утвержденное гравпрофобром, было опубликовано 24 марта 1922 г. Согласно ему, необходимо было отчислить неуспевающих студентов по причине сокращения числа ВУЗов. Очевидно, что власти пытались преподнести «студенческие чистки», имевшие политический характер, как действия, направленные на «освобождение от не занимающихся и неуспевающих студентов в связи с сокращением сети вузов».

Она, конечно же, вписывалась в общую экономическую конъюнктуру начала 1920-х гг. С началом перехода к новой экономической политике государственные затраты на образование были значительно сокращены, что естественным образом привело к необходимости сокращения численности студентов. Социальные ориентиры новой власти обусловили решение данной проблемы за счет исключения из вузов и техникумов социально чуждых советской власти элементов. Исключая из числа студентов институтов и техникумов неблагонадежных студентов, государство одновременно решало вопрос недостатка финансирования системы образования.

реальных, а не декларируемых, демократических свобод, перевыборов Советов при тайном голосовании, избавления вузовских программ от излишней политизации и т.п. Участвовавшая в них студенческая молодежь подверглась жесточайшим репрессиям. Эти события заставили власти обратить особое внимание на интеллигентскую молодежь, заполнившую высшие учебные заведения. По справедливому суждению А. Рожкова «большевики не могли позволить такой молодежи окончить высшую школу и поставить тем самым под удар решение задач пролетарской революции». (Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2016. С. 19).

³²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 77. Л. 11.

Для проведения студенческих чисток в учебных заведениях создавались специальные комиссии, на которые возлагалась ответственность градации студенческого состава на основе академической успеваемости и социальной принадлежности студентов. В свою очередь, последние обязаны были предоставить комиссиям подробные анкеты, подтверждающие их социальное происхождение и трудовую деятельность. Кроме того, все студенты, кроме членов РКП и РКСМ к началу учебного года были «обязаны предоставить отзыв ГПУ по месту нахождения вуза о лояльном отношении к советской власти»³²⁴.

По итогам анализа личных дел студентов комиссии составляли списки на отчисление. Ряду студентов предлагалось предоставить дополнительные документы (командировку на обучение, поручительство 3 членов ВКП(б) и т.п.). Кандидатам на отчисление просто было необходимо забрать документы, причина как правило, не объяснялась. Чтобы исключить в последующем возможность их поступления в администрации учебных заведений страны направлялись списки бывших студентов, которые не могли быть приняты в вузы³²⁵.

Несмотря на восприятие центральными властями Кубано-Черноморской области как «оплота белогвардейщины», анализ состава студенчества Кубанского государственного педагогического института показал, что в нем классово чуждые советской власти элементы составляли в нем «значительное меньшинство»³²⁶. Тем не менее, участники собрания бюро РКП(б) вуза в связи с тем, что деятельность пединститута финансируется государством и пролетариатом России, пришли к заключению о необходимости провести чистку студенчества и направить в областной партийный комитет соответствующее ходатайство³²⁷.

³²⁴ Тополянский В.Д. Вожди в законе. Очерки физиономии власти. М., 1996. С. 70.

³²⁵ ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 996. Л. 35, 36.

³²⁶ ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 2.

³²⁷ Там же. Л. 4.

К сожалению, данные о количестве отчисленных студентов Кубанского государственного педагогического института в ходе чистки 1922 г. отсутствуют. Представить среднестатистические масштабы «чистки» 1922 г. позволяют данные статистики по РСФСР. Согласно отчетам о чистке, предоставленных к весне 1923 г. сорока семью вузами, из них было отчислено 4 тысячи студентов, что составляло 11% всего студенческого состава³²⁸. Возможно предположить, что в данных пределах было число отчисленных из единственного педагогического Вуза Кубано-Черноморской области.

Несмотря на то, что студенческие чистки были инициированы и регламентировались из центра широкое распространение имели случаи, когда местные партийные организации и вузовские ячейки провоцировали их разрастание. Так бюро коммунистического студенчества Кубани в 1923 г. выступило с предложением о проведении в Кубано-Черноморской области перманентной студенческой чистки. Необходимость ее проведения связывалось с тем, что в учебных заведениях области продолжали сохраняться не выявленные контрреволюционные элементы. Для их выявления предлагалось создать специальную постоянно действующую комиссию³²⁹.

Самая масштабная студенческая чистка, получившая название - академическая прошла в 1924 г. Поводом к ее началу стало участие части студентов в политических «баталиях» первой половины 1920-х гг. на стороне левой оппозиции. Вопрос о необходимости проведения чистки студенческого состава был вынесен в публичную плоскость заведующим Главным управлением профессионального образования НКП РСФСР И.И. Ходоровским. Под его авторством 30 апреля 1924 г. на страницах главной советской газеты «Правда» была опубликована статья «К проверке состава студенчества». В ней необходимость проведения студенческой чистки

³²⁸ Валуев Д.В. Социальная дискриминация в системе образования в первые десятилетия советской власти (на примере смоленских вузов) // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 34.

³²⁹ Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 225.

публично связывалась с переполнением сверх всякой мыслимой нормы вузов вследствие которой была низкая успеваемость значительного числа студентов и невозможность перехода к более прогрессивным методикам преподавания. Выход из сложившейся ситуации виделся в сокращении приема и «пересмотре наличного состава студенчества в целях избавления наших вузов от балласта»³³⁰. Таким образом, публично была озвучена необходимость академической студенческой чистки. Однако главной причиной новой чистки была пролетаризация учебных заведений. Согласно утвержденной 29 апреля 1924 г. Президиумом коллегии Народного комиссариата просвещения секретной инструкции «О проведении качественной проверки вузов РСФСР» исключению из вуза подлежали студенты, проявившие себя как элемент враждебно настроенный к политике советской власти и пролетаризации Вузов³³¹.

До начала чистки в 1924 г. был издан еще целый ряд постановлений и инструкций, уточняющий механизм ее осуществления. Примечательно, что данные инструкции содержали конкретные рекомендации относительно количества студентов, подлежащих отчислению. По всей стране оно должно было составить не менее 30 000, из них 20-25 % должны были быть студенты педагогических вузов³³².

16 мая 1924 г. СНК РСФСР в целях приведения контингента студентов в соответствие с имеющимися материальными ресурсами принял Декрет «О сокращении наличного количества учащихся в высших учебных заведениях РСФСР». В нем раскрывался истинный смысл академической чистки. В частности, в нем содержалось указание на то, что сокращение количества учащихся по линии проверки их академической успешности производилось с тем, чтобы по отношению к пролетарскому студенчеству были допущены

³³⁰ Ходоровский И.И. К проверке состава студенчества // Правда. 1924. 30 апреля.

³³¹ ГАРО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 58. Л. 7 об.

³³² Там же. Л. 24.

возможные преимущества и льготы³³³. Согласно секретной инструкции «О проведении качественной проверки вузов РСФСР» в отношении учащихся из рабоче-крестьянской среды допускались послабления в академических требованиях, в отличие от студентов, происходивших из буржуазной социальной среды. К последним предъявлялось требование полной академической успешности³³⁴. В результате случаи отчисления студентов из рабоче-крестьянской среды за академическую неуспеваемость носили исключительный характер и имели место только в том случае, если устанавливалось, что они никак не могли освоить курс вузовской программы.

23 мая 1924 г. Коллегией Народного комиссариата просвещения было принято Постановление «О «чистках» в вузах, рабфаках, и техникумах». В нем были отмечены уже достигнутые успехи в пролетаризации студенческого состава вузов, техникумов и рабфаков и формулировалась задача дальнейшего «расширения и углубления этих успехов», с целью значительного усиления «рабоче-крестьянского ядра» в учебных заведениях. В этой связи предписывалось особое значение придавать «последовательному отбору в классовом отношении вновь поступающих...и борьбе против отсева пролетарско-крестьянской части учащихся...»³³⁵. Наряду с неуспевающими студентами, исключению из учебных заведений подлежали лица, «лишенные избирательных прав...; лица, намеренно скрывающие при поступлении в учебное заведение свое социальное происхождение или социальное положение; лица, обнаружившие антисоветское поведение во время пребывания в учебном заведении, выражающееся в выступлениях, враждебных советскому государству, а также в активном антисемитизме; лица, осужденные за уголовные преступления»³³⁶.

³³³ Декрет Совета Народных Комиссаров. О сокращении наличного количества учащихся в высших учебных заведениях РСФСР. Утвержден 16 мая 1924 г. // Сборник узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1924 г. № 47-72. Отдел первый. С. 614.

³³⁴ Инструкция о проведении качественной проверки студентов ВУЗов РСФСР // ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 280. Л. 1.

³³⁵ Цит. по Фоминых С.Ф., Шандала Д.Е. «Чистка» студентов в Томском государственном университете в конце 1920-х гг. как инструмент пролетаризации высшей школы // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 178.

³³⁶ Там же. 180.

Анализ текстов отчетов о работе комиссий по чистке позволяет сделать вывод о том, что классовый подход в их работе при отборе кандидатур на отчисление был определяющим. Обязанность по информированию комиссий по чисткам о классово чуждом социальном происхождении студентов возлагалась на коммунистические ячейки педагогических учебных заведений. Примечательно, что накануне студенческой чистки 1924 г. ячейка РКП(б) Кубанского государственного педагогического института, как и в ходе чистки 1922 г., отметила, что «в составе студенчества имеется значительное меньшинство непролетарского элемента с буржуазной идеологией. Поскольку студенчество содержится средствами, отпускаемыми пролетариатом России, считать необходимым срочно провести серьезную чистку студенчества, о чем возбудить ходатайство перед облисполкомом РКП(б) через бюро Вуз»³³⁷.

В отличие от первой чистки, в директивах, регламентирующих академическую чистку 1924 г., содержалась рекомендация особенно осторожном относиться к решению об исключении студентов и учащихся выпускного курса. В связи с этим обстоятельством Партбюро ячейки РКП(б) Кубанского государственного педагогического института поставило перед облисполкомом и Главполитпрофбюро вопрос о необходимости пересмотра решения относительно списка студентов IV курса, прошедших чистку и проведения вторичного пересмотра комиссии. Для пересмотра качественного состава студентов IV курса предлагалось собрать дополнительный материал и написать характеристики на всех студентов³³⁸.

Решения об исключении учащихся, принятые правлением вузов и профкомами, могли быть обжалованы посредством подачи заявлений на имя уполномоченных Народного Комиссариата просвещения по вузам и заведующим краевых, областных и местных отделов народного образования. Их решения признавались окончательными³³⁹.

³³⁷ ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

³³⁸ Там же. Л. 16.

³³⁹ «Вычищенные» студенты активно пользовались своим правом на апелляцию решения комиссии по чистке. По сведениям ОГПУ, комиссии в некоторых вузах принимали первоначально необоснованные решения, «рубил сплеча», исключая до 80 % студенческого состава. В последующем, после

Многие «вычищенные» из Кубанского государственного педагогического института студенты обжаловали решения об исключении из вуза и были восстановлены Краевой тройкой. Подобные решения подвергались критике со стороны Городского совета по народному образованию³⁴⁰.

Отношение учащихся к студенческим чисткам было различным. Оно в значительной степени определялось их социальным происхождением. Студенчество, происходившее из рабоче-крестьянской среды, как правило, относилось к ним положительно и даже оказывало активное содействие в их проведении. По понятным причинам противниками чистки являлись учащиеся непролетарского происхождения – выходцы из интеллигентской и мелкобуржуазной среды. Самыми активными поборниками «классовой чистоты» советского студенчества были студенты, состоявшие в рядах РКП (б). Зачастую именно они, выступали инициаторами чисток.

Вторая волна чисток плавно переросла в чистку 1925 г., которая активно освещалась в общесоюзной и региональной прессе. Газета «Правда», повествуя своим читателям о ходе чистки указывала «Требование полной академической успешности предъявлять лишь к буржуазии и интеллигенции»³⁴¹.

Отчисленные студенты часто пользовались своим правом на подачу апелляционной жалобы. Дела об отчислении пересматривались по нескольким основаниям. «Вычищенный» студент должен был или подтвердить свое рабоче-крестьянское происхождение. В противном случае необходимо было доказать, что он не поддерживает связи со своей семьей или что, его родители сменили род своей деятельности и пополнили ряды «трудовых» сословий³⁴². Еще одним способом сохранить студенческий билет являлось – саморазоблачение. Доносившие на себя студенты «амнистировались» и сохраняли возможность остаться в стенах вуза.

соответствующих пояснений и указаний «сверху» они с таким же энтузиазмом восстановили чуть ли не до 90 % исключенных студентов (Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 231).

³⁴⁰ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 69. Л. 5.

³⁴¹ Варшавский С. Разгром университетов // Студенческие годы. 1925. № 4. С. 22.

³⁴² Валуев Д.В. Социальная дискриминация в системе образования в первые десятилетия советской власти (на примере смоленских вузов) // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 34.

Последняя студенческая чистка 1929 г. была вызвана борьбой с крестьянами, выступившими против колхозного строительства. Она получила название «партийно-комсомольской». Непосредственным поводом к ее началу послужило «Шахтинское дело». Чистка 1929 г. совпала с чисткой в партии и комсомоле и получила название «партийно-комсомольской». Она предполагала одновременно исключение «чуждых элементов» из учебного заведения, партии и комсомола. Однако подобная направленность не означала ее незначительных масштабов, так как по официальным данным от 40 до 60 % студентов конца 20-х гг. XX в. являлись членами партии или комсомола³⁴³. В подборе кандидатур для вычистки из стен ВУЗа, партии, комсомола принимали активное участие сами студенты – комсомольцы. Ход очищения студенческих рядов широко освещался в прессе. Заголовки статей того времени гласили: «Рубнув с плеча, попали в палача», «Сбросим балласт» и т. д.

Следует отметить, что чистка 1929 г. не была столь же массовой как предшествующие чистки 1922, 1924 и 1925 гг. Принятию решения об исключении из учебного заведения более основательная предварительная работа.

Существенным отличием данной чистки от предыдущих, заключалось и в ее публичности. На общее собрание студентов, в том числе не состоящих в рядах комсомола и не являющихся членами партии, приглашались заранее отобранные «товарищи». Заслушивались обвинения в их адрес «вычищаемых», после чего зачитывалась автобиография. Вызванный студент высказывал свои возражения и пояснения. В ходе обсуждения приглашенному «товарищу» могли задаваться вопросы, касающиеся его политических взглядов, понимания действий партийного руководства и т. п. Решение об отчислении принимала «цеховая тройка» после чего его утверждала Центральная комиссия. Зачастую решения, принятые в ВУЗе

³⁴³ Овсянников К.М. Классовая борьба в высшей школе и задачи комсомола / К. Овсянников. М., 1931. С. 39, 42, 43.

существенно корректировались комиссией. Решение об отчислении могло быть не утверждено или заменено иным взысканием.

Изучение протоколов бюро ячейки ВКП(б) Кубанского государственного педагогического института приводит к выводу об отсутствии объективной необходимости в проведении масштабной чистки студенческого состава. Результаты его обследования показали, что основная масса студенчества предана идеалам советского государства и активно участвует в общественной работе и лишь незначительная часть представлена классово чуждым советской власти элементом. По свидетельству ячейки ВКП(б) вуза «эта группа себя активно не проявляет, занимается исключительно академической работой. Наблюдаются единицы антисоветски настроенных, которые активно себя проявляют»³⁴⁴. Тем не менее, бюро ячейки ВКП(б) пединститута постановило «продолжить работу по очистке вуза от чуждого элемента, скрывающего свое социальное прошлое»³⁴⁵ и призвало «всех членов партии еще теснее слиться сейчас вокруг ленинского ЦК и вести неустанную борьбу не только с правыми и левыми уклонами, но с не меньшей энергией и их ближайшими друзьями, примиренцами, которые пытаются увлечь рабочий класс от генеральной ленинской линии ЦК в болото мелкобуржуазного оппортунизма»³⁴⁶. Это являлось свидетельством того, что в ходе чистки применялся «универсалистский подход» не учитывавший реальную академическую и социальную необходимость ее проведения в каждом отдельно взятом вузе или регионе страны.

Следует учитывать, что политику исключения из институтов и техникумов лиц чуждых советской власти по происхождению зачастую поддерживали и направляли сами студенты, требуя «очистить» их учебное учреждение. Так на рубеже 1928/29 гг. кубанские студенты написали коллективное письмо в редакцию газеты «Правда», в котором обвинили в инакомыслии не только своих однокурсников, но и ректора ВУЗа, а также ряд

³⁴⁴ ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

³⁴⁵ ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.

³⁴⁶ ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 14. Л. 27.

профессоров и ассистентов. «Из... 100 чел. профессоров, доцентов, ассистентов, лаборантов, аспирантов примерно 60 чел. относятся к группе реакционеров, черносотенцев». В заключении своего послания студенты резюмировали: «Считаем необходимым создание особой комиссии из центра... <для> проведения чистки вуза ...»³⁴⁷.

В начале 1930-х гг. новая власть отказывается от масштабной пролетаризации студенческого состава вузов и техникумов и студенческих чисток как одного из ее инструментов. Однако, отказавшись от чисток как способа пролетаризации студенчества, власть установила обязательные «социальные нормы приема» в высшие и средние учебные заведения, согласно «квотам» Народного комиссариата просвещения. Так в педагогических вузах она составила 40 % рабочих и 20 % крестьян³⁴⁸.

«... В период с 1932 г. происходит отказ от позитивной дискриминации в образовании в направлении равенства возможностей, академических критериев и меритократических принципов при приеме в вузы. Образовательная идеология переориентируется на отбор лучших по способностям, талантам, трудолюбие взамен социального происхождения»³⁴⁹. Постановление ЦИК и СНК СССР о новых правилах приема в высшие учебные заведения и техникумы, утвержденное в декабре 1935 г. отменило все ограничения, связанные с социальным происхождением поступающих в них лиц или с ограничением в правах их родителей.

С окончанием широкомасштабных чисток студенческой и преподавательской среды с позиции классового подхода политика пролетаризации продолжит свое существование в рамках репрессий второй половины 30-х гг. XX века. В ходе репрессий 1937 г. в Краснодарском педагогическом и учительском институте после окончания следствия и суда над ректором И.Н. Баговым продолжилась работа по «выкорчевыванию» его

³⁴⁷ ГАКК. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 525. Л. 77-83.

³⁴⁸ Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 217.

³⁴⁹ Шпаковская Л.Л. Советская образовательная политика: социальная инженерия и классовая борьба // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 1. С. 47-48.

приспешников. Так был исключен из членов партии и числа руководства комсомольской организации студент Пищалкин, который «скрыл <информацию> о службе отца в белой гвардии». Также в комсомольской организации пединститута были «разоблачены» студенты Шлюгер, Кузнецов, Метенин и др.³⁵⁰.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что студенческие чистки 1920-х гг. стали важным средством пролетаризации педагогических кадров. Изначально в них не было заложено четкого разграничения между классовым и академическим подходом, что превратило их в форму политической борьбы против социально чуждых советской власти элементов. Их систематическое выявление способствовало развитию в студенческой среде нездоровой атмосферы страха и доносительства.

По сути своей студенческие чистки, имевшие целью дискриминацию студентов «непролетарского» происхождения, отрицательно сказались на среднем уровне подготовки выпускаемых вузами Кубани педагогов. Кроме того, школы недополучили значительный процент подготовленных специалистов. Зачастую студенты отчислялись с выпускного курса института. В тоже время поставленная руководством страны цель – пролетаризация студенчества, была достигнута.

2.3. Массовая подготовки национальных педагогических кадров в рамках политики коренизации

Учитывая многонациональный состав населения Кубани и Адыгеи, важнейшим аспектом развития педагогического образования стала массовая подготовка национальных педагогических кадров. С начала 1920-х гг. и до середины 1930-х гг. она осуществлялась в рамках политики коренизации,

³⁵⁰ Андреев А. До конца выкорчевать вражеское охвостье в пединституте // Красное знамя. 1937. 15 августа. С 3.

осуществлявшейся на общегосударственном уровне³⁵¹. В контексте темы диссертационного исследования особый интерес представляет такой аспект коренизации как коренизация школы, предполагавшая организацию обучения на национальных языках и массовую подготовку национальных педагогических кадров.

Политика коренизации встала на политическую повестку дня в начале 1920-х гг. не случайно. Она была тесным образом связана с национальной политикой советской власти. Большевики осознавали непрочность советской власти на национальных окраинах и настороженность по отношению к ней нерусского населения с её выраженной «русской» языковой и этнокультурной доминантой. Лидеры большевиков понимали, что для того, чтобы советская власть стала «родной и близкой» для широких масс трудящихся национальностей нерусского языка, она должна быть понятной им. Это предполагало формирование органов власти, хозяйства и т.п. «по возможности из местных людей, знающих быт, нравы, обычаи, язык местного населения ... только таким путем можно сделать советскую власть понятной и близкой для трудящихся масс окраин»³⁵². Продвижение национальных кадров во все государственной жизни рассматривалось как важнейшее условие ликвидации фактического национального неравенства и формирования позитивного отношения к советской власти среди нерусских народов³⁵³.

Подготовка национальных педагогических кадров в рамках политики коренизации приобрела большое политическое значение, так как школа и система образования в целом рассматривались новой властью как важнейший

³⁵¹ Коренизация представляла собой политику советской власти в национальном вопросе, проводившуюся в 1920-е и в первой половине 1930-х годов, направленную на сглаживание противоречий между центральной властью и национальностями нерусского языка. Суть ее заключалась в подготовке и продвижении на руководящие должности представителей местных национальностей, создании национально-территориальных автономий, внедрении языков национальных меньшинств в образование и делопроизводство, создании национальных школ и национальной письменности для бесписьменных народов РСФСР.

³⁵² Сталин И.В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Правда. 1920. 10 октября.

³⁵³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 5. М., 1930. С. 366.

канал агитационно-пропагандисткой деятельности, позволявший воспитать «новую породу людей», проникнутую социалистическими идеалами³⁵⁴.

Острая потребность в массовой подготовке национальных педагогических кадров была связана с задачей развития национальной школы с преподаванием всех учебных дисциплин на родном языке учащихся. Организация обучения на родном языке рассматривалась как основополагающий принцип методически правильной постановки дела в советской школе, который должен был быть положен в основу всей работы среди национальных меньшинств³⁵⁵. Данный подход был закреплён в Постановлении Народного комиссариата просвещения, принятом в октябре 1918 г. В нём, в частности, отмечалось: «Все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации на своём языке на обеих ступенях единой трудовой и в высшей школе»³⁵⁶.

Организация обучения на родном языке должна была избавить национальности нерусского языка от предубеждения в отношении советской трудовой школы как «русской» и обеспечить образованию массовость. Однако коренизация школы на Кубани и в Адыгее, как и в целом по стране, была затруднена крайним недостатком национальных педагогических кадров.

Учитывая национальный состав населения Кубани и Адыгеи в рамках данного раздела работы, исследовательское внимание будет сосредоточено на подготовке национальных кадров специалистов для украинских и адыгейских национальных школ. При этом следует отметить, что составным элементом всесоюзной политики коренизации в отношении украинского населения страны стала политика украинизации³⁵⁷.

На первых порах для быстрого удовлетворения первоначальной потребности школ Кубано-Черноморской области в национальных

³⁵⁴ Емтыль З. Я. Развитие педагогического образования на Кубани и в Адыгее в 20-е гг. XX века // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14. № 3. С. 31.

³⁵⁵ Культурное строительство в РСФСР. Т. 2. Ч. 1: 1928-1941. М., 1984. С. 61.

³⁵⁶ Революция и культура. 1928. 15 ноября. С. 25.

³⁵⁷ Украинизация - государственная политика, проводившаяся в СССР с начала 1920-х до 1932 г. по внедрению украинского языка и культуры в образование, печать и госаппарат УССР и других местах компактного проживания украинцев в РСФСР.

педагогических кадрах стали организовываться краткосрочные учительские курсы. В отчете отдела народного образования Кубано-Черноморской области о состоянии народного образования среди горцев от 1 ноября 1921 г. содержатся сведения об организации в текущем году 4-х краткосрочных курсов для украинцев, греков и горцев, через которые прошло 280 слушателей. Из них выпущено с правом допущения к преподавательской деятельности: украинцев – 138, греков – 24, горцев – 28. В качестве препятствия в подготовке школьных работников было отмечено полное отсутствие литературы и учебников на языках различных национальностей³⁵⁸.

Большую работу по организации курсовой подготовке учителей для украинских школ вел Кубано-Черноморский областной Украинский педтехникум, основанный в 1921 г. Первые учительские курсы при нем были организованы уже в 1921 г. Согласно Положения «О летних краткосрочных курсах в станице Полтавской» обучение проходило в два потока. На каждом потоке подготовку проходили 120 человек обоих полов. Преподавание велось на украинском языке. Преподавание на русском языке допускалось только в исключительных случаях.

Программа курсов была достаточно обширная и включала изучение психологии (общей, школьной, детской возрастной), гигиены, трудовой школы и трудового производства; социальных наук (политическая экономия, теория социализма и коммунизма, история), Конституции РСФСР и УССР, русского языка и литературы, математики, естествознания, украинского языка и литературы, кубановедения, истории и географии Украины, сельхозкооперации и пения. Всем будущим школьным работникам преподавалась педагогика и методика преподавания всех предметов.

Курсовая подготовка предполагала проведение теоретических занятий (до 5 часов в день) и практических занятий (до 8-ми часов в день). Учащимся

³⁵⁸ ГАКК. Ф. Р-365. Оп.1. Д. 244. Л. 61-63.

предоставлялась возможность проживания в общежитии техникума. После успешной сдачи коллоквиума выпускники принимались в техникум.

На организацию летних краткосрочных курсов при Украинском педагогическом техникуме в станице Полтавской была выделена внушительная по меркам того времени сумма в размере 228 тысяч 339 рублей. Кроме того, преподавателям курсов выделялись специальные продовольственные пайки³⁵⁹.

Наряду с Украинским педагогическим техникумом в станице Полтавской на основании Постановления Президиума Краевого совета народного просвещения для организации подготовки учителей украинских школ I-й ступени курсы по подготовке украинских учителей были открыты при Кубанском педагогическом техникуме в г. Краснодаре и Кушевском педагогическом техникуме в станице Кушевской. Они позволили обеспечить массовую подготовку учителей для украинских школ. Согласно данным, представленным в Бюллетени Северо-Кавказского краевого совета народного просвещения в 1930 г. курсовую подготовку для работы в украинских школах в Полтавском педтехникуме прошел 61 слушатель, в Кубанском – 61, Кушевском – 75³⁶⁰.

С 1922 г. ежегодно в каникулярный период в Краснодаре стали организовываться краткосрочные курсы по подготовке национальных педагогических кадров и усовершенствования учителей для национальных школ Адыго-Черкесской автономной области. Областные власти придавали большое значение их организации в условиях отсутствия необходимого контингента «предварительного подготовленного материала» для вузов³⁶¹.

Вопросы организации курсовой подготовки учителей находились в поле постоянного внимания партийных и советских органов области. Первый пленум областного Оргбюро РКП(б), состоявшийся 6-10 марта 1923 г.,

³⁵⁹ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 577. Л. 11.

³⁶⁰ Бюллетень Северо-Кавказского краевого совета народного просвещения. 1930. № 4. С. 13-14.

³⁶¹ Культурное строительство Адыгеи. (1922-1937 гг.): Сборник документов и материалов / Под ред. А. О. Хоретлева. С. 149.

рассмотрев состояние народного образования, отметил острую нехватку учителей в связи с чем одной из мер по преодолению данной проблемы было решено в каникулярное время организовывать 2-месячные учительские курсы «для основательного ознакомления учителей с принципами единой трудовой школы и подготовки новых учителей»³⁶². В резолюции II Краевой конференции по просвещению горских народностей» от 8 сентября 1925 г. для практического осуществления в жизнь основ национальной школы признавалось необходимым «продолжить по примеру прошлых лет неустанную работу по подготовке новых кадров учителей националов из передовой интеллигенции горцев», путем организации длительных учительских курсов³⁶³.

Местные власти серьезно относились к отбору курсантов. В информационном отчете областного оргбюро РКП(б) о подготовке национальных педагогических кадров за июль-август 1924 г. приводятся сведения о половозрастном и социальном составе слушателей. Слушатели курсов происходили из середняцкой и бедняцкой крестьянской среды. Их возраст колебался от 17-ти до 42-х лет, из них 1 женщина. Примечательно, что в основной массе, курсанты не имели ранее опыта педагогической деятельности, а уровень их образования ограничивался школой первой ступени³⁶⁴.

Получившая широкое распространение практика подготовки учителей для национальных адыгских школ через краткосрочные курсы сопровождалась заслуженной критикой. В программе учительских курсов отсутствовали такие важные дисциплины как педагогика и методика. На основе анализа сложившейся в Адыго-Черкесской автономной области практики подготовки национальных педагогических кадров через краткосрочные курсы заведующий областного отдела народного образования,

³⁶² Кубов Ч.Ч. Указ. соч. С. 366.

³⁶³ Культурное строительство Адыгеи. (1922-1937 гг.): Сборник документов и материалов / Под ред. А. О. Хоретлева. С. 88.

³⁶⁴ Там же. С. 74.

крупный адыгский просветитель С. Сиюхов пришел к выводу о том, что подготовка учителей-черкесов, прошедших учительские курсы является слабой как в теоретическом, так и практическом плане. В качестве единственного профессионального достоинства выпускников курсов он отметил преданность делу³⁶⁵. Большинство выпускников курсов не имели знаний даже в объеме школы первой ступени. В этой связи на II краевой конференции по просвещению горских народностей, состоявшейся в сентябре 1925 г. было признано необходимым организацию длительных курсов по подготовке учителей, в особенности горцев³⁶⁶.

Несмотря на предпринимавшиеся усилия по повышению качества курсовой подготовки учителей Постановление пленума комитета по просвещению национальных меньшинств народного комиссариата просвещения РСФСР от 25 февраля 1933 г. по вопросу о подготовке национальных педагогических кадров, признало профессиональную подготовку учителей, окончивших курсы, неудовлетворительной³⁶⁷.

Широкое использование курсовой подготовки учителей для национальных школ, рассматривалось исключительно в качестве временной переходной формы подготовки национальных педагогических кадров. Важнейшим звеном в подготовке профессиональных педагогических кадров являлись педагогические институты.

Большую роль в коренизации педагогических кадров для национальных школ Кубани и Адыгеи играл Кубанский государственный педагогический институт, образованный в июле 1922 г. на базе Института народного образования. С самого начала в нем была организована масштабная работа по подготовке национальных педагогических кадров. Она реализовывалась в различных формах.

³⁶⁵ НАРА. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 14. Л. 19 об.

³⁶⁶ НАРА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 29. Л. 87.

³⁶⁷ Культурное строительство в РСФСР: документы и материалы (1917-1977). Т. 2. Ч. 1. Документы и материалы 1928-1941. М., 1984. С. 279.

Наиболее системный характер в Кубанском государственном педагогическом институте имела подготовка учителей для украинских школ. Изначально в структуре института наряду с литературно-лингвистическим, физико-техническим, естественным, общественно-экономическим и внешкольным отделениями было образовано украинское отделение имени Миколы Скрипника³⁶⁸. Свое название оно получило в честь крупного деятеля большевистской партии украинского происхождения М. Скрипника, являвшегося одним из главных проводников идеи украинизации Кубани.

Украинское отделение Краснодарского пединститута стало своеобразным центром украинской культуры и образования на Кубани³⁶⁹. Большой вклад в организацию работы украинского отделения внесли профессор И.В. Шаля³⁷⁰, доценты П.В. Гребенник³⁷¹, С.Г. Грушевский³⁷². Они же курировали вопросы украинизации школ на Кубани. Не смотря на их

³⁶⁸ Микола Скрипник (Николай Алексеевич Скрипник (1872-1933)) – являлся членом РСДРП(б), крупным деятелем революционного движения в России и Украине, государственным и политическим деятелем. В 1920-е гг. активно занимался разработкой теории национального вопроса, поиском путей оптимального решения украинской проблемы в процессе строительства социализма.

³⁶⁹ Алдакимова О. В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Сочи, 2004. С. 145.

³⁷⁰ Шаля (Шаль) Иван Васильевич – украинский языковед и педагог, выпускник Петроградского университета. В 1920-х гг. был профессором Кубанского государственного педагогического института, принимал активное участие в реализации программы украинизации школ Кубани. В соавторстве с другим ученым-языковедом П.В. Гребенником подготовил учебник «Українська мова. Практично-теоретичний курс», который выдержал 8 изданий.

И.В. Шаля совместно с доцентом П.В. Гребенником заключили с Краснодарским книжным издательством договор о выпуске учебников для украинских школ I и II ступени. В их числе был учебник «Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для станичних та хуторських шкіл північно-кавказького краю».

В январе 1933 г. арестован Коллегией ОГПУ, а 24 августа 1933 г. осужден на 10 лет по материалам уголовного дела «Союз Кубани и Украины». 9 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Приговор был исполнен в Карельской АССР (Сандармох) 3 ноября 1937 г. (Дроздов К.С. Украинский язык и особенности его преподавания в школах РСФСР в период проведения политики украинизации в 1920-1930-е гг. // Славянский альманах. 2017. № 1-2. С. 305.)

³⁷¹ Гребенник Петр Васильевич – ученый-филолог. В 1920-х гг. преподавал в Краснодарском государственном педагогическом институте на кафедре украинской литературы, принимал активное участие в украинизации школ Кубани. Являлся соавтором учебников по украинскому языку и литературе для украинских школ Кубани. В 1933 г., как и И.В. Шаля, был осужден на 8 лет по материалам уголовного дела «Союз Кубани и Украины». В 1960 г. был реабилитирован.

³⁷² Грушевский Сергей Григорьевич являлся племянником лидера украинофилов академика М.С. Грушевского. Был активным участником украинского национального движения. В Краснодарском пединституте заведовал кафедрой истории Украины, писал учебники для украинских национальных школ Кубани. В соавторстве директором пединститута В.Г. Козыревым в 1932 г. издал «План українзації Північно-Кавказського українського педагогічного інституту» по которому вуз с начала 1934 г. должен был полностью стать украинским.

Как и другие представители украинского национального движения С.Г. Грушевский был обвинен в буржуазном национализме и участии в деятельности антисоветской организации «Союз Кубани и Украины».

усилия кадровая ситуация в Краснодарском педагогическом институте в целом не отвечала требованиям эффективной подготовки учителей украинских национальных школ. В газете «Красное знамя» в октябре 1931 г. отмечалось, что «институтом много еще было недоделано в связи с украинизацией ... совершенно неблагополучно с профессорско-преподавательским составом: из 100 человек лишь 18 владеющих украинским языком»³⁷³.

На украинском отделении обучение будущих учителей происходило по двум формам – очной и заочной. Преподаватели украинского отделения, помимо работы в вузе, должны были способствовать повышению квалификации сельских учителей украинских школ, для чего обязаны были выезжать с лекциями в станицы Кубано-Черноморской области³⁷⁴.

Некоторые отличия от подготовки учителей для украинских школ в 1920-е гг. имела подготовка в Кубанском государственном педагогическом институте национальных педагогических кадров для Адыго-Черкесской автономной области. Она была гораздо более скромной по масштабам и осуществлялась в виде закрепления определенного количества мест за областью. В частности, в письме постоянного представительства Адыго-Черкесской автономной области при президиуме ВЦИКа Народному комиссариату просвещения с просьбой предоставить места в Вузах и рабфаках страны от 13 января 1927 г. шла речь о выделении 3 мест в Кубанском государственном педагогическом институте³⁷⁵. Такое малое количество мест было в значительной степени связано с отсутствием подготовленного к обучению в вузе контингента из адыгской национальной среды.

³⁷³ Красное знамя. 1931. 19 октября. С. 2.

³⁷⁴ Примечательно, что на совещании в 1931 г. Краевой совет народного просвещения поставил перед Кубанским государственным педагогическим институтом вопрос о введении украинского языка на всех старших курсах всех факультетов (Алдакимова О. В. Становление и развитие научно-педагогической идеи на примере функционирования национальной школы на Кубани в 20-30-е гг. XX века / Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 6-2. С. 41).

³⁷⁵ НАРА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 172. Л. 63.

Большой вклад в подготовку национальных педагогических кадров для Адыго-Черкесской автономной области внес Северо-Кавказский (Горский) педагогический институт во Владикавказе, созданный в 1922 г. на базе Горского института народного образования. В Положении Наркомпроса РСФСР об институте отмечалось, что Горский институт имеет целью создать кадры специалистов педагогов-обществоведов, в первую очередь из горских народов Северного Кавказа³⁷⁶.

Сложность коренизации педагогических кадров высшей квалификации для школ Кубани и Адыгеи была сопряжена не только с неразвитостью сети высших педагогических учебных заведений, но и крайне низким образовательным уровнем представителей национальностей нерусского языка. Это побудило центральные и местные органы власти к поиску специальных форм предварительной подготовки абитуриентов высших педагогических учебных заведений. Ими стали национальные отделения при рабфаках и постоянные подготовительные группы³⁷⁷.

Создание национальных отделений при рабфаках и национальных рабфаков в педагогических вузах регламентировалось Постановлением Совета народных комиссаров от 21 ноября 1925 г. Согласно ему, при Кубанском государственном педагогическом институте были открыты украинское и адыгейское отделения рабфака. Они осуществляли подготовку к поступлению в вузы молодых людей, не имевших законченного среднего образования³⁷⁸.

Помимо рабфака при Кубанском педагогическом институте значительное количество молодых людей из Адыго-Черкесской автономной области отправлялось на обучение на горский рабфак, действовавший при Северо-Кавказском (Горском) педагогическом институте во Владикавказе.

³⁷⁶ В 1924 г. Горский педагогический институт во Владикавказе был переведен на государственное финансирование (Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе: По материалам Даг., Кабард.-Балкар., Сев.-Осет. и Чеч.-Инг. С. 65-66).

³⁷⁷ Чашарина О.М. Вопросы формирования национально-технической интеллигенции на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С. 184.

³⁷⁸ Декрет Совета Народных Комиссаров. О подготовке преподавателей для школ национальностей нерусского языка. 21 ноября 1925 года // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1925. 2 декабря.

Стоит отметить, что число обучавшихся на адыгейском отделении рабфака Кубанского педагогического института и горском рабфаке Владикавказского педагогического института в 1920-х гг. было сопоставимы³⁷⁹.

Национальные горские рабфаки Северного Кавказа, на которых обучались в том числе адыгейские слушатели, имели существенные отличия по своей структуре и составу учащихся от рабфаков русских районов Северо-Кавказского края. «Благодаря подготовительным группам и другим льготам горские юноши и девушки получали возможность идти на рабфаки сразу же после окончания школы грамоты. Преимущественно крестьянский состав национальных рабфаков и горских отделений при общих рабфаках определялся тем, что для поступления на учебу юноше требовалось наличие стажа сельскохозяйственной работы в своем хозяйстве, которое, конечно, велось без применения наемного труда»³⁸⁰.

На места, закрепленные за национальными автономиями Северного Кавказа, должны были направляться только представители горских народов. В частности, в обращении к постоянному представителю Адыгейской автономной области при Президиуме ВЦИК от 4 февраля 1932 г. Народного комиссариата финансов содержалось строгое указание на то, чтобы предоставленные области места в учебных заведениях страны обязательно заполнялись «лицами основной национальности»³⁸¹. Со стороны центральных властей производился достаточно серьезный контроль за соблюдением данного требования, который позволял выявлять факты его нарушения и предпринимать меры по их устранению. Тем не менее, со стороны Адыгейского областного отдела народного образования имели место случаи нарушения данного требования. Они расценивались центральными

³⁷⁹ В 1927 на адыгейском отделении рабфака КГПИ было выделено 15 мест, а на горском рабфаке ВПИ 12 мест (НАРА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 172. Л. 63).

³⁸⁰ Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе: По материалам Даг., Кабард.-Балкар., Сев.-Осет. и Чеч.-Инг. АССР. С. 63.

³⁸¹ НАРА. Ф. Р-21. Оп.1. Д. 171. Л. 18.

властями как недопустимые и входившими в противоречие с политикой подготовки национальных кадров для Адыгейской автономной области³⁸².

Учитывая крайне низкий уровень образовательной подготовки национальностей нерусского языка, для поступающих на национальные отделения рабфаков были снижены требования. К примеру, на национальные отделения допускался прием лиц, окончивших только курсы ликбеза³⁸³ и школы грамоты³⁸⁴. Однако значительное снижение академических требований для поступающих на национальные отделения рабфаков не позволяло в полной мере решить проблему. В отличие от обычных рабфаков национальные отделения должны были брать во внимание языковые, культурные особенности обучающихся, и, что было не менее важно, более низкий уровень их образования, делавший актуальной более длительную подготовку. Учитывая культурную отсталость национальностей нерусского языка, помимо особых льготных условий приема на национальные отделения рабфаков, срок обучения на них был увеличен на 1 год³⁸⁵. На национальных отделениях рабфаков стали создаваться подготовительные группы. В результате общий срок обучения на дневном рабфаке увеличился до четырех лет. Программа обучения на национальных отделениях, учитывая национальный состав слушателей, включала не только изучение общеобразовательных дисциплин, но и курсы изучения русского языка как государственного.

В документации Совнацмена подчеркивалось, что «рабочие факультеты являются для нацмен учреждениями особенно ценными, так как являются ... тем самым основным руслом, по которому нацменменьшинства идут в вузы»³⁸⁶.

³⁸² Саламатин М. Дать решительный отпор оппортунистам, срывающим подготовку национальных кадров и проведение коренизации в Черкессии // Революция и горец. 1933. № 6-7. С. 80.

³⁸³ Панин Е.В. Становление системы национальных рабфаков в советской России // Известия Московского государственного технологического университета «МАМИ». 2013. № 1 (15). Т. 6. С. 114.

³⁸⁴ Каймарзов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе: По материалам Даг., Кабард.-Балкар., Сев.-Осет. и Чеч.-Инг. АССР. С. 63.

³⁸⁵ ГАРФ. Ф. 296. Оп.1. Д. 90. Л. 59.

³⁸⁶ ГАРФ. Ф. 296. Оп.1. Д. 90. Л. 59 об.

К началу 1930-х гг. адыгейское и украинское отделения Краснодарского педагогического рабфака значительно увеличили число обучавшихся. В 1933 г. в нем обучалось 25 адыгейцев и 39 украинцев³⁸⁷.

Таким образом, национальные отделения рабфаков позволяли повысить социальную мобильность нерусских народов, приобщить их к высшему образованию и создать условия для реализации политики коренизации педагогических кадров в рамках культурной революции. Вместе с тем снижение требований при поступлении к базовой подготовке представителей национальностей нерусского языка негативно отражалось на качестве и результатах образовательной деятельности. Выпускники национальных рабфаков зачастую оказывались неподготовленными к восприятию сложных профессиональных знаний.

Практика подготовки национальных кадров высшей квалификации через национальные отделения рабфаков была настолько удобной и соответствовала существующей социокультурной ситуации, что руководство Адыго-Черкесской автономной области настаивало на увеличении мест, закрепленных за областью. По мимо обучения на национальном отделении рабфака Кубанского государственного педагогического института у адыгов, как и других народов Северного Кавказа существовала возможность поступления на горские рабфаки, отрывавшиеся при высших учебных заведениях северокавказского региона. Горские рабфаки позволяли ускорить обучение горской молодежи для ликвидации отставания в образовании³⁸⁸.

Наряду с открытием национальных рабфаков и подготовительных групп в педагогических вузах региональными властями предпринимались дополнительные меры по подготовке к поступлению в вузы и на рабфаки. Для создания национальных педагогических кадров решением областного обкома партии Адыго-Черкесской автономной области для адыгейской

³⁸⁷ ГАРФ. Ф. 296. Оп.1. Д. 90. Л. 59 об.

³⁸⁸ Горские рабфаки действовали с 1920-х до 1940 г. и сыграли значительную роль в подготовке социалистической интеллигенции в национальных образованиях Северного Кавказа.

молодежи во второй половине 1920-х гг. регулярно проводились курсы по подготовке к поступлению в вузы³⁸⁹.

Наиболее масштабный характер коренизация педагогических кадров приобрела через систему среднего профессионального образования. Главной кузницей национальных педагогических кадров в 1920-х - 1930-х гг. являлись педагогические техникумы. Наркомпрос рекомендовал «всемерно облегчить поступление в эти техникумы ... представителей национальных меньшинств, обеспечивая их на время пребывания необходимым числом стипендий и общежитий»³⁹⁰.

Открытие первого национального педагогического техникума на территории Кубано-Черноморской области происходило в рамках реализации политики украинизации. На основании распоряжения Народного комиссариата просвещения от 5 августа 1921 г. в станице Полтавской на базе преобразования 3-х годичных педагогических курсов был открыт 4-х летний Украинский педагогический техникум для подготовки школьных и дошкольных работников среди украинского населения области³⁹¹. Для организации педагогической практики и апробации учебно-методических разработок в качестве учебной базы за техникумом была закреплена школа № 5 I -й ступени в станицы Полтавской. Процесс обучения и в техникуме, и в базовой школе происходил на украинском языке³⁹². Учитывая низкий уровень образовательной подготовки украиноязычного населения области, при техникуме действовали подготовительные курсы. Вслед за Полтавским педагогическим техникумом были открыты педагогические техникумы в Екатеринодаре и станице Куцевской, которые вели масштабную подготовку

³⁸⁹ Кубов Ч.Ч. Указ. соч. С. 370.

³⁹⁰ Культурное строительство в РСФСР / Главное архивное управление при Совете Министров РСФСР, Центральный государственный архив РСФСР; гл. ред. Ким М.П. М., 1983. С. 62.

³⁹¹ ГАКК. Ф. Р. -365. Оп. 1. Д. 573. Л. 2.

³⁹² ГАКК. Ф. Р.-365. Оп. 1. Д. 577. Л. 11.

учителей для украинских школ. В начале 1930-х гг. на территории Кубани уже функционировало 12 подобных педагогических техникумов³⁹³.

Гораздо более медленными темпами шел процесс создания средних педагогических учебных заведений для адыгейского населения. По мимо общих проблем, связанных с ограниченностью финансовых ресурсов, отсутствием подготовленного к обучению контингента среди трудящихся слоев адыгского общества, он был связан с неразвитостью национальной письменности, отсутствием учебной и методической литературы на адыгейском языке, а также национальных кадров.

В 1924 г. согласно постановлению СНК СССР был открыт Адыгейский педагогический техникум в Краснодаре, который позволил обеспечить массовость педагогическому образованию для адыгского населения области³⁹⁴. Первоначально Адыгейский педтехникум готовил учителей начальной школы, лекторов и организаторов мероприятий. Из отчета исполняющего обязанности организационным отделом Адыгейского областного исполнительного комитета следует, что уже на шестой год работы в 1931-1932 уч. гг. в Адыгейском педагогическом техникуме обучалось 300 учащихся, из которых представители коренной национальности составляли 218 человек³⁹⁵.

Усилия центральных и региональных властей по подготовке национальных педагогических кадров обеспечили их значительный рост. В частности в Адыгее, за период с 1921 по 1931 гг. количество учителей выросло почти в 5 раз. Это позволило к 1931 г. полностью коренизировать школы 1-й ступени и обеспечены национальными педагогическими кадрами³⁹⁶.

Развитие сети национальных педагогических техникумов обеспечило значительный численный рост национального учительства. Однако вместе с

³⁹³ Алдакимова О.В. Становление и развитие научно-педагогической идеи на примере функционирования национальной школы на Кубани в 20-30-е гг. XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 6-2. С. 39.

³⁹⁴ В 1937 г. он был реорганизован в педагогическое училище, а в 1938 г. перенесен в г. Майкоп.

³⁹⁵ Культурное строительство в Адыгее (1922-1937): сборник документов и материалов. С. 297.

³⁹⁶ Там же. С. 16.

тем властям приходилось констатировать крайне низкий уровень его профессиональной подготовки. В резолюции II краевой конференции по просвещению горских народностей по докладу «Национализация горской школы» от 8 сентября 1925 г. рекомендовалось обратить особое внимание на национальные педагогические техникумы «ввиду особо важного значения их в деле национализации горской школы и ввиду неудовлетворительной постановки в них (по объективным причинам) учебно-воспитательного дела»³⁹⁷.

Подобная ситуация связывалась с недостатком высококвалифицированных кадров педагогов и слабостью материальной базы. Проблема низкой квалификации преподавателей сферы профессионального педагогического образования существовала и в отношении подготовки учительских кадров для украинских школ. В отчете о ревизии деятельности Украинского педагогического техникума в станице Полтавской отмечалась слабая организация подготовки учителей для украинских школ³⁹⁸. На заседании бюро Кубанского окружного комитета ВКП(б) 9 января 1930 г. было отмечена насущная потребность в квалифицированных преподавателях-украинцах в педагогических институтах, техникумах и рабфаках области³⁹⁹.

Региональные и центральные органы власти предпринимали усилия для решения данной проблемы. Кубанский окружной комитет ВКП(б) поставил перед Украинским крайкомом РКП(б) вопрос об «откомандировании на Кубань квалифицированных преподавателей-украинцев»⁴⁰⁰.

С целью повышения уровня профессиональной подготовки преподавателей, которые были вовлечены на местах в работу по массовой подготовке национальных педагогических кадров, Наркомпрос СССР в 1933

³⁹⁷ НАРА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 29. Л. 87.

³⁹⁸ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 57. Л. 50.

³⁹⁹ Участие рабочих в колхозном строительстве и украинизации Кубанщины // Украинский исторический журнал. 1989. № 87. С.53.

⁴⁰⁰ Там же. С. 53-54.

г. принял решение об организации при Центральном институте кадров народного образования центральных курсов для преподавателей национальных педтехникумов. Предполагалось и в дальнейшем разрабатывать и реализовывать меры по повышению квалификации преподавателей национальных педтехникумов⁴⁰¹.

Важное значение в подготовке национальных педагогических кадров играли меры материальной поддержки учащихся. Осознавая материальные трудности, которые испытывали обучавшиеся в вузах и техникумах адыгские студенты, происходившие в массе своей из бедняцкой крестьянской среды, руководство Адыго-Черкесской автономной области создало из средств регионального бюджета специальный фонд студенческих стипендий. В 1927 г. Адыгейский областной исполнительный комитет перевел в него 20 000 рублей. В следующем 1929 г. эта сумма выросла до 29 000 рублей⁴⁰².

Большое внимание уделялось и улучшению бытовых условий адыгейского студенчества. Адыгейский исполнительный комитет в 1931 г. констатировал, что материально-бытовые условия жизни студентов адыгейских отделений вузов, техникумов и рабфаков являются неудовлетворительными⁴⁰³. В целях решения данной проблемы областному отделу народного образования было предложено «дать исчерпывающие материалы о состоянии работы адыгейских отделений при всех учебных заведениях и доложить президиуму ОБИКа в свою очередь возбудить ходатайство перед НКПросом о включении в бюджет полное содержание студентов адыгейских отделений»⁴⁰⁴. Кроме того, областному отделу народного образования предлагалось обеспечить обувью, одеждой и постельными принадлежностями учащихся адыгейских отделений и «дать заявки на потребное количество товаров»⁴⁰⁵.

⁴⁰¹ Культурное строительство в РСФСР: документы и материалы (1917-1977 гг.). Т.2. Ч.1. Документы и материалы 1928-1941. М., 1984. С. 283.

⁴⁰² ЦДНИКК. Ф. 8. Д. 494. Л. 65-68.

⁴⁰³ НАРА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 227. Л. 76.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 77.

⁴⁰⁵ Культурное строительство в РСФСР: документы и материалы (1917-1977 гг.). Т. 2. Ч. 1. Документы и материалы 1928-1941. С. 282.

Зачастую в сложных экономических условиях материальная поддержка учащихся осуществлялась путем выделения учебным заведениям земельных участков. Так, сразу же после открытия за Кубано-Черноморским областным украинским педагогическим техникумом в станице Полтавской был закреплен земельный участок для фермы техникума в 250 десятин земли и 49 голов скота⁴⁰⁶.

В целом, усилия советской власти обеспечили устойчивый рост численности национальных педагогических кадров. Если в 1927-1928 уч. гг. в автономных областях Северного Кавказа 37,8 % учителей являлись представителями местных национальностей, то в 1932 г. он уже составлял 70 %⁴⁰⁷. Таким образом, во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. процесс создания национальных педагогических кадров стал интенсивным благодаря организации на плановых началах и поиску специальных форм подготовки, учитывающих особенности социокультурного, экономического развития национальностей нерусского языка, а также социально-политические и идеологические установки советской власти. Успехи в области подготовки национальных учительских кадров позволили в 1931-1932 учебном году успешно решить на Кубани и в Адыгее ряд текущих задач культурной революции: ввести всеобщее начальное образование всех детей школьного возраста и осуществить полную коренизацию начальных школ⁴⁰⁸.

Несмотря на достигнутые успехи, политика коренизации стала свертываться. Резкий разворот в политике коренизации педагогических кадров произошел в начале 1932-1933 гг. в связи с отказом от политики коренизации как таковой на фоне глобальной перестройкой народного хозяйства в СССР, сопровождавшейся унификацией всей системы управления и сфер общественной жизни. Центральная власть опасалась, роста

⁴⁰⁶ Однако в реальности подобные решения зачастую оказывались неэффективными. Из доклада заведующего техникумом в Совет просвещения национальных меньшинств, датированного 3 июля 1922 г. следовало, что состояние хозяйства украинского педтехникума было неудовлетворительным из-за ряда причин: отсутствия живой тягловой силы, затопления и обилия вредителей, на борьбу с которыми не было средств.

⁴⁰⁷ Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе: По материалам Даг., Кабард.-Балкар., Сев.-Осет. и Чеч.-Инг. АССР. С. 86.

⁴⁰⁸ Кубов Ч.Ч. Указ. соч. С. 373; Кравцова Ю.Н. Указ. соч. С. 27.

сепаратизма национальных элит, в особенности на Украине, Средней Азии и на Кавказе. В условиях сформированной индустриализации и сплошной коллективизации сельского хозяйства требовалась жесткая централизация, а не разнообразие местных подходов, за которую ратовала национальная интеллигенция.

Отказ от политики коренизации привел к отказу от национального языка как языка преподавания и переводу обучения в начальных и средних школах на русский язык. В адыгейских аульских школах и национальных техникумах, национальных отделениях вузов и рабфаков обучение переводилось на русский язык. На основании совместной директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 декабря 1932 г. на всей территории страны была свернута украинизация. В декабре 1932 г. на Кубани были закрыты все украинские школы, украинское отделение Кубанского государственного педагогического института, все украинские педтехникумы⁴⁰⁹. С 1933 г. против руководящих работников отделов народного образования, профессоров и студентов национальных отделений вузов, национальных техникумов стали выдвигаться обвинения в «буржуазном национализме», а в региональной прессе развернулась разоблачительная кампания в отношении сторонников и проводников политики коренизации.

Полностью политика коренизации была свернута в 1937-1938 гг. Отказ от нее не означал отказа советской власти от практики массового создания национальных педагогических кадров, а предполагал ее ориентацию на унификацию данного процесса.

Проведенное в рамках данного раздела работы исследование позволяет говорить об осуществлении центральными и региональными властями систематических усилий по организации масштабной подготовки на Кубани и в Адыгее национальных педагогических кадров, учитывающей как особенности социокультурного, экономического развития национальностей

⁴⁰⁹ Дроздов К.С. Украинский язык и особенности его преподавания в школах РСФСР в период проведения политики украинизации в 1920-1930-е гг. // Славянский альманах. 2017. № 1-2. С. 308.

нерусского языка, так и социально-политические, идеологические установки советской власти. Сложившаяся к середине 1920-х гг. система подготовки национальных педагогических кадров включала специальную национально ориентированную курсовую подготовку и переподготовку, сеть национальных педтехникумов и отделений в региональных педагогических институтах, а также национальных подготовительных курсов, отделений и рабфаков.

Если в начале 1920-х гг. действия властей были непоследовательными и хаотичными, то во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. процесс создания национальных педагогических кадров стал более организованным благодаря введению плановых начал и поиску специальных форм подготовки, учитывающих особенности социокультурного, экономического развития национальностей нерусского языка, а также социально-политические и идеологические установки советской власти.

Несмотря на свою политическую ангажированность, противоречивость и незавершенность, политика коренизации педагогических кадров на Кубани и в Адыгее стала важным условием социокультурного развития народов нерусского языка, содействовала росту образовательного уровня населения, а также созданию и развитию национальной письменности, и интеграции региона в единое советское государственно-политическое и социокультурное пространство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление педагогического образования на Кубани и в Адыгее берет свое начало во второй половине XIX в. Данный процесс был тесно связан со стремлением российских властей к органичному «вписанию» новых территорий в политическое и социокультурное пространство Российской империи через развитие начального образования. Несмотря на обозначившуюся тенденцию численного роста учебных заведений различного образовательного уровня, вовлеченных в процесс подготовки педагогических кадров, их организация происходила в отрыве от развития системы начального образования и не была способна удовлетворить его растущие потребности. Главными препятствиями развития педагогического образования являлись отсутствие последовательности и плановых начал в его организации, усиливавшиеся тем обстоятельством, что образовательные учреждения относились к разным правительственным и общественным ведомствам. В целом действия по развитию педагогического образования на Кубани носили бессистемный характер, что определило плохую обеспеченность учебных заведений области педагогическими кадрами и по преимуществу неудовлетворительный уровень их профессиональной подготовки.

Процесс становления и развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее в 1920-е-1930-е гг. XX в. находился в тесной взаимосвязи с формированием политики советской власти в отношении педагогических кадров. Исследование политики советской власти в отношении педагогических кадров позволяет говорить о ее тесной связи с постановкой и реализацией задачи создания в Советской России единой трудовой школы и введения всеобщего начального образования. В течение 1917-1920-х гг. она претерпевала серьезные изменения, под влиянием менявшихся социально-политических, экономических обстоятельств, кадровой ситуации в сфере образования, а также общим ростом образовательного уровня населения.

Несмотря на масштабные усилия по подготовке педагогических кадров, предпринимавшиеся центральными и региональными властями, развитие сети школ в Кубано-Черноморской области значительно опережало по темпам развитие сети высших и средних педагогических учебных заведений. Постепенное изменение ситуации стало происходить с середины 20-х гг. XX в.

Необходимость создания нового советского учительства, проникнутого идеей построения социализма, определила сосредоточенность советской власти на реформировании системы педагогического образования. Концепция реформы педагогического образования находилась в динамическом развитии и видоизменялась на всем протяжении конца 1910-х – 1920-х гг., что являлось следствием как отсутствия четкого видения механизмов функционирования педагогического образования в новых общественно-политических и социально-экономических условиях, так и различием подходов в руководстве Наркомпроса и педагогическом сообществе в целом.

Определенные преимущества для развития педагогического образования на Кубани создала масштабная миграция в регион в годы Гражданской войны, вызванная бегством населения из центральных районов от ужасов войны и голода. Это привело к относительному скоплению в Кубано-Черноморской области профессорско-преподавательских кадров, что благоприятно сказалось на кадровом обеспечении первых педагогических учебных заведений рассматриваемого региона.

Процесс организации профессионально ориентированных педагогических учебных заведений на территории Кубани и Адыгеи первоначально происходил с опорой на материально-техническую базу уже имевшихся педагогических и других образовательных учреждений. При этом в первое десятилетие существования советской власти учебным заведениям пришлось столкнуться с типичными проблемами: отсутствие плановых начал, недостаток финансирования, нехваткой квалифицированного преподавательского состава, отсутствием бытовых условий. Стихийное,

оторванное от имеющихся возможностей создание педагогических учебных заведений в первой половине 20-х гг. XX в. приводило к их постоянной реорганизации, переводу на местное финансирование или просто закрытию.

Несмотря на отсутствие последовательности в действиях новой власти, направленных на развитие педагогического образования, к концу 1920-х гг. в СССР произошло оформление единой системы педагогического образования, включающего высшую и среднюю ступени, очное и заочное обучение, а также курсовую подготовку и переподготовку педагогических кадров. Для улучшения качества подготовки молодых педагогов были разработаны единые учебные программы для ВУЗов и техникумов. На последние ложилась основная нагрузка по подготовке педагогических кадров для начальной и семилетней школы.

Стремление советской власти приобрести в лице учительства не только квалифицированных педагогов, но и преданных проводников ее идеалов в обществе предопределило политику пролетаризации педагогических кадров. Она производилась по следующим направлениям: организация отбора учащихся педагогических учебных заведений по классовому признаку; снижение академических требований к абитуриентам; проведение классовых чисток; создание классово ориентированных структур для подготовки трудящейся молодёжи к поступлению в высшие и средние педагогические учебные заведения, таких как рабочие факультеты и подготовительные отделения/курсы.

Пролетаризация педагогических кадров на Кубани и в Адыгее определялась как общегосударственной политикой и практикой, так и местными социально-культурными, финансовыми и организационными условиями и возможностями, среди которых были более низкий нежели в центральных и западных регионах страны уровень грамотности населения, абсолютное преобладание сельского населения и малочисленность пролетариата; отсутствие необходимой материальной базы; недостаточно серьезное отношение низовых партийных и советских органов власти к

отбору кандидатур, направляемых на обучение.

Применение комплекса мер по пролетаризации педагогических кадров по своей сути представляло собой дискриминацию студентов «непролетарского» происхождения и отрицательно сказались на кадровом обеспечении школ Кубани и Адыгеи, которые в условиях острой нехватки педагогических кадров недополучили значительный процент подготовленных специалистов. В целом политика пролетаризации привела к изменению социального состава учительства, однако снизила уровень профессиональной подготовки новых педагогических кадров.

Наряду со специально организованным отбором учащихся педагогических учебных заведений и созданием специальных структур для подготовки пролетарской молодежи к обучению, важным средством пролетаризации педагогических кадров стали студенческие чистки 1920-х гг. Являясь по своей сути формой дискриминации студентов «непролетарского» происхождения, студенческие чистки не только создавали в студенческой среде нездоровую атмосферу страха и доноительства, но и отрицательно сказались на образовательном уровне подготовки выпускаемых вузами и техникумами Кубани и Адыгеи педагогов.

Учитывая полиэтнический состав населения Кубани и Адыгеи, важнейшим направлением развития педагогического образования являлось осуществление центральными и региональными властями систематических усилий по организации масштабной подготовки национальных педагогических кадров. Ее результатом стало складывание к середине 20-х гг. XX в. системы подготовки национальных педагогических кадров, включавшей национально ориентированную курсовую подготовку и переподготовку, сеть национальных педтехникумов и отделений в региональных педагогических институтах, а также национальных подготовительных курсов, отделений рабфаков. Несмотря на свою выраженную политическую направленность и непоследовательность, политика коренизации способствовала росту образовательного уровня

населения и интеграции региона в единое советское государственно-политическое и социокультурное пространство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. А-296 – Отдел по просвещению национальных меньшинств Наркомата просвещения РСФСР; Комитет по просвещению национальных меньшинств (Комнац) Наркомата просвещения РСФСР. 1918-1934 гг.
2. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 394 – протоколы заседаний Комнаца №№ 1-26 от 9.11.1928 по 21.09.1929 г.
3. Ф. Р-1235 – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК). 1917-1938 гг.
4. Ф. Р-1235. Оп. 125. Д. 127 – Дело по обследованию советского хозяйственного и культурного строительства среди национальностей Северо-Кавказского края. 1917-1938 гг.
5. Ф. Р-1318 – Наркомат по делам национальностей РСФСР, представительство Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомнаце РСФСР. 1917-1924 гг.
6. Ф. А-1565 – Главное управление профессионального образования (Главпрофобр) Наркомата просвещения РСФСР. 1920-1930 гг.
7. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 280 – Материалы по проверке студенческого состава ВУЗов (инструкции, анкеты, протоколы); переписка с вузовскими районными комиссиями по проверке студенчества ВУЗ за 1928 г.
8. Ф. А-1575 – Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос) Наркомата просвещения РСФСР. 1921-1930 гг.
9. Ф. А-1575 Оп. 1 Д. 159 – Протоколы (подлинные) заседаний коллегии Главсоцвоса за 1922 г.
10. Ф. Р-2314 – Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации

безграмотности.

11. Ф. А-2306 – Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР). г. Москва. 1917-1988 гг.

12. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2106 – Приказы №№ 108-220 Народного Комиссариата Просвещения за январь-апрель 1930 г.

13. Ф. А-2306. Оп. 69 Д. 2126 – Приказы №№ 92-150 Народного Комиссариата просвещения РСФСР за март-май 1931 г.

14. Ф. А-2306. Оп. 69 Д. 2225 – Докладные записки Наркомпроса РСФСР в Совнарком РСФСР о состоянии дела подготовки кадров и о плане подготовки педагогических кадров в 1936 г.

15. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 3431 – Постановление совещания при УПУ, докладные записки инспекторов УПУ, письмо в облисполком о работе педагогических учебных заведений Азоно-Черноморского, Северо-Кавказского, Северного краев Московской области в 1934 г.

16. Ф. 5462 – Центральные комитеты Профессиональных союзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений за 1919 г.

17. Ф. 5462 Оп. 1 Д. 42 – Циркуляр ЦК и сведения об организации курсов политграмоты, подготовке пропагандистов и инструкторов профдвижения. Воззвание Наркомпроса ко всем работникам просвещения и молодежи о мобилизации сил для работы в области коммунистического просвещения за 1919 г.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

18. Ф. Р-226 – Кубанская окружная рабоче-крестьянская инспекция исполнительного комитета кубанского окружного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов за 1920-1930 гг.

19. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 525 – Резолюция II съезда Советов Северо-Кавказского края по докладу «О состоянии и перспективах народного образования на Северном Кавказе», акт обследования рабочей консерватории и письмо студентов Кубанского сельскохозяйственного института о

постановке работы в нем за 1929 г.

20. Ф. Р-346 – Краснодарский педагогический рабочий факультет кубанского государственного педагогического института. 1920-1938 гг.

21. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 38 – Циркуляры отдела рабфаков и других учреждений центра. 1929-1930 гг.

22. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 246 – Копия временного положения о комитетах содействия при школах I и II ступеней, доклад о результатах обследования Единой трудовой школы № 13. 1932-1933 гг.

23. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 261 – Инструкции и протоколы по преподаванию за 1932/1933 учебный год.

24. Ф. Р-365 – Кубано-черноморский областной отдел народного образования исполнительного комитета кубано-черноморского областного совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов за 1920-1924 гг.

25. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 977 – Копия проекта временного положения об управлении Кубанскими высшими учебными заведениями; отчеты о состоянии и деятельности высших учебных заведений и список служащих педагогического института. 1922-1923 гг.

26. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 979 – Копия устава музыкально-хорового кружка Кубанского высшего института народного образования, списки преподавателей института и переписка с ним по финансовым вопросам за 1922 г.

27. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1002 – Дело о деятельности Краснодарского педагогического техникума и списки сотрудников и студентов его за 1922 г.

28. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1100 – Учебные планы, сметы Краснодарского педагогического техникума и анкеты сотрудников его за 1923 г.

29. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1130 – Копии протоколов заседаний совета Армавирского педагогического техникума и списки служащих и учащихся этого техникума. 1923-1924 гг.

30. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1634 – Переписка с секцией городского совета по

народному образованию коммунальным управлением о ремонте детских домов. 1923-1924 гг.

31. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 4 – Материалы первого Всероссийского съезда школьных инструкторов (резолуции, положения, программы и др.) за 1920 г.

19. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 6 – Циркуляр облоно о содержании педагогического персонала культучреждений области, нормы оплаты труда работников просвещения за 1920-1923 гг.

20. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 8 – Инструкции и положение о ликвидации неграмотности, просвещении нерусских народностей, организации деятельности подотделов национальных меньшинств за январь - сентябрь 1920 г.

21. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 21 – Статистические сведения о количестве школ и учащихся области за 1913-1920 гг.

22. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 79 – Отчет о работе по ликвидации неграмотности по области, Ейскому отделу и г. Краснодару за 1921-1924 гг.

23. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 84 – Ведомости на выдачу заработной платы сотрудникам педагогическо - счетных курсов, Славянской профтехшколы, районного музея на Дубинке, школ № 15, 24 и 28 и список сотрудников мединститута за 1921-1924 гг.

24. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 102 – Копия положения о квалификации школьных работников, проект положения учреждений дошкольного воспитания и выписка из положения о местном бюджете на 1922-1923 гг.

25. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 120 – Требовательные ведомости на выдачу заработной платы сотрудникам Краснодарского педагогического техникума за февраль - декабрь 1922 г.

26. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 130 – Протоколы заседаний советов изб-читален и членов их, месячные отчеты изб-читален, клубов, пунктов ликвидации неграмотности и библиотек за 1923 г.

27. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 135 – Дело об организации областных курсов по переподготовке школьных работников за 1923 г.

28. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 138 – Сметы расходов на съезды, конференции и курсы по подготовке и переподготовке школьных и дошкольных работников на 1923/1924 уч. год.

29. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 203 – Дело об организации био-педагогической станции. 1920-1921 гг.

30. Ф. Р-847 – Краснодарский педагогический техникум Кубанского окружного отдела народного образования за 1922-1929 гг.

31. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 1 – Копии циркуляров Кубано-Черноморского областного Управления профессионально-технического образования о приеме слушателей в техникум, созыве съезда по профессионально-техническому образованию, представлении сведений на студентов, регистрационные карточки преподавателей за 1922 г.

32. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 3 – Списки студентов за 1922 г.

33. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 4 – Списки студентов техникума. 1922-1923 гг.

34. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 9 – Акт проверки имущества техникума и сведения об имуществе за 1922 г.

35. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 10 – Переписка с областным отделом народного образования об открытии кредита за 1922 г.

36. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 22 – Копия устава техникума, схема учебного плана и смета на 1923-1924 гг.

37. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 34 – Список сотрудников техникума за 1926 г.

38. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 36 – Сметы доходов и расходов техникума на 1927/1928 год.

39. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 39 – Протоколы заседаний комитета содействия Краснодарского педагогического техникума. Об освобождении от платы за учение нуждающихся слушателей. 1922-1923 гг.

40. Ф. Р-890 – Кубанский окружной отдел народного образования исполнительного комитета Кубанского окружного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов за 1923-1930 гг.

41. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 996 – Анкеты о состоянии высших учебных

заведений Кубанского округа и списки студентов Кубмединститута за 1924 г.

42. Ф. Р-890. Оп. 5. Д. 16 – Протоколы заседаний штатной комиссии за 1926-1927 гг.

43. Ф. Р-890. Оп. 5. Д. 20 – Протоколы заседаний комиссии по распределению окончивших педвузы и планового совещания за 1927-1929 гг.

44. Ф. Р-890. Оп. 5. Д. 373 – Пятилетний план культурного строительства по городу Краснодару на 1928/1929-1932/1933 гг.

45. Ф. Р-890. Оп. 5. Д. 384 – Контрольные цифры по Кубанскому отделу народного образования на 1930/1931 г.

46. Ф. Р-890. Оп. 5. Д. 488 – Акты обследования подопечных сирот, обязательства и заявления граждан, желающих взять сироту под опеку за 1930 г.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО)

47. Ф. Р-64 – Северо-Кавказский краевой отдел народного образования.

48. Ф. Р-65 – Азово-Черноморская краевая комиссия по улучшению быта учащихся.

49. Ф. 131 – Инспектор народных училищ Ростовского и Таганрогского округов области войска Донского, г. Ростов-на-Дону. 1867-1917 гг.

50. Ф. 131. Оп. 1. Д. 7 – Отчеты городских училищ городов Ростова и Нахичевани за 1879-1880 годы. Списки городских и сельских учебных заведений и именные списки учителей Ростовского и Таганрогского округов (1879 год).

51. Ф. 131. Оп. 1. Д. 10 – Дело об открытии народных и частных училищ в Ростовском уезде (1880 год).

52. Ф. 131. Оп. 1. Д. 17 – Дело об открытии народных училищ в Донской области (1888 год).

53. Ф. 131. Оп. 1. Д. 24 – Циркуляры попечителя Харьковского учебного округа и директора народных училищ Области Войска Донского (1889 год).

54. Ф. 131. Оп. 1. Д. 41 – Отчеты народных училищ Ростовского округа

за 1892 год.

55. Ф. 131. Оп. 1. Д. 52 – Записка комитета грамотности при императорском Московском обществе сельского хозяйства о проблемах всеобщего обучения и программа для сбора сведений о всеобщем обучении (1894 год).

56. Ф. 131. Оп. 1. Д. 116 – Ведомость о народных училищах Ростовского округа за 1903 год (1903 год).

57. Ф. 131. Оп. 1. Д. 151 – Письма учителей с просьбой о выдаче свидетельств и удостоверений на право преподавания (1906 год).

58. Ф. 131. Оп. 1. Д. 197 – Положение о Первом всероссийском съезде учителей (1913 год).

59. Ф. 131. Оп. 1. Д. 197 – Свидетельство Бесалаевой А.П. об окончании Тверской учительской школы (1913 год).

60. Ф. Р-1818 – Донской областной отдел народного образования. 1920-1924 г.

61. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 2 – Циркуляры, положения Наркомпроса РСФСР о волостных отделах народного образования, инструкции и другие организационные вопросы. Списки учебных заведений Ростова и Нахичевани-на-Дону и учащихся школы № 25 1 ступени (Управление). 19.06.1919-26.09.1919 г.

62. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 3 – Протоколы заседаний коллегий Донского отдела народного образования и его подотделов, секций и комиссий за 1920 год.

63. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 5 – Протоколы заседаний коллегии ДОНО за январь 1921 года (Управление). 24.12.1920-02.06.1921 г.

64. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 9 – Выписки из протоколов заседания Донского областного исполнительного комитета от 21, 28 мая 1920 года и коллегии ДОНО от марта 1920 года по реорганизации высших учебных заведений и трудовой дисциплине (Управление). 01.03.1920-01.06.1920 г.

65. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 10 – Отчеты о работе подотделов ДОНО и

ОКрОНО (Управление). 27.11.1920-05.07.1921 г.

66. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 12 – Статистические отчеты о работе ДОНО и подведомственных ему учреждений за 1922-1923 и 1923-1924 учебные годы. Платежные списки сотрудников подразделов ДОНО, РАЙОНО, Донского Университета, школ, театров и других городских и сельских учреждений Наробораз (Управление). 1920-1924 гг.

67. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 14 – Смета расходов ДОНО на 1920 год и материалы к ней (Управление).

68. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 23 – Распоряжение ДОНО от 21 ноября 1921 по 22 октября 1922 года по административным и организационным вопросам (Управление).

69. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 24 – Протоколы заседаний ДОНО за январь-ноябрь 1921 года (Управление).

70. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 28 – Статистические сведения о состоянии школ, техникумов и других учебных заведений в Донской области (Управление). 01.01.1921-31.12.1922 гг.

71. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 34 – Циркуляры и положения Наркомпроса по организационным вопросам (Управление). 01.01.1922-31.12.1922 г.

72. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 35 – Декреты, циркуляры, распоряжения Наркомпроса по организационным вопросам (Управление). 01.01.1922-31.12.1922 г.

73. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 37 – Циркуляры Главполитпросвета об организации политико-просветительной работы на местах (Управление). 12.01.1922-06.12.1922 г.

74. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 42 – Выписка из протокола заседания и резолюция, принятая на заседании Донисполкома, протокол заседания областной бюджетной комиссии про ДОФО по вопросам распределения бюджета на январь-март 1923 года. Объяснительные записки, сметы доходов и расходов - штаты ДОНО и подведомственных ему учреждений на 2-ой квартал 1922-1923 бюджетного года (Управление). 18.12.1922-09.1923 гг.

75. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 48 – Месячные отчеты о работе окружных отделов народного образования Донской области за 1922-1923 годы (Управление).

76. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 54 – Отчеты о деятельности Донского областного, окружных отделов народного образования и подведомственных им учреждений за 1922 год (Управление).

77. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 70 – Циркуляры Наркомпроса, отчеты о деятельности ДОНО и его отделов, материалы обследования школ и других учебных заведений ДОНО (Управление). 15.10.1923-07.04.1924 гг.

78. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 86 – Материалы к 7-му областному съезду заведующих областных отделов народного образования (доклады, обзоры, сведения) (Управление). 05.05.1923-08.08.1923 г.

79. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 92 – Производственный план ДОНО на 1923-1924 учебный год (Управление). 1923-1924 гг.

80. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 104 – Материалы о повышении заработной платы и улучшении материального положения работников просвещения: доклады, переписка и другое (Управление). 11.04.1923-14.03.1924 гг.

81. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 109 – Циркуляры Наркомпроса за 1924 год (Управление). 23.01.1924-28.08.1924 г.

82. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 125 – Планы и квартальные отчеты о работе ДОНО и его подотделов за 1923-1924 учебный год. Списки культурно-просветительных учреждений Донской области (Управление).

83. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 128 – Годовой отчет о работе ДОНО за 1923-1924 учебный год (Управление).

84. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 134 – Отчеты о деятельности ДОНО и подведомственных ему учреждений за 1924 год (Управление).

Национальный архив Республики Адыгея (НАРА)

85. Ф. Р-1 – Адыгейский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет. 1922-1992 гг.

86. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1 – Копия декрета, выписки из протоколов заседаний ВЦИК, Организационного Бюро РКП (б), аульских и сельских Советов, общих собраний граждан о едином общегражданском налоге, списки, анкеты, заявления личного состава отделов. 1.09-31.12.1922 г.

87. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 37 – Стенографический отчет 2-го Областного Съезда Советов Адыгейской (Черкесской) Автономной Области. 12.12-19.12.1923 г.

88. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 229 – Копии протоколов ЦИК, Исполкомов Чувашской АССР и Вотской Автономной Области. 17.08-7.10.1926 г.

89. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 230 – Копии протоколов 4-го Съезда Советов, Пленума, Мандатной Комиссии, доклады и сведения о ходе Советизации Области, списки членов Исполкомов и переписка с районными Исполкомами о вовлечении в активную работу женщин горянок. Январь - мая 1926 г.

90. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 296 – Копии циркуляров, выписки из протоколов ВЦИК, Краевого, Областного, районного Исполкомов о коренизации, учреждений и организаций, смета расходов Исполкома и курсов по подготовке работников на 1928-1929 годы и переписка с ними по этому вопросу. 5.02-18.06.1928 г.

91. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 702 – Статистические сведения по истории возникновения Адыгейской Автономной Области за 1934 год.

92. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 728 – Копия постановления президиума Совета Национальностей о латинизировании алфавита народов СССР и переписка с представителем при президиуме ВЦИК по административным вопросам. 1.12.1934-25.11.1935 г.

93. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 780 – Копии постановлений СНК, Совета Национальностей, президиума Краевого Исполкома, годовой план распределения строительных материалов для школ в 1936 году. 1.01-30.12.1935 г.

94. Ф. Р-5 – Адыгейская областная плановая комиссия. 1922-1992 гг.

95. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 209 – План мероприятий по подготовке

национальных кадров на 1930-1933 гг.

96. Ф. Р-6 – Управление народно-хозяйственного учета Адыгейской автономной области.

97. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1 – Годовой отчет о работе личного состава за 1932 г.

98. Ф. Р-8 – Адыгейский областной административный отдел. 1922-1930 гг.

99. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 159 – Копии декрета Совета народных Комиссаров об отделении церкви от государства, школы от церкви, протоколы и выписки из них Президиума ВЦИКа, циркуляры начальника Центрального Административного Управления о деятельности. 20.02.1925-22.10.1926 гг.

100. Ф. Р-21 – Адыгейский областной отдел народного образования. 1924-1992 гг.

101. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1 – Годовые, квартальные отчеты о деятельности Отдела народного образования за 1924-1926 гг. 1.10.1925-30.09.1926 гг.

102. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 13 – Протоколы общих собраний общества по изучению Адыгейской автономной области, годовой отчет его за 1925 год. 25.05-6.12.1925 г.

103. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 17 – Протоколы и копии их заседаний методических совещаний краевого, областного отделов народного образования, Комиссии по составлению истории Адыгейской автономной области и переписка с ними об издании книг для Адыгеи. 1.10.1925-30.09.1926 гг.

104. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 75 – Копии протоколов Адыгейско-Кабардинской Комиссии по принятию для черкесов на латинской основе алфавита, совещание представителей от их отделов Народного образования и переписка с представителем при ВЦИК об отпечатании алфавита. 1.10.1926-30.09.1927 гг.

105. Ф. Р-281 – Адыгейский областной отдел по изучению

Октябрьской революции и коммунистической партии.

106. Ф. Р-281. Оп. 1. Д. 2 – Циркуляры Центрального Архива о работе по сбору сведений революционного движения (копии), тезисы докладов о значении партийной работы. 1925 г.

107. Ф. Р-281. Оп. 1. Д. 23 – Отчеты и планы работ Испарта АЧАО за 1927 год.

108. Ф. Р-328 – Горский окружной совет рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов и его исполнительный комитет.

109. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 4 – Протоколы заседаний президиума исполкома. 8.06-15.12.1921 г.

110. Ф. Р-730 – Адыгейское областное экономическое совещание. 1922-1924 гг.

111. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 14 – Месячные, полугодовые, годовые доклады и отчеты о деятельности отделов, исполнительных комитетов за 1922-23 г., списки делегатов на Партийный съезд Советов. 1.01-1.10.1923 г.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК)

112. Ф. 1 – Кубано-Черноморский областной комитет ВКП (б) за 1920-1924 гг.

113. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69 – Доклад зав. Под. Отделом Западных народов о деятельности «Кубанской народной Просвиты» и её печатные издания. 14.06.1920 г.

114. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182 – Справка декана рабочего факультета Кубанского политехнического института «О состоянии рабфака». 30.09.1921 г.

115. Ф. 1. Оп. 1. Д. 340 – Кубано-Черноморский Обком РКП (б). Протоколы заседаний пленума правления и президиума союза работников просвещения за 1923 г.

116. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341 – Кубано-Черноморский Обком РКП (б).
Отчеты, планы работы за 1923 г.
117. Ф. 4 – Кубано-черноморская комиссия по чистке за 1920-1923 гг.
118. Ф. 8 – Кубанский окружной комитет ВКП (б) за 1924-1930 гг.
119. Ф. 8. Оп. 1. Д. 69 – Протокол первого Кубанского учительского съезда. 21.12-24.12.1924 г.
120. Ф. 8. Оп. 1. Д. 69 – Протокол заседания президиума секции Городского совета по народному образованию. 21.09-8.12.1924 г.
121. Ф. 8. Оп. 1. Д. 70 – Общая характеристика городского Исполнительного бюро пролетарского студенчества за 1924 г.
122. Ф. 8. Оп. 1. Д. 249 – Протокол совещания секретарей советских и вузовских ячеек ВКП (б) г. Краснодара. 27.10-28.10.1926 г.
123. Ф. 8. Оп. 1. Д. 250 – Протокол совещания секретарей и членов бюро ячеек ВКП (б) Мединститута, Пединститута, Рабфака и секретарей ячеек РЛКСМ. 1.03.1926 г.
124. Ф. 8. Оп. 1. Д. 403 – Протоколы заседаний комиссии АПО Кубанского ВКП (б) по отбору в комвузы. 16.07-20.10.1927 г.
125. Ф. 8. Оп. 1. Д. 408 – Отчет о работе п/отдела «Нацмен» АПО Кубокружка ВКП (б). 1.10-1.11.1927 г.
126. Ф. 8. Оп. 1. Д. 508 – Отчет комиссии Кубокружка ВКП (б) об обследовании ВУЗов г. Краснодар за 1928 г.
127. Ф. 8. Оп. 1. Д. 588 – Инструкция по организации и проведению генеральной чистки и проверке рядов ВКП (б) за 1929 г.
128. Ф. 8. Оп. 1. Д. 605 – Положение об вечерних университетах. 1929 г.
129. Ф. 8. Оп. 1. Д. 693 – Докладная записка культпрома Кубокружка ВКП (б) «О ходе просвещения по Кубокругу». 1929-1930 гг.
130. Ф. 9 – Черноморский (Новороссийский) окружной комитет ВКП(б). 1920-1930 гг.
131. Ф. 9. Оп. 1. Д. 378 – Новороссийский окружком Протокол

собрания педработников Совпартшколы за 1923 г.

132. Ф. 9. Оп. 1. Д. 501 – Протокол совещания отделения общества «Долой неграмотность» за 1924 г.

133. Ф. 9. Оп. 1. Д. 811 – Справка о состоянии Народного образования и культпросвет работы в Округе за 1927 г.

134. Ф. 9. Оп. 1. Д. 860 – Краснодарский отделком РКП (б). Материалы по работе изб-читален в отделе за 1923 г.

135. Ф. 12. Оп. 1. – Армавирский окружной комитет ВКП (б). 1924-1930 гг.

136. Ф. 12. Оп. 1. Д. 54 – Протоколы заседаний секции татар. Директивные письма о работе среди нацменьшинств. 10.02-4.09.1925 г.

137. Ф. 12. Оп. 1. Д. 55 – Протоколы заседаний бюро, собраний немецкой секции. Беспартийных конференций немцев-колонистов округа. Протоколы собраний граждан нацменьшинств. 15.02-15.12.1925 г.

138. Ф. 15 – Армавирский городской комитет КПСС 1925-1991 гг.

139. Ф. 17 – Краснодарский отдельский комитет РКП (б) за 1920-1924 гг.

140. Ф. 17. Оп. 1. Д. 862 – Материалы первого отдельского съезда заведующих школами 12.04-15.04.1923 г.

141. Ф. 17. Оп. 1. Д. 965 – Протокол общегородского студенческого собрания – членов Союза Рабпрос от 15.06.1924 г.

142. Ф. 778 – Первичная организация КПСС Кубанского госуниверситета. 1922-1988 гг.

143. Ф. 778. Оп. 1. Д. 1 – Протоколы собраний, заседаний президиума комячейки при рабфаках Краснодарского пединститута и политехникума. 01.01-4.11.1922 г.

144. Ф. 778. Оп. 1. Д. 2 – Протоколы собраний, заседаний бюро, отчеты комячейки пединститута. 1.10-1.12.1922 г.

145. Ф. 778. Оп. 1. Д. 3 – Протоколы общих партсобраний ВКП (б) Кубанского Гос. Пединститута за 1923 г.

146. Ф. 778. Оп. 1. Д. 4 – Протоколы заседаний партбюро за 1923 г.
147. Ф. 778. Оп. 1. Д. 5 – Протоколы общих партийных собраний ячейки ВКП (б) пединститута. 06.02-30.12.1924 г.
148. Ф. 778. Оп. 1. Д. 6 – Протоколы общих партсобраний ячейки ВКП (б) Кубанского государственного педагогического института. 10.12.1924-16.06.1925 гг.
149. Ф. 778. Оп. 1. Д. 7 – Протоколы заседаний партбюро ячейки ВКП (б) Кубанского государственного педагогического института за 1924 г.
150. Ф. 778. Оп. 1. Д. 8 – Протоколы общих партсобраний ячейки ВКП (б) Кубанского государственного педагогического института. 23.10.1925-14.12.1926 гг.
151. Ф. 778. Оп. 1. Д. 9 – Протоколы заседаний партбюро ячейки ВКП (б) Кубанского государственного педагогического института. 05.04-14.12.1926 г.
152. Ф. 778. Оп. 1. Д. 10 – Протоколы общих партсобраний ячейки ВКП (б) Кубанского государственного пединститута. 22.09-1.12.1926 г.
153. Ф. 778. Оп. 1. Д. 11 – Протоколы бюро ячейки ВКП (б) Кубанского Государственного педагогического института. 1.01.1927-1.01.1928 гг.
154. Ф. 778. Оп. 1. Д. 12 – Протоколы бюро ячейки ВКП (б) Кубанского Государственного педагогического института. 1.01-14.11.1928 г.
155. Ф. 778. Оп. 1. Д. 13 – Протоколы бюро ячейки ВКП (б) Кубанского Государственного педагогического института. 25.04-22.04.1929 г.
156. Ф. 778. Оп. 1. Д. 14 – Протоколы бюро ячейки ВКП (б) Кубанского Государственного педагогического института. 13.02-26.09.1929 г.
157. Ф. 778. Оп. 1. Д. 15 – Протоколы бюро ячейки ВКП (б) Кубанского государственного педагогического института за 1929 г.
158. Ф. 778. Оп. 1. Д. 16 – Протоколы общих партсобраний за 1931 г.
159. Ф. 778. Оп. 1. Д. 17 – Протоколы общих партсобраний. 1.01-23.12.1932 г.

160. Ф. 778. Оп. 1. Д. 18 – Протоколы общих партсобраний. 1.01-22.12.1933 г.
161. Ф. 778. Оп. 1. Д. 20 – Протоколы общих партсобраний. 9.09-15.12.1934 г.
162. Ф. 778. Оп. 1. Д. 22 – Протоколы закрытых партсобраний. 19.01-31.12.1935 г.
163. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27 – Протоколы заседаний парткома. 3.01-16.12.1937 г.
164. Ф. 778. Оп. 1. Д. 28 – Протоколы общих партсобраний, заседаний партбюро. 4.01-22.12.1938 г.
165. Ф. 778. Оп. 1. Д. 29 – Протоколы общих партсобраний, заседаний партбюро. 1939 г.
166. Ф. 1072 – Краснодарский городской комитет КПСС. 1930-1962 гг.
167. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1 – Стенограмма 1-й конференции Краснодарского горкома ВКП (б). 09.08.1930-10.08.1930 г.
168. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 4 – Протокол пленумов горкома ВКП (б). 11.08.1930-10.10.1930 г.
169. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 6 – Стенограмма объединенного пленума Горкома Краснодарской организации ВКП (б).
170. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 32 – Стенограмма собрания городского партийного актива. 19.10.1930-19.10.1930 г.
171. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 37 – Стенограмма совещания при Краснодарском горкоме ВКП (б). 1.11.1930 г.
172. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 38 – Стенограмма совещания научных работников-коммунистов совместно с секретарями Вузовских ячеек ВКП(б). 24.11.1930 г.
173. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 655 – Постановления бюро горкома ВКП(б) о создании комиссии для пересмотра состава студентов пединститута. 11.05.1935 г.
174. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1013 – Стенограмма совещания Городского

актива работников Высшей школы по вопросу об итогах 1-го Всероссийского совещания работников высшей школы за 1938 г.

175. Ф. 1774-А – Краснодарский крайком ВКП (б). 1937-1962 гг., 1964-1991 гг.

176. Ф. 1774-А. Оп. доп. 1. Д. 2 – Справки Краснодарского краевого комитета КПСС. Изучение русского языка в национальных школах. 1937-1939 гг.

177. Ф. 1774-А. Оп. 1. Д. 546 – Стенограмма совещаний по вопросам школьного строительства и реорганизации особых национальных школ. 17.06.1938 г.

178. Ф. 1774-А. Оп. 1. Д. 1269 – Докладные записки в ЦК ВКП (б) о установлении платного обучения в старших классах средней школы за 1940 г.

179. Ф. 1774-А. Оп. 1. Д. 1295 – Годовой статистический отчет крайкома ВКП(б). 1940 г.

180. Ф. 1774-А. Оп. 1 Д. 1314 – Справки работников отдела, секретарей Райкома ВКП (б) о работе высших, средних учебных заведений и школ края за 1940 г.

181. Ф. 1774-А. Оп. 1. Д. 1319 – Справки Краевого отдела народного образования об обучении неграмотных и малограмотных граждан. 1.01-1.10.1940 г.

182. Ф. 1774-А. Оп. 1 Д. 1269 – Докладные записки в ЦК ВКП(б) о приусадебных участках колхозников, установлении платности обучения в старших классах средней школы, энергоснабжении города Краснодара и др. 26.01-12.12.1940 г.

183. Ф. 2816 – Майкопский окружной комитет ВКП(б). 1924-1930 гг.

184. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 67 – Особая папка (списки учителей по г. Майкопу, политически неблагонадежных) за 1925 г.

185. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 130 – Справка о национальных меньшинствах в округе за 1925 г.

186. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 206 – Справка о составе педагогических кадров

округа. 10.10.1926 г.

187. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 281 – Листовка «Долой неграмотность» за 1927 г.

188. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 357 – Директивное указание отдела о съезде общества «Долой неграмотность». 22.04.1928 г.

189. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 358 – Справка Сев. Кав. Крайкому ВКП (б) о проведении окружного агитпросвещения. 11.05.1928 г.

190. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 415 – Справка о культурно-просветительской работе профсоюзов округа. 01.01.1929 г.

191. Ф. 4383 – Азово-Черноморский крайком ВКП (б). 1934-1937 гг.

192. Ф. 4383. Оп. 1. Д. 157 – Докладные записки и письма за 1937 г. в Аз. Черн. крайком ВКП(б). 1937 г.

193. Ф. 4383. Оп. 1. Д. 158 – Переписка с ЦК ВКП(б). 1937 г.

194. Ф. 4383. Оп. 1. Д. 160 – Переписка с РК, ГК, ОК ВКП(б) с политотделами. 1937 г.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

195. Ф. 17 – Центральный комитет КПСС. 1898, 1903-1991 гг.

196. Ф. 17. Оп. 3. Д. 900 – Протокол № 116 от 16.09.1932 г.

197. Ф. 17. Оп. 60. Д. 77 – Доклады о работе центрального комитета студенчества и бюро ячеек РКП(б) ВУЗ г. Краснодара, объединенного бюро комячеек Донского университета за 1922 г.

198. Ф. 17. Оп. 84. Д. 537 – Доклады с материалами и информационное письмо секретаря Черкесского (Адыгейского) обкома РКП(б) и начальника Ч-А отдела ГПУ о положении в области, о партийной работе, о взаимоотношениях с Кубанью, о съезде эфендиев, учителей и представителей от аулов за январь - апрель 1923 г.

199. Ф. 65 – Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б). 1921-1924 гг.

200. Ф. 65. Оп. 1. Д. 19 – Выписки из протоколов Юго-Восточного

бюро ЦК РКП (б) об образовании комиссии по увековечению памяти В.И. Ленина, об увеличении тиража краевых сельских газет и журналов, хлебном экспорте, о ВУЗах и оказании материальной помощи студентам и др. за январь 1923 - июнь 1924 г.

201. Ф. 65. Оп. 1. Д. 20 – Выписки из протоколов Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б) об открытии курсов марксизма, о проведении совещания работников просвещения горских народов, об обследовании ВУЗов Юго-Восточного края и др. за апрель 1923 - декабрь 1923 г.

202. Ф. 733 – Департамент народного просвещения.

203. Ф. 1268 – Кавказский комитет.

Статистические и справочные материалы

204. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Т. 9. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1929. – 312 с.

205. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IX. РСФСР. Отдел 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность. – М.: Издательство ЦСУ СССР, 1928. – 111 с.

206. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под. ред. Ю. А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 254 с.

207. Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917-1927. – М.: Центр. стат. упр-ние СССР, 1927. – 514 с.

208. Кабузан, В. М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках: Этностатистическое исследование / В. М. Кабузан. – СПб., Блиц, 1996. – 220 с.

209. Краснодарская краевая организация КПСС в цифрах, 1917-1978 / А. Г. Бояджи, Р. А. Гулидова, А. А. Гелдыш; предисл. И. И. Алексеенко, А. А. Гелдыша. – Краснодар: Книжное издательство, 1978. – 255 с.

210. Культурное строительство СССР: статистический сборник. – Москва, Ленинград: Госпланиздат, 1940. – 268 с.

211. Народное образование, наука и культура в СССР: статистический

сборник. – М.: Статистика, 1971. – 403 с.

212. Население и хозяйство Кубанского округа: Статистический сборник за 1924-1926 гг. / под ред. В. И. Смирнского. – Краснодар, 1928. – Т. 2. – 539 с.

213. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897, Т. 65, Кубанская область. – СПб.: Паровая Скоропечатня П.О. Яблонского, 1905. – 263 с.

214. Просвещение на Северном Кавказе в цифрах. – Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1929. – 90 с.

215. Советская Адыгея к 50-летию образования СССР: статистический сборник / общ. ред. В. Г. Лаптинова; ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Адыг. авт. обл. – Майкоп: Краснодарское книжное издательство. Адыгейское отделение, 1973. – 175 с.

216. Справочник партийного работника / сост. Секретариатом ЦК РКП; РСФСР, РКП(б). – М.: Гос. изд-во, 1934. – 884 с.

Сборники документов

217. ВКП (б), советская власть, комсомол и профсоюзы о культурном строительстве: сб. документов / сост. И. Ф. Заколадкин, В. В. Морозов, А. Я. Подземский. – М.: Работник просвещения, 1930. – 608 с.

218. Декреты Советской власти. – М.: Госполитиздат, Т. 2: 1918 г., 17 марта - 10 июля. Т. 2. - 1959. – 685 с.

219. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. – М.: ОГИЗ, Наркомпрос РСФСР, 1931. – 496 с.

220. Документальные богатства Краснодарского края / авт. сост. Е. Ю. Рубцова, С. Г. Темирова, Н. Г. Попова. – Краснодар: Традиция, 2021. – 256 с.

221. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). – Т. 5. – Москва: Политиздат, 1983. – 446 с.

222. Культурное строительство в Адыгее. (1922-1937 гг.): сб. документов

и материалов / под ред. А.О. Хоретлева. – Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1958. – 380 с.

223. Культурное строительство в РСФСР, 1917-1927 гг. Документы и материалы. Т. 1. Ч. 1. 1917-1920. – М.: Советская Россия, 1983. – 396 с.

224. Культурное строительство в РСФСР. Документы и материалов (1917-1977). Т. 2. Ч. 1. Документы и материалы 1928-1941. – М.: Советская Россия, 1984. – 368 с.

225. Культурное строительство на Кубани, 1918 / Научный редактор И.Я. Куценко. – Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1978. – 191 с.

226. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. 1917-1973 гг.: сб. документов. – М.: Педагогика, 1974. – 559 с.

227. Наш край: Документы по истории Донской области. Т.2. – Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1968. – 622 с.

228. Образование СССР: сб. документов. 1917-1924 / под редакцией Э. Б. Генкиной. – М.: Политиздат, 1949. – 256 с.

229. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915 год – Екатеринодар, 1916. – 374 с.

230. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802-1825. СПб.: тип. Т-ва «Общественная польза», 1864. – 1644 с.

231. Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. –1939. – № 21. – 22 с.

232. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР за 1920 г. – М.: Управление делами Совнаркома РСФСР, 1943. – 818 с.

233. Яхутль, Ю. А. Адыгейская автономная область в условиях экономической и социальной модернизации. 1933-1941 гг.: документы и материалы (к столетию образования Адыгейской (Черкесской) автономной области) / Ю. А. Яхутль, В. В. Касьянов, А. И. Брантов. – Краснодар:

Кубанский гос. ун-т, 2022. – 237 с.

234. Яхутль, Ю. А. Национально-государственное строительство Адыгеи. 1920-1930-е гг.: документы и материалы (к столетию образования Адыгейской (Черкесской) автономной области) / Ю. А. Яхутль, В. В. Касьянов, А. И. Брантов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – 266 с.

Работы и выступления политических деятелей

235. Бухарин, Н. И. Народный учитель // Народный учитель. 1924. № 1. С. 6-7.

236. Бухарин, Н. И. Учительство и комсомол. Доклад на Всероссийском съезде учителей. М., 1925. С. 12-14.

237. Вышинский, А. Роль рабфаков в пролетаризации высшей школы // Красное студенчество. 1928/1929. № 11. С. 5-18.

238. Доклад наркома просвещения А. И. Луначарского на заседании культурно-просветительской секции III съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о задачах советской власти в области культурной политики 16 (29) января 1918 г. // Культурное строительство в СССР 1917-1927. 1989. С. 28-29

239. Зиновьев, Г. Е. Новый студент и новый учитель // Правда. 1923. 25 мая.

240. Зиновьев, Г. Е. Пролетарская революция и учительство. Речь на Первом всесоюзном учительском съезде // Известия. 1925. 24 января.

241. Ленин, В. И. Странички из дневника // Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 45. С. 343-400.

242. Луначарский, А. В. Какая школа нужна пролетарскому государству? // Вестник просвещения. 1922. № 10 С. 22-24.

243. Луначарский, А. В. Какой педагог нам нужен // Народное просвещение. 1924. № 3. С. 3-4.

244. Луначарский, А. В. Просвещение и революция. М., 1926.

245. Рыков, А. И. Очередные задачи советского строительства. Доклад на

Первом всесоюзном учительском съезда // Известия. 1925. 24 января.

246. Ходоровский, И. И. Вопросы реформирования высшей школы // Красная молодежь. 1925. № 5. С. 3-7.

247. Ходоровский, И. И. Итоги приема в вузы и на рабфаки РСФСР в 1926 г. // Красное студенчество. 1927. № 4 С. 19-25.

248. Ходоровский, И. И. К проверке состава студенчества // Правда. 1924. 30 апреля.

Периодические издания

249. Большевик. Орган Краснодарского крайкома, горкома ВКП(б) и крайисполкома. – Краснодар, 1938.

250. Бюллетень Северо-Кавказского краевого отдела народного образования. – Ростов-на-Дону, 1926-1930.

251. Вестник воспитания. Орган Московского отдела народного образования. – М., 1924-1926.

252. Вестник просвещения. Орган Московского областного отдела народного образования. – М., 1922-1929.

253. Вопросы просвещения на Северном Кавказе. Орган Северо-Кавказского краевого отдела народного образования. – Ростов-на-Дону, 1926-1930.

254. Газета рабочего и крестьянского правительства. Официальный орган Совета народных комиссаров. – Петроград, 1918.

255. Еженедельник Народного комиссариата просвещения РСФСР. – Москва, 1928.

256. Колхозный путь. Орган Шовгеновского РК ВКП(б) – Шовгеновск, 1937.

257. Комсомолец. Орган Краснодарского крайкома ВЛКСМ. – Краснодар, 1937-1939.

258. Красное знамя. Орган Кубано-Черноморского революционного комитета, политотдела 9-й армии и Кубано-Черноморского комитета РКП(б).

– Краснодар, 1921-1925, 1937.

259. Кубанские войсковые ведомости. – Екатеринодар, 1863.

260. Кубанские областные ведомости. – Екатеринодар, 1878.

261. Кубанский край. – Екатеринодар, 1912.

262. Листок войны. – Екатеринодар, 1916.

263. Молот. Орган ячейки ВКП (б), ячейки ВЛКСМ. цехкома и управления кузницы. – М., 1932.

264. Народный учитель. Журнал Центрального комитета Союза работников просвещения СССР – М., 1928-1929.

265. Правда. Орган ЦК партии РКП(б), с 1925 г. - ВКП(б). – М., 1921-1939.

266. Просвещение национальностей. Орган Центрального комитета Союза работников просвещения СССР. – М., 1929-1935.

267. Революция и горец. Орган Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и Краевого исполнительного комитета – Ростов-на-Дону, 1928-1933.

2. Литература

Обобщающие исследования

268. История Кубани с древнейших времен до начала XX века / Б. А. Трехбратов. – Краснодар: Кубанское книжное изд-во, 2003. – 440 с.

269. История Кубани XX век: очерки». – Краснодар: Образовательный издательско-полиграфический центр «Перспективы образования», 1998 год. – 224 с.

270. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.) / А.Л. Нарочницкий, В. Г. Гаджиев, Н. П. Гриценко. – М.: Наука, 1988. – 659 с.

271. К десятилетнему юбилею рабфаков: научно-метод. сборник / Под общ. ред. М. Лола, Г. Зайцевского, С. Баклаженко; Кубан. гос. рабочий фак. им. Ильича (В. И. Ленина). – Краснодар: Б. и., 1929. – 128 с.

272. Кубанский государственный университет: 100 лет в истории образования и науки России / под ред. М. Б. Астапова и др. – Ростов-на-Дону,

2021. – 476 с.

273. Национальные школы РСФСР за 40 лет / Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т нац. школ; Под ред. заслуж. деятеля науки проф. Ф. Ф. Советкина. – Москва: Изд-во Акад. пед. наук, 1958. – 302 с.

274. Очерки истории Адыгеи / А. Ш. Бузаров, Б. М. Джимов, Г. П. Иванов. – Майкоп: Адыгейское отделение краснодарского книжного изд-ва, 1981. – 368 с.

275. Очерки истории Краснодарской организации КПСС / А.С. Коновалов. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1966. – 671 с.

276. Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Издание второе дополненное / И. И. Алексеенко, И. Б. Алещенко, В. В. Артюшин и др. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1976. – 656 с.

277. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В. Н. Ратушняк. – Краснодар: Советская Кубань, 1996. – 654 с.

278. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: Конец XIX - нач. XX в. / Отв. ред. Э. Д. Днепров. – Москва: Педагогика, 1991. – 445 с.

279. Очерки по истории русской культуры [в 3-х т.] / П. Н. Милюков. – М.: Издательская группа «Прогресс - Культура», 1994. – 416 с.

Монографии

280. Абулова, Е. А. Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в 1917-1937 годах / Е. А. Абулова. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1984. – 162 с.

281. Авраменко, А. М. История Кубани XX век: Очерки / А. М. Авраменко, А. В. Баранов, Ю. А. Болдырев, А. Н. Еремеева, А. А. Зацева, под общ. Ред. В. Е. Щетнева. – Краснодар: Перспективы образования, 1998. – 224 с.

282. Алиев, У. Достижения Советской власти на Северном Кавказе в области национальной политики к 10-летию Октября / У. Алиев. – Ростов-на-

Дону: Севкавиздат, 1927. – 190 с.

283. Ардасенов, А. Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа / А. Г. Ардасенов. – Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2003. – 511с.

284. Балашов, Б. А. ВЛКСМ за 10 лет в цифрах / Балашов Б. А. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. – 39 с.

285. Баранов, А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики / А. В. Баранов. – Краснодар: КубГУ, 1999. – 346 с.

286. Баранов, А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики 1921-1929 годах / А. В. Баранов. – СПб.: Нестор, 1996. – 354 с.

287. Бардадым, В. П. Этюды о Екатеринодаре / В. П. Бардадым. – Краснодар: Книжное издательство, 1992. – 188 с.

288. Бекижев, М. М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа 1917-1941 годах / М. М. Бекижев. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство, 1978. – 286 с.

289. Богдан, В. А. Студенты первой пятилетки / В. А. Богдан. – Буэнос-Айрес: Издательство «Наша страна», 1973. – 279 с.

290. Бозиев, Р. С. Развитие образования на Северном Кавказе в XIX - первой четверти XX веков / Р. С. Бозиев. – М.: Педагогика, 2008. – 224 с.

291. Болтенкова, Л. Ф. Интернационализм в действии / Л. Ф. Болтенкова. – М.: Мысль, 1988. – 221 с.

292. Борисов, Ю. С. Производственные кадры деревни 1917-1941 годов / Ю. С. Борисов. – М.: Наука, 1991. – 227 с.

293. Боров, А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе / А. Х. Боров. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 298 с.

294. Боффа, Дж. История Советского Союза. От революции до второй мировой войны 1917-1941 годов / Джузеппе Бофа. – М.: Международные отношения, 1990. – 648 с.

295. Васильев, И. Ю. Украинское национальное движение и

украинизация на Кубани 1917-1932 годы / И. Ю. Васильев. – Краснодар: Кубанский казачий хор, 2010. – 163 с.

296. Васильев, К. И. Очерки по истории высшего педагогического образования в РСФСР. (1918-1932 гг.) / М-во просвещения РСФСР. Воронежский гос. пед. ин-т. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1966. – 294 с.

297. Вендровская, Р. Б. Отечественная школа 20-х годов (В поисках педагогического идеала) / Р. Б. Вендровская. – М., 1996. – 102 с.

298. Войтеховская, М. П. Томский учительский институт: возвращенная история 1902-1920 годы / М. П. Войтеховская, С. А. Кочурина. – Томск: Том. гос. пед. ун-т, 2002. – 239 с.

299. Волков, С. В. Интеллектуальный слой в советском обществе / С. В. Волков. – М.: Некоммерческая орг. фонд «Развитие»: Ин-т науч. информ. по общественным наукам РАН, 1999. - 250 с.

300. Галин, С. А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы Советской власти 1917-1925 годы / С. А. Галин. – М.: Высшая школа, 1990. – 142 с.

301. Гатагова, Л. С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. / Л. С. Гатагова. – М.: Россия молодая, 1993. – 297 с.

302. Григорьев, В. В. Исторический очерк русской школы / В. В. Григорьев. – М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900. – 587 с.

303. Гришанов, П. В. Партийное руководство подготовкой и воспитанием учительских кадров в годы социалистической реконструкции народного хозяйства 1926 – 1937 года / П. В. Гришанов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. – 133 с.

304. Данилов, А. Г. Интеллигенция Юга России в конце XIX - начале XX века / А. Г. Данилов. – Ростов н/Д., РГУ, 2000. – 358 с.

305. Дегоев, В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность / В. В. Дегоев. – М.: Русская панорама, 2003. – 444 с.

306. Дзасохов, В. Г. Северная Осетия / В. Г. Дзасохов, под ред. С. А. Такаева. – М.: Власть светов, 1931. – 68 с.
307. Добренъков, В. И. Социальные институты и процессы. Т. 3. – М., 2009. 519 с.: <http://www.lib.socio.msu.ru>. (дата обращения 05.01.2025).
308. Емтыль, З. Я. Адыгская интеллигенция: история становления и общественная деятельность (конец XIX - начало XX вв.) / З. Я. Емтыль. – Краснодар: КубГТУ, 2004. – 153 с.
309. Емтыль, З. Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. - начала 30-х гг. XX в. / З. Я. Емтыль. – Краснодар: «Издательский Дом - Юг», 2010. – 230 с.
310. Жиромская, В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное / В. Б. Жиромская. – М.: РОССПЭН, 2001. – 277 с.
311. Зекох, У. С. Очерки по морфологии адыгейского языка / У. С. Зекох; Адыг. НИИ экономики, яз., литературы и истории. – Майкоп, 1991. – 188 с.
312. Иванов, А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба / А. Е. Иванов. – М.: РОССПЭН, 1999. – 416 с.
313. К десятилетнему юбилею рабфаков: научно-метод. сборник / под общ. ред. М. Лола. – Краснодар, 1929. – 128 с.
314. Каирова, И. А. Народное образование в СССР / Акад. пед. наук РСФСР, под ред. И. А. Каирова. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1957. – 783 с.
315. Каймаразов, Г. Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе / Г. Ш. Каймаразов. – Москва: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук «Издательство «Наука», 1988. – 441 с.
316. Калайтан, С. И. Пятидесятилетие Кубанского Мариинского женского института 1863-1913 гг. / Сост. преп. Кубан. Мариин. жен. ин-та С. Калайтан. – Екатеринодар: типо-лито-фото-цинкогр. «Куб. край» С. Казарова,

1913. – 108 с.

317. Кац, Н. Г. Советизация российского учительства в годы НЭПа / Н. Г. Кац // Новый исторический вестник. – М., 2001. – №1. – С. 125-136.

318. Кашина, М. П., Народное образование в РСФСР / под ред. М. П. Кашина, Е. М. Чехарина. – М.: Просвещение, 1970. – 352 с.

319. Квакин, А. В., Завоевание высшей школы: Профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 – конец 1930-х годов) / А. В. Квакин. – М., 2009. – 256 с.

320. Кешева, Е. Т. Дочери горного края / Е. Т. Кешева, Т. Е. Эфендиева. – Нальчик: Эльбрус, 1965. – 122 с.

321. Ким, М. П. 40 лет советской культуры / М. П. Ким. – М.: Госполитиздат, 1957. – 388 с.

322. Колотинский, П. Н. 25 лет Краснодарского государственного педагогического института (1920 - 1945) / проф. П. Н. Колотинский, проф. П. А. Роговской, доц. Н. П. Марков, под ред. А. А. Карпенко. – Краснодар: Краснодарское краев. Книгоизд-во, 1946. – 44 с.

323. Константинов, Н. А. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет / Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский. – М.: Учпедгиз, 1948. – 472 с.

324. Королев, Ф. Ф. Советская школа в период социалистической индустриализации / Под ред. чл.-корр. Акад. пед. наук РСФСР В. З. Смирнова. – Москва: Учпедгиз, 1959. – 320 с.

325. Королев, Ф. Ф., Очерки истории советской школы и педагогики 1921-1931 годы / Ф. Ф. Королев, Т. Д. Корнейчук, З. И. Равкин. – М.: Педагогика, 1961. – 507 с.

326. Красовицкая, Т. Ю. Власть и культура: исторический опыт государственного руководства национально-культурным строительством / Т. Ю. Красовицкая. – М.: Наука, 1992. – 298 с.

327. Красовицкая, Т. Ю. Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов / Т. Ю. Красовицкая. – М.: Институт истории РАН, 1998. – 414 с.

328. Красовицкая, Т. Ю. Российское образование между реформаторством и революционализмом / Т. Ю. Красовицкая. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. – 415 с.

329. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения [в 6 т.] / Н. К. Крупская; Сост. Ф. С. Озерская; под. ред. А. М. Арсеньева, Н. К. Гончарова, П. В. Руднева; НИИ общ. Педагогики АПН СССР. – М.: Педагогика, 1978-1980 гг.

330. Кузин, Н. П. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР 1917-1941 годов / Н. П. Кузин, Ф. Ф. Королев, З. И. Равкин и др. – М.: Педагогика, 1980. – 456 с.

331. Куценко, И. Я. Революция и культура: очерк истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918-1932 годах / И. Я. Куценко. – Краснодар: Кубанское книжное издательство, 1973. – 245 с.

332. Лиджеева, К. Ф. К вопросу о подготовке советских педагогических кадров в 1920-е годы (на материалах Кабардино-Балкарии) / К. Ф. Лиджеева // Вестник Калмыцкого университета. – 2011. – № 11. – С. 23-25.

333. Лиджеева, К. Ф. Развитие системы образования в национальных районах юга России в конце XIX в. - 1941 г.: историко-сравнительный анализ / К. Ф. Лиджеева. – Элиста: Издательство Калмыцкого государственного университета, 2012. – 215 с.

334. Лях, В. И. Просвещение и культура в истории Кубанской станицы / В. И. Лях. – Краснодар: Сов. Кубань, 1997. – 445 с.

335. Магидов, Ш. Г. Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе / Ш. Г. Магидов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. – 112 с.

336. Макарова, Г. П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. Исторический очерк / Г. П. Макарова. – М.: Наука, 1987. – 268 с.

337. Малахова, Г. Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII - XIX вв. / Г. Н. Малахова. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 2001. – 394 с.

338. Мамсиров, Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века / Х. Б. Мамсиров. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 322 с.

339. Маремкулов, А. Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII - начале XIX века: политико-правовой аспект / А. Н. Маремкулов. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 150 с.

340. Матвеев, О. В. Малоизвестные страницы кубановедения / О. В. Матвеев. – Краснодар: Традиция, 2022. – 383 с.

341. Медынский, Е. Н. История педагогики в связи с экономическим развитием общества / Е. Н. Медынский. – М.: Русская педагогика, 1929. – 349 с.

342. Медынский, Е. Н. История педагогики до Великой Октябрьской социалистической революции / Е. Н. Медынский. – М.: Учпедгиз, 1938. – 512 с.

343. Овсянников, К.М. Классовая борьба в высшей школе и задачи комсомола / К.М. Овсянников. – М.; Л., 1931. – 176 с.

344. Паначин, Ф. Г. Педагогическое образование в СССР. Важнейшие этапы истории и современное состояние / Ф. Г. Паначин. – М.: Педагогика, 1975. – 224 с.

345. Поборина, М. Ю. Развитие образования на Кубани в начале XIX в. / М. Ю. Поборина. – Краснодар, 1993. – 23 с.

346. Прокофьева, М. А. Народное образование в СССР / М. А. Прокофьева. – М.: Педагогика, 1985. – 448 с.

347. Раенко Я. Н. Адыги до и после Октября / Я. Н. Раенко. – Ростов н/Д; Краснодар: Крайнациздат, 1927. – 180 с.

348. Родионов, В. А. Теория и политика советского государства и общества в отношении молодого поколения и юношеского движения 1917-1941 гг. / В. А. Родионов. – М.: Социум, 1998. – 591 с.

349. Рожков, А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов / А. Ю. Рожков. – 2-е издание. – Москва: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2016. – 640 с.

350. Рудольф, Н. Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа. 1908-1912 гг. / Кавказский учебный округ за пятилетие 1908-1912 гг. / Н.Ф. Рудольф. – Тифлис: Типо-лит. и переплетная т-ва «Либерман и К°», 1914. – 231 с.

351. Самойлова, Е.С. Население и образование. - Москва: Статистика, 1978. - 143 с.

352. Советкин, Ф. Ф. Национальные школы РСФСР за 40 лет / Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т нац. школ; Под ред. заслуж. деятеля науки проф. Ф. Ф. Советкина. – М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1958. – 302 с.

353. Тополянский, В.Д. Вожди в законе: Очерки физиологии власти / В.Д. Тополянский. – М.: Права человека: Издатцентр, 1996. – 351 с.

354. Трехбратова, С. А. История народного образования на Кубани (конец XVIII - начало XX в.) / С. А. Трехбратова; Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Краснодарский государственный ин-т культуры». – Краснодар КГИК, 2015. – 167 с.

355. Хатаев, Е. Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (вторая половина XIX в. - 1917 г.) / Е. Е. Хатаев. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006. – 279 с.

356. Цуциев, А., Дзугаев, Л. Северный Кавказ 1780-1995: история и границы / А. Цуциев, Л. Дзугаев. – Владикавказ: Проект - ПРЕСС, 1997. – 78 с.

357. Череванский, В. П. Мир ислама и его пробуждение / В. П. Череванский. – СПб.: Издательство Гостипография, 1901. – Т. 1. – 328 с.; Т. 2. – 255 с.

358. Чич, С. Н. Государственная система общеобразовательной подготовки женской молодежи на Кубани в XIX-начале XX века / Чич С. Н.; Науч. ред. И. Я. Куценко; Адыг. респ. ин-т гуманит. исслед. – Майкоп: Б. и., 1993. – 84 с.

359. Чуев, Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева /

Ф. И. Чуев. – М.: Терра, 1991. – 623 с.

360. Шахов, Д. Краткий очерк 30 летнего существования Третьего Екатеринодарского Александровского городского начального училища на Покровской площади / Д. Шахов. – Екатеринодар, 1910. – 21 с.

361. Шербина, В. А. Материалы для истории образования на Северном Кавказе Екатеринодарского приходского духовного училища / В. А. Шербина. – Ставрополь, 1888. – 146 с.

362. Шеуджен, Э. А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе / Э. А. Шеуджен. – Ростов-на-Дону, 1983. – 139 с.

363. Щербина, Ф. А. История Кубанского казачьего войска / Сост. чл.-кор. Акад. наук... Ф. А. Щербина. Т. 1-2. – Екатеринодар: тип. Кубан. обл. правл., 1910-1913. – 848 с.

Монографии на иностранном языке

364. Badcock, S. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History / S. Badcock. Cambridge: University press Publ., 2007. – 260 p.

365. Fitzpatrick Sheila. The Russian revolution. 1917-1932. – Oxford-New York: Издательство: Oxford University Press, 1985. – 181 p.

366. Raleigh, D. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917-1922 / D. Raleigh. Oxford, Princeton: University press. Publ., 2002. – 438 p.

Статьи

367. Аверьянов, А. В. Политика украинизации на Юге России в 1920-е - начале 1930-х годов: некоторые сравнительные аспекты / А. В. Аверьянов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2020. – № 2(206). – С. 13-21.

368. Айбатов, М. М. Проблемы общественного строя, власти и управления во взглядах адыгских просветителей в XIX в. / М. М. Айбатов //

Государство и право. – М., 2007. – № 4. – С. 67-71.

369. Акопян, В. З. Украинизация как способ преодоления казачьей сословности на Кубани в 20-30-е годы XX века / В. З. Акопян // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 1. – С. 271-275.

370. Александрова, С. Н. Организация и становление Армавирского педагогического техникума / С. Н. Александрова, С. Н. Ктиторов // Очерки истории Армавирского государственного педагогического института. – Армавир, 2003. – С. 20-35.

371. Алиев, У. Октябрь и национальная культура на Северном Кавказе / У. Алиев // Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1927. – № 9. – С. 18-21.

372. Архипова, Т. Г. Государственная итоговая аттестация в вузах России в XVIII - начале XXI века: исторический анализ // Преподаватель XXI век. 2020. – № 1-1. – С. 21-26.

373. Бабаева, М. А. Заочное обучение: исторический путь к MOOK / М. А. Бабаева, А. Ф. Смык // Высшее образование в России. – М., 2018. – Т. 27. – № 4. – С. 156-166.

374. Байтуган, Б. Роль горской интеллигенции в горском освободительном движении / Б. Байтуган // Вопросы истории. – М., 2001. – № 5. – С. 17-23.

375. Богатырова, Л. А. Состояние мусульманского конфессионального образования в 20-е годы XX в. / Л. А. Богатырова // Этносоциум и межнациональная культура. – М., 2008. – № 3 (11). – С. 99-103.

376. Бозиев, Р. С. О распространении грамотности между горцами / Р. С. Бозиев, П. К. Бозиев // Педагогика. – М., 1996. – № 1. – С. 94-97.

377. Бозиев, Р. С. Формирование системы образования на Северном Кавказе / Р. С. Бозиев // Педагогика. – М., 2000. – № 2. – С. 64-68.

378. Борисов, Ю. С. Развитие сети вузов и техникумов в СССР в 1917 - 1920 гг. / Ю. С. Борисов // Строительство советского государства. – М., 1972. – С. 181-197.

379. Борисов, Ю. С. Школьные реформы и подготовка кадров (1917-1941 гг.) / Ю. С. Борисов // Духовный потенциал СССР накануне Великой Отечественной войны: сб. статей. – М.: Ин-т истории СССР, 1985. – С. 94-123.

380. Боров, А. Х. «Волны» российских модернизаций XIX-XX веков и социально-культурная эволюция народов Северного Кавказа / А. Х. Боров // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – М., 2010. – № 6. – С. 45-49.

381. Боров, А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Проблемы интеграции и синтеза / А. Х. Боров, Р. Х. Кочесоков // Философские науки. – М., 2011. – № 1. – С. 43-60.

382. Бузаров, К. И. Развитие народного образования в Адыгее (II половина XVIII века - I половина XX века) / К. И. Бузаров // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2012. – № 1. – С. 33-39.

383. Вагина, В. Ф. Народное образование на Северном Кавказе в период строительства социализма / В. Ф. Вагина // Народное образование на Северном Кавказе. – Ставрополь, 1974. – С. 17-58.

384. Вазанков, М. В. Становление педагогического образования в Кубанской области в 60-е гг. XIX - начале XX вв. / М. В. Вазанков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2024. – № 2(339). – С. 28-34.

385. Вазанков, М. В. Становление светского образования на территории Кубани и Адыгее в 60-е гг. XIX - начале 20-х гг. XX века / М. В. Вазанков // Наука и инновации - векторы развития: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов, Краснодар, 17 ноября 2022 года / Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации. – Краснодар: Краснодарский кооперативный институт (филиал) автономной

некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации». – Краснодар, 2023. – С. 615-621.

386. Вазанков, М. В. Формирование системы педагогического образования на территории Кубани и Адыгее в Советской России 20-30 гг. (историографический анализ) / М. В. Вазанков // Власть истории и история власти. – 2022. – Т. 8, № 4 (38). – С. 19-29.

387. Вазанков, М. В. Учительские семинарии на территории Кубани в конце XIX - начале XX века / М.В. Вазанков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2026. – № 2. – С.28-32.

388. Валуев, Д. В. Социальная дискриминация в системе образования в первые десятилетия советской власти (на примере Смоленских вузов) / Д. В. Валуев // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 20-26.

389. Варшавский, С. Разгром университетов // Студенческие годы. –1925. – № 4. – С. 20-28.

390. Веселов, В. Р. Опыт партийно-государственной политики по формированию учительских кадров Верхнего Поволжья в 1920 - 1930-е годы / В. Р. Веселов, А. М. Журавлев // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2008. – Т. 14, № 4. – С. 234-243.

391. Владыкина, В. А. Концептуальные проблемы национального образования Советской России / В. А. Владыкина // Педагогика. – М., 2000. – № 10. – С. 71-75.

392. Войтеховская, М. П. Формирование сети педагогических учебных заведений в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях модернизации образования и введения всеобщего обучения в 1917- начале 1930-х гг. / М.П.

Войтеховская, С. А. Кочурина // Научно-педагогическое обозрение. – Вып. 6 (46). 2022. – С. 131-148.

393. Гобети, З. Б. К вопросу формирования национальной интеллигенции Северного Кавказа в период культурного строительства (20-30-е годы XX века.) / З. Б. Гобети // Научные проблемы гуманитарных исследований. – М., 2009. – № 10 (2). – С. 75-80.

394. Гобети, З. Б. Основные направления советской модернизации в области культуры (на примере республик Северного Кавказа) / З. Б. Гобети // Материалы региональной научной конференции «Национальная и федеративная политика Российской Федерации и проблемы национально-государственного строительства на Кавказе». – Владикавказ, 2009. – С. 112-115.

395. Гобети, З. Б. Становление и развитие народного образования на Северном Кавказе в 30-е годы XX в. / З. Б. Гобети // Вестник Владикавказского научного центра. – М., 2006. – № 4. – С. 14-18.

396. Голуб, Ю. Г. Большевики и педагогическая общественность в первые месяцы советской власти / Ю. Г. Голуб, А. Н. Поздняков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2005. – Т. 5, № 1-2. – С. 29-36.

397. Гудиева Л. Х-У., Мартазанов А.М. Подготовка учителей для школ Ингушетии в 1920-1930-х гг. // Педагогика. – М., 2007. – № 5. – С. 89-93.

398. Гудиева, Л. Х-У. Горские школы на Северном Кавказе в 1920-1930-х гг. / Л. Х-У. Гудиева, Х. С. Оздоева // Педагогика. – М., 2008. – № 4. – С. 83-88.

399. Гутиева, М. А. Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе / М. А. Гутиева // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 2-7.

400. Давитлидзе, Г. Г. Учебные заведения Кубанской области в начале XX века / Г. Г. Давитлидзе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – М., 2007. – № 5. – С. 35-41.

401. Двизе, Г. Г. Учебные заведения Кубанской области в начале XX века / Г. Г. Двизе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – М., 2007. – № 5. – С. 35-41.

402. Дмитриева, З. Работа консультационных пунктов заочных школ // Школа взрослых. – 1938. – № 9. – С. 44-49.

403. Дроздов, К. С. Украинский язык и особенности его преподавания в школах РСФСР в период проведения политики украинизации в 1920-1930-е гг. // Славянский альманах. – 2017. – № 1-2. – С. 294-314.

404. Дроздов, К. С. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917-1932 гг. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2010. 164 с. / К. С. Дроздов // Российская история. 2013. – № 5. – С. 178-182.

405. Емтыль, З. Я. Практика привлечения адыгской интеллигенции на сторону советской власти в 20-е гг. XX в: трудности и противоречия / З. Я. Емтыль // Теория и практика общественного развития. – М., 2010 – № 3. – С. 202-205.

406. Емтыль, З. Я. Развитие педагогического образования на Кубани и в Адыгее в 20-е гг. XX века / З. Я. Емтыль, М. В. Вазанков // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – М., 2022. – Т. 14. – № 3. – С. 26-34.

407. Еремеева, Е. В. Кубанская высшая школа в условиях гражданского противостояния / Е. В. Еремеева // Магистериум. Сб. науч. Трудов. – Краснодар, 2003. – Вып. 1. – С. 90-95.

408. Зекох, У. Из истории адыгской письменности // Гъуаз. – Майкоп, 1990. – № 7. – С. 3-12.

409. Кагазежев, Б. С. История развития народного образования в адыгейской автономной области в 20-30-е годы XX века / Б. С. Кагазежев, Р. Б. Кагазежев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – М., 2016. – № 4 (189). – С. 30-34.

410. Кагазежев, Р. Б. Культурное строительство в Адыгее в предвоенный

период / Р. Б. Кагазежев // Новые технологии. – М., 2006. – № 1. – С. 63-66.

411. Каймаразов, Г. Ш. Из истории борьбы за осуществление всеобщего в национальных республиках Северного Кавказа (1928 – 1940 гг.) / Г. Ш. Каймаразов // Вопросы истории Дагестана и Северного Кавказа (советский период). Том 1. – Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1973. – С. 102-127.

412. Каймаразов, Г. Ш. К истории народного образования и науки в национальных республиках Северного Кавказа (1920-1940-е гг.) / Г. Ш. Каймаразов // УЗ ИИЯЛ. Серия общественные науки. Т. 20. – Махачкала, 1970. – 463 с.

413. Каймаразов, Г. Ш. Успехи культурного строительства за годы Советской власти / Г. Ш. Каймаразов, А. Эфендиев // Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Т. 4. – Махачкала, 1958. – С. 120-157.

414. Кац, Н. Г. Советизация российского учительства в годы НЭПа / Н. Г. Кац // Новый исторический вестник. – М., 2001. – № 1. – С. 125-136.

415. Кибис, Е. М. Мероприятия коммунистической партии по перевоспитанию учительских кадров старой формации (1921-1925 гг.) // Народное образование в Красноярском крае за годы Советской власти. Краснояр. гос. пед. ин-т. – Красноярск, 1970. – С. 152-158.

416. Киняпина, Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. / Н. С. Киняпина // Вопросы истории. – М., 1983. – № 4. – С. 35-47.

417. Колокольникова, З. У. Государственная политика по переподготовке учительских кадров старой формации (1921-1925 гг.) / З. У. Колокольникова, М. В. Староверова, М. А. Скрынник // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 79-2. – С. 154-157.

418. Кравцова, Ю. Н. Формирование и развитие национальной системы образования на Кубани в 1920-1930-х гг. на примере украинских и адыгейских школ / Ю. Н. Кравцова // Интерактивная наука. – 2020. – № 9 (55). – С. 25-29.

419. Крыжановский, Г. Я. Адыгейская национальная письменность / Г. Я.

Крыжановский // Советская Адыгея. – Краснодар, 1925. – Вып. 1. – С. 68-79.

420. Ктиторов, С. Н. Истоки / С. Н. Ктиторов // Очерки истории Армавирского государственного педагогического института. – Армавир, 2003. – С. 5-19.

421. Ктиторов, С. Н. Нравственный облик армавирцев начала века глазами современников / С. Н. Ктиторов // Развитие социально-культурной сферы Кубани: Сб. тезисов докл. 3-й краевой научно-практической конференции молодых ученых. – Армавир, 1995. – С. 64-67.

422. Кубов, Ч. Ч. Борьба партийной областной организации за осуществление культурной революции в Адыгее (1920-1937 годы) / Ч. Ч. Кубов // Сборник статей по истории Адыгеи: советский период. – Майкоп, 1967. – С. 258-387.

423. Кузьмин, М. Н. Национальная школа России: традиции и современность в контексте модернизации / М. Н. Кузьмин // Школа и мир культуры этносов. – М., 1994. – Вып. 1. – С. 5-20.

424. Кузьмина, О. В. О государственной политике в отношении учительских семинарий в России во второй половине XIX в. (по материалам ревизии самарской учительской семинарии) / О. В. Кузьмина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 4, № 4. – С. 37-45.

425. Куманев, В. А. Культурный прогресс ранее отсталых народов СССР (развитие массового просвещения в 1920-е годы) / В. А. Куманев // Советская культура: история и современность. – М., 1983. – С. 309-322.

426. Куценко, И. Я. Первые шаги высшей школы в Екатеринодаре / И. Я. Куценко // Краснодару 200 лет. Тезисы краевой науч.-практ. конф. – Краснодар, 1993. – С. 49-52.

427. Лазарев, В. Н. Высшее педагогическое образование без отрыва от основной деятельности: история, современное состояние, перспективы / В. Н. Лазарев // Социально-гуманитарные знания. – М., 2004. – № 5. – С. 139-158.

428. Лиджеева, К. Ф. Подготовка педагогических кадров в процессе

создания советской интеллигенции / К. Ф. Лиджеева // Вестник Поморского университета. – Архангельск: Издательство им. В. Н. Булатова Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2011. – № 6. – С.29-34.

429. Литовка, В. В. Особенности организации подготовки педагогических кадров в 20-30-е годы XX столетия в системе высшего заочного педагогического образования / В. В. Литовка // Наука и школа. – М., 2023. – № 2. – С. 89-95.

430. Мамсиров, Х. Б. Ликвидация неграмотности в центральной и западной частях Северного Кавказа (20-30-е гг. XX в.) / Х. Б. Мамсиров // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2005. – Прил. № 1 (26). – С. 21-26.

431. Мамсиров, Х. Б. Проблемы создания системы образования на Северном Кавказе в период советской модернизации 20-х - начало 30-х гг. XX в. (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии) / Х. Б. Мамсиров // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия гуманитарные науки. – Нальчик, 2006. – Вып. 8. – С. 8-13.

432. Мацибора, М. Г. Особенности заочной формы обучения в России на рубеже XIX-XX веков / М. Г. Мацибора // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 73-2. – С. 118-124.

433. Недосекин, В. Кубанский университет: годы и люди. Великая Отечественная война. Время тяжелых испытаний / В. Недосекин // По заветам Ленина. – М., 1984. – № 36. – С. 3-9.

434. Ненароков, А. П. К вопросу об уровне грамотности народов России в предоктябрьский период / А. П. Ненароков // Советская культура: история и современность: сб. статей. – М.: Наука, 1983. – С. 301-309.

435. Окушова, Г. А. Подготовка учительских кадров в дореволюционной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2010. – № 11 (101). – С. 80-85.

436. Панфилов, В. Н. Первый вариант второй пятилетки Наркомпроса РСФСР / В. Н. Панфилов // Коммунистическое просвещение. – М., 1932. – № 8. – С. 31-32.

437. Передпольский, Г. Несколько слов об учителях городских училищ вообще и на Кавказе в частности / Г. Передпольский // Кавказский вестник. – Тифлис, 1901. – № 3. – С. 60-62.

438. Петровичева, Е. М. История становления высшего педагогического образования во Владимире: К 100-летию института / Е. М. Петровичева, С. А. Курасов. – Владимир: Владимирский государственный университет, 2019. – 139 с.

439. Петровский, М. О программах для горских школ / М. Петровский // Вопросы просвещения. – М., 1927. – № 6. – С. 28-31.

440. Рожков, А. Ю. «обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой»: письма студентов КУБГУ - КГПИ «во власть» (1921-1929 гг.) / А. Ю. Рожков // Голос минувшего. – 2023. – № 3. – С. 75-94.

441. Рожков, А. Ю. Обследование бюджета времени студента Кубанского пединститута в 1927 г. как исторический источник о студенческой повседневности / А. Ю. Рожков // Голос минувшего. – 2015. – № 3-4. – С. 145-158.

442. Рожков, А. Ю. У истоков Кубанского пединститута: Петр Николаевич Колотинский / А. Ю. Рожков // Голос минувшего. – 2011. – № 1-4. – С. 30-37.

443. Рожков, А. Ю. Чистки учителей сельских школ на Кубани (1920-е гг.) / А. Ю. Рожков // Власть и общество в условиях реформ в 1920-х гг.: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 20-22 ноября 2024 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. – С. 207-213.

444. Рыбко, С. Н. К истории женского образования на Кубани в конце XIX - начале XX вв. / С. Н. Рыбко // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнической культуры Северного Кавказа за 2002 г. (Девятые

Дикаревские чтения) Материалы рег. науч. конф. – Краснодар, 2003. – С. 174-176.

445. Рыбко, С. Н. Церковные школы в системе народного образования на Кубани / С. Н. Рыбко // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 г. (Шестые Дикаревские чтения). Материалы рег. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2000. – С. 71–74.

446. Рыбко, С.Н. Воспитание девиц казачьего происхождения в Мариинском женском институте / С. Н. Рыбко // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 г. (Пятое Дикаревские чтения). Материалы рег. науч.-практ. конф. – Краснодар, 1999. – С. 160-164.

447. Сабанчиева, В. С. Становление советской системы подготовки учителей в Кабардино-Балкарии / В. С. Сабанчиева // Педагогика. – 2009. – № 6. – С. 103-109.

448. Сивков, С.М. К вопросу об украинизации Кубани в период с 1917 по 1922 г. Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития // Материалы международной научной конференции. – Ростов н/Д., 2013. – С. 246-251.

449. Федоров, В. А. Профессионально-педагогическое образование в России: историко-логическая периодизация / В. А. Федоров, Н. В. Третьякова // Образование и наука. – 2017. – Т. 19. – № 3. – С. 93-119.

450. Фоминых, С. Ф. «Чистка» студентов в Томском государственном университете в конце 1920-х гг. как инструмент пролетаризации высшей школы / С. Ф. Фоминых, Д. Е. Шандала // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 411. – С. 177-182.

451. Хабдиева, Л. Ч. Государственная политика в сфере высшего образования в 1920-1930-е гг. // Историческое обозрение: сборник научных статей. – Владикавказ, 2010. – С. 56 - 63.

452. Хлынина, Т. П. Адыгские народы Кубанской области: проблемы советизации (начало 20-х годов) / Т. П. Хлынина // Северный Кавказ: выбор

пути национального развития: сб. статей. – Майкоп, 1994. – С. 100-112.

453. Чашарина, О. М. Вопросы формирования национально-технической интеллигенции на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития: сб. статей. – Майкоп, 1994. – С. 164-172.

454. Челябинов, Н. И. Рабочие факультеты и профессиональные союзы // Вестник рабочих факультетов. – М., 1921. – № 2-6. – С. 8.

455. Шпаковская, Л. Л. Советская образовательная политика: социальная инженерия и классовая борьба / Л. Л. Шпаковская // Журнал исследований социальной политики. – 2009. – Т. 7, № 1. – С. 39-64.

456. Штурба, В. А. Развитие казачьего народного образования в Кубанской области во второй половине XIX в / В. А. Штурба, Е. В. Штурба // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 5. – С. 59-65.

457. Штурба, В. А. Развитие образования на Кубани в 1793 - 1863 гг. И влияние на него культурных традиций Запорожской Сечи / В. А. Штурба, С. С. Васильев // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 1-2. – С. 92-102.

458. Ялозина, Е. А. Подготовка кадров советских учителей в 1920-1930-х годах: организационно-методические поиски и проблемы / Е. А. Ялозина // Наука и школа. – 2009. – № 6. – С. 66-69.

459. Яхутль, Ю. А. Формирование социалистической общеобразовательной среды Адыгейской автономной области (1930-е гг.) / Ю. А. Яхутль // Современная научная мысль. – М., 2023. – № 6. – С. 133-138.

Диссертации, авторефераты диссертаций

460. Алдакимова, О. В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Алдакимова Ольга Викторовна. – Сочи, 2004. – 216 с.

461. Аравин, О. Ф. Становление и развитие профессионального

образования на Кубани в досоветский период (XIX - начало XX вв.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Аравин Олег Филиппович. – Краснодар, 2007. – 247 с.

462. Безугольный, А. Ю. Опыт строительства Вооруженных сил СССР: Национальный аспект (1922-1945 гг.): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / Безугольный Алексей Юрьевич. – Москва, 2019. – 597 с.

463. Борисенок, Е. Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.): диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук: 07.00.02 / Борисенок Елена Юрьевна. – М., 2015. – 948 с.

464. Гришанов, П. В. Партийное руководство осуществлением всеобуча в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926-1937): диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук: 07.00.02 / Гришанов Петр Васильевич. – Свердловск, 1984. – 367 с.

465. Емтыль, З. Я. Адыгская интеллигенция, конец XIX - начало XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Емтыль Зарема Январбиевна. – Майкоп, 1999. – 208 с.

466. Емтыль, З. Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в.-30-е гг. XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / Емтыль Зарема Январбиевна. – Майкоп, 2010. – 49 с.

467. Емтыль, З. Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. - начала 30-х гг. XX в.: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / Емтыль Зарема Январбиевна. – Майкоп, 2011. – 418 с.

468. Калинин, С. Б. Формирование и развитие научного пространства в республиках Северного Кавказа и на Ставрополье (1918-1940 гг.): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических

наук: 07.00.02 / Калининко Светлана Борисовна. – Ставрополь, 2006. – 45 с.

469. Калининко, С. Б. Формирование и развитие научного пространства в республиках Северного Кавказа и на Ставрополье (1918-1940 гг.): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / Калининко Светлана Борисовна. – Ставрополь, 2006. – 560 с.

470. Киндарова, Я. А. Становление и развитие науки и научно-образовательных учреждений на Северном Кавказе в 1920-1970-е годы: На материалах Чечено-Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Киндарова Яха Абдуллаева. – Грозный, 2005. – 171 с.

471. Кононенко, В. М. Развитие высшего образования на юге России (20-90-е годы XX века): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / Кононенко Виктор Михайлович. – Ставрополь, 2006. – 619 с.

472. Манузин, Е. В. Образование и воспитание Кубанского казачества: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. / Евгений Викторович Манузин. – Краснодар, 2004. – 196 с.

473. Мельникова, И. И. Духовная культура Ставрополья XIX-XX вв. (на примере фольклорных традиций): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. / Инна Ивановна Мельникова. – Ставрополь, 2004. – 207 с.

474. Наумова, А. Г. Становление и развитие высшего образования на Кубани: исторический аспект: (на примере вузов г. Краснодара (1918-1970 гг.)): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Наумова Алина Геннадьевна. – Краснодар, 2005. – 27 с.

475. Наумова, А. Г. Становление и развитие высшего образования на Кубани: исторический аспект (на примере вузов г. Краснодара (1918-1970 гг.)): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Наумова Алина Геннадьевна. – Краснодар, 2005. – 198 с.

476. Ноборина, М. Ю. Общественно-просветительская деятельность К.В. Российского: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Марина Юрьевна Поборина. – Краснодар, 1997. – 247 с.

477. Подосинникова, Н. В. Использование педагогического потенциала теории и практики образовательных учреждений Кубани XIX - начала XX веков в современной школе: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Наталья Власовна Подосинникова. – Краснодар, 1998. – 167 с.

478. Ратушняк, Т. В. Развитие краеведения на Кубани, конец XVIII в. - начало 1930-х гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук 07.00.02 / Ратушняк Татьяна Витальевна. – Краснодар, 1999. – 230 с.

479. Рожков, А. Ю. Молодой человек в советской России 1920-х гг., повседневная жизнь в группах сверстников (Школьники, студенты, красноармейцы): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Рожков Александр Юрьевич. – Краснодар, 2003. – 493 с.

480. Черепнина, Б. И. Деятельность Коммунистической партии в области подготовки научно-педагогических кадров по общеобразовательным наукам в СССР за 1918-1960 гг. (На материалах высшей школы): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Черепнина Бронислава Ивановна. – М., 1964. – 280 с.

481. Шкилева, О. Г. Развитие светского и духовного образования среди славянского и горского населения на Кубани XIX - начала XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Шкилева Ольга Георгиевна. – Черкесск, 2010. – 245 с.

Энциклопедические издания

482. Козлов, М. Православная энциклопедия. Вводный том. Русская православная церковь. – М.: Православная энциклопедия, 2000. — 655 с.

483. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров 4-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 1632 с.

484. Экономическая жизнь СССР: Хроника событий и фактов. 1917-1965: в 2 кн. / глав. ред. С.Г. Струмилин. – 2-е изд., доп. – М.: Советская Энциклопедия. – Кн. 1: 1917-1950. – 1967. – 440 с.

485. Энциклопедический словарь по истории Кубани: С древнейших времен до окт. 1917 г. / Администрация Краснодар. края; Трехбратов Б. А. – Краснодар: Реклам.-изд. фирма «Эдви», 1997. – 557 с.